

Рассказы

Дверь в мою весну

Насколько я помню, тут всегда была детская площадка. Небольшой проулок заканчивался глухой бетонной стеной. Окна начинались только с третьего этажа, что давало большой простор любым забавам с мячом. Видавший виды потрескавшийся асфальт был расчерчен белой краской на игровые зоны. Летом мальчишки приходили сюда ещё ранним утром, а расходились уже при свете фонарей.

Однако сейчас площадка отсутствовала. Да и целый проулок тоже! Я остановился как вкопанный, уставившись на витрину неизвестно откуда взявшейся антикварной лавки. Сзади на меня налетела средних лет женщина, едва не сбив с ног.

– Встал посреди дороги, старый хрыч! – ругнулась она, проверяя содержимое пакета в руках. Очевидно, там были яйца. Я даже не стал огрызаться. Настолько меня потрясло случившееся.

Ну, представьте себе, что семьдесят с лишним лет вы своими глазами наблюдаете восход, а потом вдруг обнаруживаете, что солнца никакого нет. Мало того, никто вокруг этого самого солнца-то и в глаза не видывал (прохожие совершенно спокойно проходили мимо – я специально понаблюдал).

Меня стал прошибать пот. Но, решив не поддаваться панике, я сначала убедился, что не перепутал местность. Затем тростью проверил наличие витрины на том самом месте, где когда-то находился злополучный проулок. Витрина была, причём со вкусом оформленная, с удачным сочетанием малинового, чёрного и золотого. А вот проулок, увы, исчез. Стена во всех местах выглядела однородной, безо всяких признаков недавних строительных работ. Мне стало неожиданно горько. Дожил-таки до

сумасшествия. От нахлынувшего чувства великой жалости к самому себе я чуть было не расплакался. Вспомнился фильм, где герой в самом конце узнаёт, что у него всю жизнь были галлюцинации, которые он принимал за чистую монету. Как же он там назывался? Впрочем, ну его!

В психушку очень не хотелось.

Немного поразмыслив, я решил провести небольшую разведку. Остановив проходящую мимо молоденькую девушку, я, ткнув тростью в вывеску, попросил её подсказать мне название «вот этого магазина». Для убедительности я подслеповато щурил глаза, которые никогда не нуждались в очках.

– Дедушка, какого магазина? Тут же подворотня какая-то! А магазин во-он где! – она правой рукой заботливо взяла меня за локоть, поворачивая в сторону гастронома. Безымянный палец не обременён кольцом, а руки – пакетами с продуктами. Скорей всего, не замужем.

– Спасибо, дочка – промямлил я дрожащим голосом, – очки вот дома позабыл. Ничего не вижу.

– Давайте я вас доведу, – предложила она.

– Нет, доченька, пойду домой, за очками. Дай Бог тебе здоровья!

Девушка мило улыбнулась и пошла своей дорогой. Значит, всё-таки, жёлтый дом.

Я остался стоять пень пнём, уныло глядя ей вслед. Когда она скрылась из виду, я, убедившись, что на меня никто не смотрит, ещё раз проверил свою галлюцинацию на ощупь. Всё было вполне реально. Штукатурка даже крошилась и пачкала руки.

– Упал, отец? – вопрос задал добродушного вида здоровяк, оглядывая меня. Пышная, боярского вида борода делала его похожим на священника, но серьга в ухе и изящная печатка на пальце подсказывали обратное. Скорее

всего, художник какой-нибудь или режиссёр. В общем, человек искусства. Увидев в моём взгляде непонимание, он пояснил:

– Да вот, грязный весь.

Действительно, видок у меня был ещё тот. Штукатурка выпачкала мне рукава и брюки.

Стоп!

Он её видел, штукатурку!

Кое-как отделавшись от заботливого бородача, я отошёл в сторонку и присел на старую деревянную скамейку, внутренне ликуя.

Всё-таки я не рехнулся, как показалось сперва. Ну, по крайней мере, не совсем. Но вот беда: только я один видел эту проклятущую лавку, остальные видели проулок.

Стеклянная матовая дверь распахнулась и выпустила шумную ватагу чумазных ребятишек с футбольным мячом. Они, ссорясь и перебивая друг друга, громко обсуждали только что закончившуюся игру.

М-да, вряд ли ребята играли в мяч посреди всяких статуэток и греческих ваз. Может, стоит войти внутрь и положить конец догадкам и сомнениям?

«Эти вазы, милый Филя, ионического стиля», – пробурчал я себе под нос, поднимаясь со скамьи и направляясь к таинственным дверям.

Внутри не было ни души. Красный мраморный пол, обшитые эбеновой рейкой стены, потолок с яркими светильниками в виде звёздного неба. И дверь с золотой ручкой в виде львиной морды.

Первый шаг уже сделан, поэтому на второй много времени не потребовалось. Потянув за ручку, я распахнул дверь.

Я ожидал увидеть всё что угодно: комнату пыток, набитую глупцами вроде меня, больничную палату с зарешёченными окнами и мягкими стенами, просто пыльный чулан, в конце концов. Но за дверью была весна.

Настоящая, с цветущей ивой на берегу тихого затона, полного окуней, жирных от стрекоз. С сочной ярко-зелёной травой на пригорке, растущей вперемешку с золотыми макушками одуванчиков. Ах, какое варенье когда-то готовила из них мама! Ещё был родной домик с зелёной застеклённой верандой. Во дворе росла могучая сосна. С неё я однажды свалился прямо на грядки с анютиными глазками, а перепуганный насмерть младший братишка громко заревел, не зная, что делать. Вовремя подоспевший отец, подхватив меня на руки, хлопнул по спине, отчего я снова начал дышать. Как испугалась тогда мама, запретив даже близко подходить к сосне! А вот и рыжий соседский кот – снова лежит на крыше нашего сарая. Ждёт, хитрец, когда гуси выйдут на двор. Ставни дома были открыты, из трубы поднимался прозрачный дымок – мать готовила завтрак.

Я уже стоял в самом проходе, готовый вприпрыжку бежать к родному дому. Хотелось смеяться, петь, гонять котейку, снова залезть на сосну и свалиться с неё ещё хоть тысячу раз! Я посмотрел на свои детские руки, уже не скрюченные артрозом. Они крепко сжимали ивовый прут вместо привычной трости. На мне снова были короткие клетчатые штанишки с большой пуговицей на кармашке. И жёлтые сандалики с дырочками. И чуть великоватая мне белая кепка с якорем на козырьке. Так просто дышалось теперь, когда лёгкие уже не были забиты угольной пылью!

Ещё один только шаг – и я смогу остаться здесь. Я понимал это, хотя никто ничего мне не объяснял. Что меня держит в мире, где я живу один в пустой двухкомнатной «сталинке» с видом на двухэтажный барак во дворе, не имея уже никого в живых из друзей и родных? Любушка умерла тридцать пять лет тому назад. Она так и не смогла пережить смерть старшего сына Витеньки, погибшего на Афганской войне. Младший наш сыночек Сашенька

разбился на машине двадцать два года назад. А брат Вова перенёс два инфаркта и умер на больничной койке в прошлом году. Он не был женат и не оставил детей. Близкие друзья давно уже отошли в лучший мир.

И тут я заплакал, по-детски размазывая слёзы по щекам. Господь Бог уж точно не забавляется злыми шутками. Но кто тогда придумал всё это? Кто решил, что я смогу променять груз пережитых лет на безмятежное детство? Выстраданное душой, незабытое и незалеченное временем я просто не в силах отдать взамен. Перешагнуть порог? Но болит моё сердце. Сейчас это уже сердце ребёнка, но оно так и не помолодело.

Я сделал шаг назад, сполна ощутив навалившееся на меня бремя лет. Вчера онколог честно назвал мой срок – не более двух месяцев. Значит, уже скоро. На что мне суррогат жизни? Ведь настоящая – уже за плечами, а впереди – вовсе не конец.

Там только начало.

Решительно захлопнув дверь, я повернулся и, опираясь на трость, вышел на улицу, оставив свою весну позади.

Ворваться в рай

Я никогда не пристёгиваюсь ремнём безопасности, поскольку от него мнутя рубашка и галстук. А чтобы не раздражала сигнальная лампочка, я купил специальную заглушку для фиксатора ремня. Торжество разума над японской электроникой.

Воскресным утром на трассе всегда мало машин. Да и гаишники в это время спят. Я обычно разгоняюсь до ста сорока – ста шестидесяти километров в час. Трасса у нас приемлемая. Говорят – лучшая до самого Урала. Если умеешь водить – чего ещё желать?

Владелец Volkswagen Touareg управлял машиной так, как ему хотелось. Лихо вырулил от шашлычной на проезжую часть. Поворота не показал, меня не пропустил. Чтобы не влететь в новенький кроссовер на полном ходу, я резко утопил педаль тормоза. Визг покрышек, размазывающихся по асфальту, наверное, перебудил весь посёлок. К чести моего автомобиля надо сказать, тормоза на нём отменные – на обеих осях, с системой распределения нагрузки. Поэтому машину не закрутило и не выбросило с трассы. Но скорость у меня была более чем приличная – расстояние до немецкого народного автомобиля стремительно сокращалось. Секунда-другая – и лишение прав гарантировано. По внушительному тормозному пути грамотный инспектор легко определит скорость моего движения по трассе. И это – при ограничении в сорок километров!

Поэтому я вильнул рулём на встречную полосу. Зря, в общем. Этот-то манёвр мне и не удался. Судя по всему – под колесо что-то попало. Кто его знает – что. Может, кусок кирпича – случается и такое.

Через мгновение я врезался в световую опору и от удара со всего размаху налетел грудью на руль. Тут же подушка безопасности резко отбросила меня назад, и я, стукнувшись головой, потерял сознание.

Пришёл я в себя от того, что какой-то бородатый мужик растирал мне уши.

– Ну вот, очнулся. Лежи, не вставай, – торопливо добавил он, видя мои попытки пошевелиться.

Я еле дышал. Сознание путалось. Всё вокруг как-то странно дергалось. Тошнотворный запах крови прятался где-то в носоглотке.

– Что... со мной? – язык еле двигался во рту.

– Грудину сломал, голову разбил.

– Чего? Ты... это... врач?

– Врач. И священник. Тебя как звать?

– Ммм... Семён.

– Семён, ты не хочешь исповедоваться?

– Зачем?

– Я могу исповедь у тебя принять. Скорую я вызвал, но травма груди слишком опасная, риск очень большой... Ну, что, будешь каяться перед Господом?

– Не надо... – я плохо соображал, меня сильно раздражал назойливый Божий слуга.

– Послушай, родной, а вдруг не спасут тебя? Не дело выкаблучиваться. А с грехами в Царствие Божие не войти.

«Не пустят?» – спросил я. Нет, кажется, не спросил, а только подумал. Сил говорить уже не хватало.

«Не воспримешь. Даже если тайком проберёшься». Этот голос что – у меня в голове?

«Если рай есть, я туда и так попаду. А если ты врач – спасай меня!»

«Как врач я сделал всё, что мог». Это что – шутка? Или я схожу с ума?

– Ну и пошёл ты...

Закончить фразу уже не получилось, поскольку мир как-то странно закружился. А потом на меня навалилось небо.

Прошла вечность, а может быть, и одна секунда. Я очнулся. Наверное, это был плохой сон. Приснится же такое! Надо вставать, а то опоздаю.

Стоп! Не понял!

Перед глазами вместо спальни вдруг предстала давешняя дорога, моя истерзанная машина. Капот смят в гармошку, стекло вспучено. Рядом стоит тот самый поп из сна и говорит по мобильному телефону.

А на обочине возле автомобиля лежу я...

Растерянность захлестнула меня. Как же это?

Внезапно я оказался в квартире своих родителей. Они сидели на диване, не глядя друг на друга. Никогда прежде не плакавший отец сейчас утирал обильные слёзы. На прикроватной тумбочке стояла моя фотография с чёрной ленточкой. Меня никто не замечал. Время текло как-то странно: то ли оно переключалось эпизодами, подобно фильму, то ли его вовсе не было. Промелькнули мои похороны.

Затем я взлетел куда-то ввысь. Не сам. Ощущение было такое, как если бы кто-то меня тянул. Потом я вновь переживал почти всю свою жизнь. Почти – это потому, что я видел только свои скверные дела. То, в чём часто упрекала совесть. Это давило, подобно наркотическому трансу, и я не мог остановить этот ужас. Через целую вечность кошмар – вся эта череда моей грязи – внезапно закончился. Вокруг – колючий нестерпимый свет. Словно сто тысяч софитов направили мне прямо в лицо. Будь у меня глаза, я бы закрыл их. Но как раз этого-то я сделать не мог.

Звучал голос, но я всё никак не мог его разобрать. Что-то давило на меня своим присутствием, я задыхался. Был некий вопрос, но я не мог уловить его суть. Вокруг меня присутствовала правда. Она обличала меня во всём. Я был как червяк на крючке. Хотелось бежать куда угодно, только подальше отсюда.

Вдруг всё закончилось. Появилось небо – чистое, безоблачное. Показалась земля – прекрасная, утопающая в зелени и ароматных цветах. Пели птицы. Сиял день, не нуждаясь в солнце. А с неба нисходил величественный город – древние стены из какого-то драгоценного камня. Ворота, распахнутые

настежь, переливались перламутром. Городские улицы пылали золотом. У меня захватило дух. Мне непреодолимо захотелось устремиться туда – в этот дивный город невообразимой красоты.

Однако меня тяжело влекло куда-то вниз. Земля словно разверзлась, как при землетрясении. Там, на огромной глубине, горел огонь. Страшный, испепеляющий и леденящий. Там, внизу, были ужас, страдание, тоска, одиночество, злоба и отчаяние. Неужели это ад? Что? Как? Зачем? Ведь это же навсегда!

Я хотел закричать, но не смог. Рывок! Наверх, изо всех сил! Вся моя воля сейчас сконцентрировалась в едином порыве. Туда! В город! Чего бы это ни стоило! Только не в ад!

Разум был готов взорваться от напряжения. Всё естество противилось движению вниз. Моя цель – наверху. Я обязан быть там. Если это и есть рай, я должен в него попасть! Какая удача, что тело не обременяет меня сейчас! Я бы умер вторично от нечеловеческих усилий, которые сейчас прилагал к тому, чтобы достичь города.

И у меня получилось!

Страшная пропасть теперь отдалялась от меня. Я возносился туда, где сиял и пел прекрасный город. Ещё мгновение – и я внутри! Победа! Я убежал от ужаса, больше никогда мне не придётся бояться!

Золото вокруг было подобно прозрачному стеклу. Оно теплилось, будто светодиод, но не согревало. Город пустовал и безмолвствовал. Сверкали самоцветы в основаниях стен, но я не видел никого, кто мог бы насладиться зрелищем. Вся эта красота царила впустую. Сколько я уже здесь? Минуту? Год?..

В молчаливом отчаянии я метался по выцветающим и мрачнющим улицам. Запахи, дивные запахи! Они более не ощущались. Звуки также отсутствовали. Улицы сливались друг с другом безумной схожестью. Или это одна и та же улица? Где же тогда моя золотая нить? Однообразие... Скука... Разум томился. Ничего не происходило уже целую вечность. Что это – обман? Где же хвалёное Царствие Небесное? Нет, так нельзя! Умереть! Уснуть! В ад! Хоть что-нибудь!

По ликующему многолюдному граду – небесному Иерусалиму – по залитым светом улицам бродил единственный несчастливый человек, не видя и не слыша ничего вокруг, приводя в недоумение каждого, кто сталкивался с ним.

Кровная месть

– Я не буду этого делать! – Юнус вскинул руки, как бы защищаясь. – Лучше сам застрелюсь!

Дени жалостливо смотрел, как старший брат, запустив пальцы в кудрявую копну волос, растерянно метался по гаражу.

– Чего молчишь? Выскажись!

Дени опустил голову, изучая стрелки на своих брюках, прислонился к бамперу старой «Волги». Нащупал рукой на капоте скачущего во весь опор оленя. Закрыл глаза.

– Брат, ты ведь сам понимаешь, на весь наш род ляжет пятно из-за Малики.

– Да кто бы что понимал? – взорвался Юнус. – Кто обратит внимание? Родила – и ладно. Кому какая разница?

– Через одиннадцать месяцев после смерти мужа?! Ты что говоришь? Думаешь, люди глупы? Не в силах отличить одиннадцать от девяти? Скажут:

«О, неужели Шамсти иногда навещает свою вдову»? Позор будет не только на ней. На тебе, на мне, сёстрах. На детях.

– Да не могу я! Понимаешь? Она – женщина! Как я лишу племянников матери? Я ведь не убийца! Не пойду! Нет! Ну, хочешь, я на колени встану, а?

Стремительно подскочив к брату, Дени предотвратил его попытку пасть ниц. Обнял. Горячо зашептал в ухо:

– Что ты? Что ты, родной? Не смей. Чеченцы не встают на колени. Даже женщины.

Юнус тяжело дышал. Его знобило.

– Иди в дом, Юнус. Попроси Лайлу приготовить на ужин чепалгаш. Оставим разговор до завтра, хорошо?

В ответ на кивок Дени ласково похлопал брата по спине и проводил до порога его дома. Вернулся в гараж, сел на корточки перед выдавшим виды автомобилем. Никелированный олень одиноко и гордо мчался вперёд и куда-то выше. Его цель была над горизонтом, и на земле его уже ничто не держало.

Услышав сзади тихие шаги, головы не повернул.

– Что решили-то, мужчины? – язвительно спросила вошедшая в гараж жена.

Дени промолчал, завистливо рассматривая счастливого оленя.

– Ну сделайте вообще хоть что-нибудь! – возвысила она голос. – Или, может, мне юбку снять, брюки твои надеть и самой взяться за это дело? Если мужчин в роду не осталось. В сентябре дети в школу пойдут. Что им скажут? А отец? Он глаза на меня, свою сноху, не может поднять от стыда. Если бы он мог ходить, уже давно смыл бы позор с твоего покойного брата! Молит Бога о втором инсульте!

Дени поднял руку, прерывая гневную тираду.

– Альбика, верёвка хороша длинная, а слово – короткое. Прошу тебя, не ругайся. Завтра Юнус сделает то, что должен сделать. Я всё улажу.

Жена недоверчиво хмыкнула и удалилась в дом.

Дени остался один. Потёр с усилием лоб. Долго сидел, закрыв глаза.

Поднялся, вяло походил вокруг машины, над которой бился уже третий месяц.

Подошёл к верстаку и взял в руки двуствольное ружьё, которым обычно пугали голубей. Повесил за плечо.

Запустил руку в коробку с патронами, вынул полную горсть, высыпал обратно. Холостые сейчас не нужны.

Торопливо, чтоб никто не заметил в окно, пересёк пустой дворик между тремя домами – его, Юнуса и овдовевшего отца. Остановился на мгновение у ворот под грецким орехом, с которого свалился в девятом классе и чуть не испустил дух. Прислушался к возмущённым крикам, доносившимся из глубины сада. – дети гоняли мяч в лунки, и Марет, его старшая дочь, кажется, уличала кого-то из братьев в нечестной игре.

Потихоньку вышел на улицу и, вежливо здороваясь с попадавшимися на пути соседями, поплёлся мимо кладбища вверх по улице – к дому своего двоюродного дяди.

– Патроны, говоришь? Какой калибр? Двадцатый? А-а... Сейчас, – Солса долго копался в доме и, наконец, вынес коробку с патронами. – Вот, с пулями. С дробью кончились.

Он покосился на ружьё, висевшее за плечом племянника.

– Что-то ты небритый какой-то сегодня. И стрелки у тебя плохо проглажены. Ладно, пойду домой, русские сейчас с румынами играют. Пока ноль-ноль. Надеюсь, Протасов им покажет настоящий футбол.

И Солса поспешил в дом, оставив Дени сидеть на скамейке. Через минуту из дома раздались истошные вопли:

– Что-о? Один-ноль? Как? На сорок первой минуте! Собачьи дети! Тьфу! Сорок тысяч человек на стадионе! Так опозорить страну! Криворукий Даса...

Дальше Дени не слышал, ибо взял из коробки один патрон, сунул его в карман брюк и выбрел со двора.

Тутовник уже начал осыпаться, и его раздавленные ягоды красили тротуар в белый, жёлтый, розовый и чёрный цвета. Люди, попадающиеся навстречу, старались не замечать либо ружья за спиной у Дени, либо его самого. Он с надеждой заглядывал в их лица, но все делали вид, что человек, прогуливающийся с ружьём по улицам города, – явление не более удивительное, чем заход солнца.

Перейдя через проезжую часть перекрёстка, Дени вынужден был остановиться – по тротуару неспешно шёл, опираясь на палку, седовласый старик в папаше. Хотя до него было метров десять, было бы непочтительно переходить ему дорогу. Вскоре старик поравнялся с ним, окинул властным взором, одобрительно качнул головой и проследовал дальше.

Дом брата был уже совсем рядом, когда из-за поворота выехала милицейская машина. Дени встал как вкопанный и облегчённо уставился на неё. Водитель между тем сбавил скорость до минимума. Милиционеры в течение целой минуты изучали Дени через окна с опущенными стёклами. Затем, показав правый поворот, «бобик» свернул на другую улицу и уехал, оставив Дени потрясённо глядеть ему вслед.

Прислонившись спиной к низкому кирпичному забору, который они с Шамсти и Юнусом когда-то выкладывали самостоятельно, Дени сел на

корточки, откинул голову назад и долго смотрел в медленное розовое небо. Потяжелевшая двустволка лежала на его руках. Загнав патрон в патронник ствола, он, удерживая открытое ружьё на сгибе руки, вошёл во двор, оставляя своё счастье где-то далеко позади.

– Малика! – закричал он так громко, как только смог. – Выходи и встреть свою смерть!

Ответом ему был испуганный плач младенца. Он вздрогнул. Голова как-то странно закружилась.

– Малика, выходи! – взревел он, перекрикивая футбол, «Изауру» и безмятежность всего мира. – Это я, Дени! Я пришёл убить тебя!

Он затворил ружьё и взял его наперевес, не взводя курка.

Дверь открылась, и на порог вышел старший сын Шамсти – Арсен.

– Уходи, Дени! – крикнул подросток так, чтоб слышали соседи.

Дени уставился на племянника. Тот смотрел исподлобья прямо в его глаза.

– Она – моя мать! Не дам её убивать! Что бы она ни сделала! Хочешь – в меня выстрели! Зачем ты пришёл? Иди домой! Пусть на мне будет позор! На мне одном!

Опустив ружьё к земле, Дени закрыл глаза, вдохнул сладкий запах вечерней прохлады и представил, как одинокий олень взлетает в небо и парит над всей землёй.

Спустя минуту он спокойно и чинно шёл по розовой улице, но в душе своей бежал, взлетая, раскинув руки, словно крылья и счастливо смеялся, не замечая никого вокруг.

Ружьё, никогда не стрелявшее ничем, кроме холостых патронов, осталось валяться в пыли под ногами юного Арсена, который благодарил Бога, что его никто сейчас не видит, и плакал, украдкой утирая слёзы.

А когда, спустя месяц, хоронили старого Лечу, Арсен молча стоял отдельно от всех мужчин, поскольку был опозорен. И только один Дени тайком поглядывал в сторону племянника.

Постоялец

Солнце клонилось к закату. Его розоватый свет нежно выстилал покатые крыши, усыпанные ежистыми антеннами, слегка погнутыми от недавнего урагана.

Узкая улочка спускалась между домами к дамбе. В звонкой тишине летнего вечера отчётливо слышался шум быстрой речушки. Сочные кроны тополей едва колыхались от ленивого ветерка, который, казалось, был утомлён длительным перелётом от холмов, что виднелись вдали. Таким же ленивым выглядел этот городок: опустевшие улицы разомлели от жары и готовились ко сну.

В дворике двухэтажной гостиницы с одинаковыми окнами на толстой ветке старого тополя лежал мальчишка пятнадцати лет. Листва здесь выросла достаточно густая, образуя надёжное укрытие. Болтая в воздухе ногой, обутой в кроссовку, он следил за одним-единственным окошком. В нём вот-вот должна появиться дочка владельца гостиницы. Её зовут Анной – обладательницу самой красивой в мире улыбки, милых карих глаз с солнечными зайчиками и доброго доверчивого сердца. Только её присутствие озаряет для него этот город помимо глупых фонарей.

К гостинице подъехал шумный грузовик с бортами. Из кузова выбрался среднего роста мужчина, одетый несколько вразнобой: из-под застёгнутого на все пуговицы серого вельветового пиджака торчала чёрная футболка, синие джинсы будто спорили с кричаще-белой кепкой. Он отряхнулся, махнул рукой водителю, и грузовик уехал. Прежде чем войти через парадный

вход, мужчина не спеша обошёл вокруг гостиницы. Проходя через дворик, он задержался, оглядывая окна. Ровно настолько, чтоб заметить, как в одном из них появилась румяная девушка лет пятнадцати, чья ладная фигурка заманчиво очерчивалась через лёгонькое сатиновое платье бледно-персикового цвета.

Анна знала, что Виктор давно уже занял свой наблюдательный пункт. Его клетчатая рубашка предательски виднелась через листву, но девушка ни разу не показала, что его секрет раскрыт. Ему нравилось смотреть на неё, а ей не хотелось разочаровывать влюблённого хулигана. Он с самой весны под вечер всегда приносил ей белые гортензии, кроме того дня, когда разбушевался ураган. Неуклюже протягивал и сидел рядом, глядя на неё во все глаза, пока она развешивала постиранное постельное бельё. Потом она возвращалась в гостиницу, а спустя полчаса заходила в свою комнату, где переодевалась в уличное платье, повернувшись спиной к забывавшему, как дышать, Виктору.

Этот-то момент и уловил человек в белой кепке. Он стоял и, облизнув вмиг пересохшие тонкие губы, пристально смотрел на обнажённые девичьи плечи. А полтора метрами выше на него угрюмо взирал сердитый подросток, одновременно размышляя, отчего у того хмыря сзади так странно топорщится пиджак.

Дом, где располагалась гостиница, был старый. Нижний этаж его состоял из холла со столом регистрации постояльцев, за которым обычно сидел сам хозяин заведения, и двух длинных коридоров, из концов которых шли лестницы наверх. Слева располагались жилые комнаты, справа – подсобные помещения. Мужчина вежливо поздоровался, снял на ночь комнату на втором этаже и стал спрашивать, где можно поесть. Выяснилось, что в правом крыле первого этажа можно поужинать солянкой и яичницей с овощами. Уже через четверть часа, управившись с нехитрой едой, он неспешно потягивал холодное пиво в невзрачной столовой: белёные стены,

трещины по потолку, разбегающиеся в прихотливом узоре, клеёнка на столах и скамейки возле.

Горела хрустальная люстра, пахло мылом и пережаренным подсолнечным маслом. Других постояльцев в столовой не наблюдалось. За стойкой грузная женщина в белом халате энергично протирала вымытую посуду, напевая под нос какой-то популярный мотив. Мужчина достал из кармана пиджака сигареты, затянулся и слушал задумчиво. Та цыпа, которую он видел в окне, деловито вбежала, чтоб из длинной булки соорудить закрытый бутерброд. Он засмотрелся на её стройные ноги с тоненькими голубыми жилками на коленных сгибах, и пепел с сигареты упал прямо в кружку с пивом.

Закончив с делами, Анна сделала Виктору большой бутерброд, так как знала, что тот, как правило, голоден с утра. Это уже стало неким ритуалом. Он приносил ей цветы, а она ему – еду. Пока Виктор ел, она обычно поливала клумбу с ужасно вредными пионами, которые никак не желали цвести и просто торчали зелёными кустами. Покончив с бутербродом и клумбой, они обычно отправлялись на прогулку вдоль речки, где Виктор всякий раз удивлял её – то умением «печь блины», левой рукой добрасывая плоский камушек до противоположного берега, то знанием, где можно найти птичье гнездо и посмотреть на птенцов. Малоразговорчивый, он был, в то же время, удивительно чутким и внимательным кавалером. Всегда тактичным и порядочным. Всякий раз, когда ему удавалось привести Анну чем-нибудь в восторг, он восхищённо смотрел на неё, словно делая снимок на память. А сегодня он, заявив, что приготовил подарок, увел её далеко на другой берег речушки. Получасовое путешествие через старый лог и ольшаник – и он показал ей еле заметный выход породы из скалы. Осыпающийся камень там и тут блестел бледно-фиолетовой росой в закатном огне. Виктор достал из левого кармана джинсов отвёртку и расковырял одну из щелей. Вскоре он положил на ладонь Анны небольшой аметист, спрятал отвёртку и уселся

рядом. Девушка подняла ладонь и посмотрела сквозь кристалл на мгновенно ставшее сиреневым солнце. Тут можно найти целую жилу кварца и заработать много денег, а Виктора, похоже, волновала только реакция Анны. Это было так чудесно – значить для этого милого мальчика с янтарными глазами больше, чем весь белый свет! Анна наклонилась, протянула руку и коснулась его жёстких коротких волос. Виктор вздрогнул и прикрыл глаза. Обвив шею юноши руками, Анна мягко поцеловала его в губы. Тот кончиками пальцев осторожно дотронулся до её руки, и они замерли, очарованные моментом, пока солнце мчалось за горизонт.

Вернувшись в свою комнату, Анна отворила окно и, высунувшись наполовину, всей грудью вдохнула сияющего лунного счастья с ароматом акации. Хорошо слышно было, как шумели листья старого тополя, как стрекотал сверчок где-то снаружи, как мурлыкал сытый кот, вышедший на ночную прогулку. Некогда привычный, шум речки теперь завораживал, а луна, казалось, занимала полнеба и звала мечтать, мечтать, мечтать...

Девушка задумчиво отошла от окна, положила на стол аметист и зарылась лицом в подаренные гортензии. Медовый их аромат опьянял, умножая обаяние этой необычной ночи. Один из цветков походил на вспорхнувшего мотылька, и Анна осторожно поцеловала его. Затем она откинула покрывало с кровати, поправила подушку и легла, соскальзывая в объятия крепкого девичьего сна.

Виктор снова находился на своём наблюдательном посту. Сердце бешено стучало, он всё ещё ощущал вкус её губ. Он видел, как Анна выглядывала из окошка, и даже затаивал дыхание, чтоб она не догадалась о его присутствии. Теперь парень чувствовал, что она спит, и лежал, глядя на редкие звёзды. Домой торопиться не стоило, так как мать наверняка принимала очередного

гостя и появлению сына вряд ли обрадовалась бы. Да и запаху ненавистного винного перегара гораздо предпочтительней благоухание летней ночи. Можно было, конечно, подловить собутыльника матери в тёмном углу, когда он пойдёт к себе домой, чтобы облегчить его карманы, но сегодня приключений не хотелось. Только бы лежать тут, неподалёку от милой спящей Анны. Лежать и мечтать. Но не о будущем, которое вряд ли есть у них – безотцовщины-шалопая и красавицы из богатой семьи. Мечтать всего лишь о том, что вот сейчас она увидит дурной сон, проснётся и назовёт его имя. Негромко. Но он услышит. Услышит и скатится вниз с дерева, бесшумно подцепит вон тем прутиком крючок на наличниках и перемахнёт через подоконник кухни. Затем по коридору до лестницы, наверх, третья дверь слева. Он войдёт и будет всю ночь сидеть у двери, охраняя покой своей любимой.

Постоялец ждал. Он сидел и слушал, как стучат по коридору туфельки той симпатяги. Слушал, как она открывает дверь и входит внутрь. Слушал лёгкий удар крючка о петлю. Крючок, а не замок. Как же это удачно! А потом слушал собственное дыхание, отсчитывая время, необходимое для того, чтоб она уснула. Вышел в коридор, подкрался к двери, прислушался к тишине, затем достал из кармана сложенный вдвое лист бумаги и вставил в щель между дверью и косяком. Осторожно приподнял им дверной крючок и вошёл в комнату. Девчонка лежала на кровати, одетая в полупрозрачную ночную рубашку: лунный свет слегка озарял её нежное лицо. Незванный гость аккуратно притворил за собой дверь и снова накинул крючок. Никто не помешает. И он приготовил кляп – чтоб никто ничего не услышал. Потом наведается к тому козлу, из-за которого сел на пять долгих лет. И тот ответит сполна! А утром его в этом мерзком городишке уже не будет. Товарняк увезёт его уже в половине шестого. Но всё это чуть позже. А сейчас – она. Чувствовался её запах – такой волнующий. Аромат нежной юности. Два

осторожных шага вперёд – но вот под ногой предательски скрипнула доска пола. Девушка непроизвольно мотнула головой и открыла глаза.

Анна смотрела на незнакомого мужчину, непонятно как оказавшегося в её комнате, и чувствовала животный страх. Его вытянутое лицо с водянистыми, ничего не выражающими глазами словно парализовало волю, не позволяя позвать на помощь. Он подскочил и навалился на неё своим телом, а его шершавые пальцы торопливо пытались поймать её обнажившиеся колени. Девушка закричала, но крик тут же захлебнулся, когда потная ладонь, воняющая луком и табачным дымом, зажала ей рот. Отчаянно мотая головой, она рвалась и пыталась вскочить с кровати. Другая рука насильника змеёй скользнула под её одежду. Не помня себя от отвращения и ужаса, жертва попыталась оттолкнуть нападавшего пинком в живот, но тщетно. А в следующий момент в её глазах вспыхнули мириады красных звёзд, и она потеряла сознание, ударившись затылком о край кровати.

Дрожа от волнения, бывший заключённый разорвал на девушке ночную рубашку, но в ту же минуту в комнату, молниеносно сорвав дверной крючок с петельки, ворвался бледный худой паренёк с тонким шрамом на правой щеке. Вскочив на ноги, мужчина выхватил из самодельной кобуры за спиной армейский пистолет и нацелил его в живот неожиданному нарушителю трепетного момента. Мгновение – и предохранитель сухо щёлкнул, переводя оружие на стрельбу короткой очередью. Увидев Анну, лежащую на кровати без сознания, Виктор, еле справившись с внезапным головокружением, яростно выхватил из кармана заточенную отвёртку и бросился на врага. Три пули без труда пробили его тело насквозь, чудом не задев позвоночный столб. Это дало Виктору возможность нанести насильнику резкий удар в правый бок и дернуть рукоятку на себя, разрывая тому печень. А потом он завалился на спину и умер, глядя на бесчувственно свисающую с постели руку своей возлюбленной и уже не слыша испуганных голосов в коридоре.

Пять месяцев жизни

Пробуждение из небытия наступало долго и неясно. Чувства ещё не появились, только смутное осознание своего «я». Был Свет. Совсем рядом. Он нежно ласкал юную, только что созданную душу, удивлённую собственным существованием. От Него исходила любовь, согревая крохотное, размером почти в одну клеточку, тельце, питая жизнью, окружая заботой и наполняя необъяснимой радостью и спокойствием...

Юное существо училось управлять обрётённым сознанием, которое работало пока что только на восприятие, давая возможность впитывать происходящее, как губка впитывает воду. Ощущалось присутствие Бога. Дав жизнь, Он поддерживал её, наполнял смыслом и дарил Самого Себя. Время вытеснялось вечностью, прерываемой частыми снами. Они давали отдых от ярких впечатлений, несли что-то необъяснимое, сладостное. Была лёгкость, какую ощущают лишь птицы небесные, скользящие в струях летнего ветра...

Вскоре ощущение полёта стало незаметно проходить. Изю дня в день становилось всё тяжелее, сны менялись, чувство вечности ускользало: наступало Время. Хотелось удержать уходящие впечатления, вернуть в прежнем объёме, но оказалось, что это невозможно. Росло тело. Рост притуплял чувства и несколько изменял способы познания окружающего. Становилось как-то неловко и тесно, но с течением времени вчерашние ощущения улетучивались из крошечной памяти, живущей только настоящим. Во снах появлялись цветовые гаммы, обрисовывались смутные контуры внешнего мира...

С каждым днём Божье создание обретало всё больше уверенности, что его тело является чьей-то маленькой частицей. Кто-то питал его и заботился о его безопасности.

Кто-то шепнул ему новое слово: «мама». Оно породило в душе новое чувство, которое стало нарастать и скоро захлестнуло сознание сладостным волнением, чувство, укрепившееся навсегда – нежнейшая любовь к той, что называлась мамой...

Человек! Он был человеком, притом мужского пола. Мальчик. Правда, тело ещё не сформировалось, ведь ему исполнилось ещё только семь недель со дня пробуждения к жизни, но пол был уже определён уникальным набором генов, как и многое другое, например, цвет глаз, голос, характер. Он будет любить петь, у него будет сочный баритон и тонкий музыкальный слух.

Сны обретали всё более чёткие контуры, несли всё больше информации...

Интересно, знает ли мама о моём существовании? Ведь я – внутри, и она не может видеть меня. Но она должна чувствовать мою любовь. Да и вес мой растёт, и потребности в пище увеличиваются. Из снов я теперь знаю, что есть небо, облака, солнце и деревья, и хочу увидеть всё это собственными глазами. Но больше всего мне не терпится увидеть маму. Я знаю, что она самая красивая и добрая. Скорей бы наступил день моего рождения! Он должен быть весной – через шесть месяцев.

Весна. Какая она?..

Малышу снился чудный сон. Он с мамой был в зоопарке, но звери не сидели в клетках, а свободно гуляли по украшенной сочной травой территории. Жирафы подозрительно обнюхали их и, покрывшись от

нетерпения разноцветными пятнами, стали ожидать угощения. Мартышки же от бананов отказались и, смешно кривляясь, умчались донимать старого бегемота, мирно дремавшего в луже, заросшей тиной. Мальчик хотел было поиграть с кудлатыми медвежатами, что шумно возились, отбирая друг у друга банановую кожуру и кусаясь, но внезапно пошёл сильный холодный ливень, и мама, подхватив сынишку на руки, поспешила укрыть его под навесом...

Сон прервало появление Ангела. Малыш видел Ангела впервые, но он ему очень понравился. От него исходили свет и любовь. Внезапно всё тело пронзила жгучая красная боль. Во сне мальчик не заметил, как к нему подобрался острый инструмент. От него пахло смертью. Ножницы стали методично отсекал крохотные ручки и ножки, заставляя ротик малыша открываться в беззвучном крике.

Мама, мамочка, беги отсюда, спаси меня, мама!

Хищно изогнув свой клюв, приблизился крючок Брауна к головке малыша и отделил её от четвертованного туловища. Маленькое тельце ещё раз судорожно дёрнулось и затихло...

С ужасными воплями налетели было полчища бесов, почуявших смерть некрещёного младенца, но Ангел отогнал их властным движением руки. Он взял трепещущую от страха пятимесячную душу и, нежно прижав к груди, начал своё восхождение к Богу.

Малыш же, прильнув к любящему сердцу Ангела, думал о маме...

Ангел-хранитель

День стоял превосходный! Даром что, согласно календарю, лето кончилось. Солнце старалось вовсю, заливая в класс русского и литературы через распахнутые окна горячее золото. Ужасно повезло, что по алгебре меня не спросили! Попробовал бы кто постоять у доски, когда маленькая, но очень

злая математичка кричит, что ты идиот, а для убедительности лупит указкой по парте! Забываешь даже таблицу Пифагора! Что касается биологии, так мы давно придумали ловкую схему: перед уроком несколько человек сидят и усиленно читают. Но не всю тему, а каждый свой параграф. И вызываются добровольцами отвечать. Замороченная биологичка ужасно довольна своими передовыми методами преподавания, да и нам хорошо.

На инязе вместо порядком надоевших уже временных форм снова слушали «Битлз» и пели хором песню про вчерашний день, готовясь к выпускному. И это в начале учебного года! Подозреваю, что пожилая англичанка просто филонила. Было ещё «окно» – на физру я мог не ходить, так как почки мои болтались чуть ниже того, где следовало. Поэтому я просто потолкался в живом уголке и подсыпал рыбкам в аквариум щепотку специально припасённого стирального порошка. Рыбки бодро подкрепились, но умирать почему-то не стали.

Урок физики прошёл как всегда интересно. Ирина Александровна – женщина замечательная, но рассеянная, чем мы с Пашей вполне успешно пользовались. Мы сидели вместе и прикалывались на каждом уроке. Ну, кроме алгебры с геометрией, само собой. Иногда Паша просто ложился на парту, краснел и дёргался в конвульсиях, силясь не заржать как конь. Мы могли смеяться, даже просто переглянувшись. С физикой отношения у нас были натянутые, но учительница почему-то гордилась нами и даже считала хорошими теоретиками. Во время опросов мы наловчились отвечать ничего не значащими фразами. Выглядело это приблизительно так:

– Костецкий, скажи нам, пожалуйста, что такое дифракция света?

– Ну, Ирина Александровна, ну это же элементарно... – разводил он руками.

– Дифракция света – это...

– Явление...

– Которое наблюдается при распространении света...

– Ну да!

– В среде с резкими неоднородностями.

– Резкими (многозначительный кивок).

– Что при этом происходит?

– Как это, что? (возмущённое выражение лица).

– Происходит нарушение прямолинейности его распространения. Так?

– Конечно, Ирина Александровна, да это все знают! (большие удивлённые глаза, выражающие недоумение по поводу существования вероятных неучей в классе).

– Хорошо, Павлик, четыре.

И Паша – её любимчик, высокий блондин, похожий на Дэвида Боуи, сидел с небрежным видом гения. Все уже давно привыкли к нашим выходкам и иногда спорили: смогут ли Пашка с Мишкой обойтись вовсе без слов? Однажды Паше и вправду удалось обойтись одними лишь междометиями, жестами и многозначительными взглядами. Но сегодня его рекорд побил я!

Худенькая учительница неловко расчертила на доске таблицу, которую заполняла с нашей помощью. В руках она держала журнал, приводящий всех в трепет. Паша с самого начала урока полулежал на парте, всем своим видом демонстрируя ужасное самочувствие. На испуганный вопрос он, еле ворочая языком, сказал, что у него, как обычно, подскочило давление. Нет, домой он не пойдёт, хочет послушать урок. Да, глаза почти не видят ничего, но слух работает. Нет, медпункт закрыт. Да, таблетку выпил, но что-то не помогает. В общем, отвертелся. Опрос продолжался, поблажек физичка на этот раз не давала. Тройку получил даже Лёха Чупин – лучший физик в классе, у которого не списывала только сама учительница. И тут очередь дошла до

меня. Как раз тогда, когда я уже почти дорисовал на спор барашка. По моему, даже девчонки в тот момент затаили дыхание.

– Фролов. Следующая колонка. Поляризация света.

Я встал, досадливо оглядел нарисованный мной прямо на парте закрытый ящик с одной дыркой, после чего почесал затылок и спросил, нахмутив брови в мучительной попытке вспомнить что-то важное:

– Ирина Александровна, а я вот не совсем понял про интерференцию вторичных волн, – мой голос выражал смущение и некоторую растерянность. Кстати, а может, мне в Щукинское пойти после школы? Ну его, этот медуниверситет!

– Как? А что конкретно тебе непонятно, Мишенька? – физичка сняла большие круглые очки, и её лицо потеряло напускную строгость.

– Вы уж простите, Ирина Александровна, да вот – дополнение Френелем принципа Гюйгенса...

– Чего? – раздался сзади недоверчивый Лёхин голос.

Следующие десять минут физичка, позабыв обо всём на свете, в подробностях рассказывала мне про принцип Гюйгенса-Френеля и всякие там когерентные колебания, которые интерферируют, или типа того. Всё это время класс пребывал в немом восторге. Выслушав лекцию с умным видом, то кивая в знак согласия, то делая недоумённые жесты, я сердечно поблагодарил учительницу и... сел на место. Опять четвёрка.

Литература, последний урок на сегодняшний день, проходила вполне предсказуемо, и я от всей души досадил аристократичной учительнице, заявив на опросе, что у Есенина знаю наизусть «Белую берёзу», ту, что под окном. На раздражённое замечание, что этот стих относится к программе второго класса, я с наслаждением заявил:

– Вера Константиновна, но ведь Вы, когда задавали Есенина, не конкретизировали. Так что, к уроку я готов.

На волне всеобщего одобрения, довольный собой, я вышел с Пашей из здания школы. У крыльца жарились на солнце восьмиклассники, рассматривая пневматический пистолет в руках своего заводилы – Жеки Елагина. Пистолет был точной копией «пустынного орла», с которым в американских боевиках разгуливает каждый уважающий себя положительный герой, когда наступает время сурово покарать героев отрицательных. Не успел я позавидовать счастливому обладателю недешёвой заморской игрушки, как она тут же оказалась в широкой ладони моего приятеля.

– Э, Пахан, что за дела? – возмутился было Елагин.

– Не бойся, человек! Мир будет в безопасности! – торжественно провозгласил Паша, с размаху опустив другую ладонь восьмикласснику на плечо и, кажется, слегка отбив его. – А ну, рассказывай, как тут чего работает, и ничего тебе за это не будет!

Авторитета среди восьмиклассников у меня было немного, зато у Паши – с избытком. Только поэтому потрясающе красивый пистолет перешёл на время ко мне. К неудовольствию Жеки, разумеется, которое он не преминул выразить вслух. «Орёл» приятной тяжестью влился в мою руку. Бравирюя перед сопляками, я прицелился поверх их голов в сторону школы, держа пистолет не прямо, а боком, оттопырив локоть, словно чернокожий гангстер. Как я нажал на спусковой крючок, непонятно до сих пор. Паша утверждает, что меня нечаянно толкнули, а Елагин и его прихлебалы ограничились обидным комментарием: «Овца есть овца». Так или иначе, реальный факт в том, что пистолет выстрелил, когда находился в моей руке. А пулька – металлический шарик – попала в шестиклассника, так не вовремя выбежавшего из школы.

Попала ему прямо в глаз.

На фоне всеобщего галдежа и без того негромкий звук выстрела не услышал никто. Пистолет был тут же кем-то вырван из моей ладони и унесён подальше. Чтоб избежать неприятностей, восьмиклассники потом говорили, что ничего подозрительного не видели. Милиция решила, что стрелял кто-то издалека из винтовки. Возможно, из окна дома напротив или из проезжающего автомобиля. Паша меня не сдал по дружеским соображениям. А сам я просто испугался. Раненый мальчишка ведь завопил тонким голосом, словно заяц. Завопил и сел прямо на асфальт, зажимая глаз ладонью. От боли он сучил ногами, а из-под ладони вытекала струйка крови. Моя голова закружилась, а крик мальчишки словно пронзил меня насквозь. Засвербило где-то в районе живота. Захотелось в туалет. Паша тянул меня в сторону, но я не мог двинуться с места и всё стоял и смотрел, смотрел...

Всю ночь я не мог уснуть и боялся, что вот-вот зазвонит дверной звонок, а на пороге появится участковый. Я придумывал легенды одна правдоподобнее другой, чтоб меня не призвали к ответу. А на следующий день я увидел отца этого шестиклассника в школе. Высокий бледный мужчина выходил из кабинета директрисы. Конечно, кто угодно мог выходить оттуда, но я как-то с первого взгляда понял, что такие, полные боли глаза могут быть только у отца. У папы. Я встретился с ним взглядом, и внутри полыхнуло одновременно огнём и морозом. Он смотрел в мою сторону всего лишь полсекунды и потом перевёл взгляд дальше, а для меня время как будто остановилось в тот момент. Совершенно ясно я почувствовал, что это моему ребёнку выстрелили в глаз. Моему. Тому, которого я носил на руках. Тому, который не давал мне спать по ночам. Тому, чьим успехам я радовался больше, чем своим. И я понял, глядя в глаза этого человека, что он, не задумываясь, будет рад отдать свою жизнь, лишь бы его сыну никогда не было больно и страшно.

Недели три я не видел мальчишку в школе. Я посещал занятия, огрызался с дерзкими восьмиклассниками, придумывал новые хохмы с Пашей, но какая-то часть меня всё время отсутствовала. Когда я, наконец, его увидел, он шёл с какой-то симпатичной рыжей девчушкой, видимо, одноклассницей, и весело смеялся. Его левый глаз не закрывала чёрная повязка, как я ожидал. Я прислонился к стене, не очень хорошо сдерживая счастливую улыбку. Но когда они проходили мимо, вдруг увидел, что у него белок вокруг радужки налит кровью, а сам зрачок мутный и неестественно расширен. Они прошли мимо, а у меня губы словно примёрзли к лицу. Со странной гримасой я вышел из школы, завернул за угол и остановился. Внутри было неопределённое гадкое чувство. Себя я не ненавидел. Вряд ли я на это способен. Сердце билось, на глаза наворачивались слёзы, я их всячески сдерживал. Ещё чего не хватало! Пальцы почему-то дрожали. Прозвенел звонок, и я отправился на литературу.

Опоздав на целых пять минут, я, не моргнув глазом, твёрдым голосом сообщил, что задержался в туалете из-за расстройства кишечника и матерных стихов, написанных на стене. Стихи оказались подписаны почему-то Владимиром Маяковским, но я, конечно же, в это не верю. Ну не мог же известный пролетарский поэт сочинить такое! Ясно дело – оболгали завистники. Что? Сегодня урок как раз посвящён Маяковскому? Не может быть! Какое совпадение! А я вот как раз недавно ознакомился с его наследием...

В течение следующих пяти минут я отказывал Маяковскому в праве быть великим поэтом, критикуя его манеру стихосложения. Особенно изощрённо я поглумился над рифмами «люди – верблюдик, в лоне – слоник». А напоследок рассказал про него несколько неприглядных историй с участием Есенина. Как и всегда, весь класс был в восторге от моей шутки. А я просто заранее выяснил, что Маяковский – её кумир, потому и затеял всё это представление. Вот только она и виду не подала, что я задел её чувства. А

мне так и не полегчало, хоть я и выплеснул на неё всю ту бурю, что бушевала у меня внутри.

Я продолжал жить жизнью, полной весёлых затей, планов, надежд. А затем мальчишкой начал приглядывать. Как если бы я был... ну, его ангелом-хранителем, что ли. Просто немного изменил свои маршруты следования по школьным коридорам. Вот он играет с одноклассниками в «сифу» тряпкой. Вот он косолапо бежит, опаздывая на урок. Вот он идёт с той самой рыжеволосой девчонкой, несёт её сумку с учебниками.

Сегодня Паша с Виталькой Скибой и Лёхой Чупиным взяли у молодой химички ключ от класса, чтобы после уроков распить бутылку венгерского красного, заверив её, что они за собой всё приберут. К вину я относился равнодушно, а потому не остался с ними зависать, и пошёл домой одиноким маршрутом – через школьный стадион. Впереди гопники зажали кого-то у забора – обычное дело. Автоматически я изменил направление в безопасную сторону. Не заметили – и слава Богу!

– Ты чё, одноглазый, обурел? Дай сюда! – после этих слов послышался глухой удар и сдавленный стон. Я резко обернулся, ноги стали ватными. Так и есть! Они поймали моего подопечного и теперь били, пытаясь сорвать с его руки наручные часы. Драться я совсем не любил, противников было двое, оба моего возраста, в гадких кепках, спортивных трико и остроносых ботинках. Как будто вышли из плохого кино.

Очень хотелось убежать, но вместо этого я, пересиливая себя, сорвал с плеча увесистую сумку с учебниками и побежал к месту действия. На бегу раскрутил сумку и швырнул её в затылок одного из них. Тот стукнулся лицом о металлические прутья забора. Второй, не отпуская руку своей жертвы, обернулся и поймал подбородком прямой удар моей левой. Удар был несильный, но резкий, ошеломляющий. Следом уже летел удар правой. Тоже прямой, но мощный. Попади мой кулак точно в центр подбородка, был бы нокаут. Прямо как в боксе. Я эти два единственных удара тренировал

дома ежедневно с лёгкими гантелями в руках. Довел до полного автоматизма, вдохновлённый словами Брюса Ли: «Я не боюсь того, кто изучает десять тысяч различных ударов. Я боюсь того, кто изучает один удар десять тысяч раз».

Противник упал на спину и, обескураженный, подниматься не спешил. Второй понял, что напал на них всего лишь один я, и, разозлённый ударом сумки по голове, пнул меня в живот. Удар пришёлся вскользь и сильной боли не причинил. Пуловер, правда, испачкал. Времени у меня было мало, первый уже начинал вставать, и я подхватил с земли какой-то кирпич. Не особо соображая, швырнул его в гада, который меня пнул, и попал ему прямо в грудь. А того, который уже поднимался с земли, начал беспорядочно топтать обеими ногами. Больно ушибленный кирпичом, гопник с испугу обратился в бегство, даже не пытаясь спасти своего подельника.

– Уйди, уйди от меня! А-а-а! – заорал лежащий на земле, решив, что пришла его смерть.

– Убью! – безумным голосом заорал я, решив ему подыграть, подскочил к жёлтому тополи и стал отламывать большую ветку, громко перечисляя страшные казни и якобы собираясь их сейчас совершить. Как я и планировал, дожидаться он не стал и рванул через футбольное поле, ни разу не оглянувшись.

Меня колотило. Сердце пыталось выскочить через горло, а в висках стучал отбойный молоток. К почкам как будто кто-то привязал верёвки и теперь тянул за них вниз. Я наклонился вперёд, уперев ладони чуть выше колен, и посмотрел на мальчишку. Он был растрёпан и очень напуган. Похоже, он думал, что я ничем не отличаюсь от его обидчиков. Я ободряюще кивнул ему, как мне показалось, и, немного отдышавшись, выдавил:

– Я в одиннадцатом «А» учусь. Что эти уроды хотели от тебя?

– Мои часы, – он облегчённо вытянул вперёд худую руку, на запястье красовался белый циферблат без цифр, с золотыми стрелками, – мне их папа подарил.

– Знаешь, часы отличные, но у тебя их могут отобрать. Ты их в школу не носил бы.

Мальчик отрицательно помотал лохматой головой.

– Нет! Я их буду носить. Это же папин подарок.

– Ну, эдак тебе телохранитель потребуется. Вон, видал что? Гопота, нарки...

Мальчик насуплено смотрел в землю, сжав губы.

– Ладно, проехали. Как тебя зовут?

– Фёдор. Федя.

– Ну а я – Михаил. Миша, – улыбнулся я. – Пошли, дядя Фёдор, домой, а то, мало ли, вернутся ещё с толпой.

Мы шли по жёлто-красным улицам, и он всю дорогу рассказывал мне о себе. Я узнал, что он любит слушать «Депеш мод» и «Технологию», что его любимый мультфильм – «Остров сокровищ», а у папы есть мотоцикл с коляской, работает папа на заводе, а летом они летали на Чёрное море, где он своими глазами видел дельфинов. Он болтал без умолку. Я многое узнал о его отце. А вот мой вопрос о матери вызвал долгую паузу.

– Мама умерла. Два года назад. Её автобус сбил.

Ёлки-палки! Почему именно сирота? Остаться без мамы в четвёртом классе... Мне было бы очень тяжело на его месте. Вот ведь... Какое-то время мы шли молча, потому что я не знал, что говорят в таких случаях. Лицо моё горело. Но Федя снова нарушил тишину рассказом о том, как он стрелял из

мелкокалиберной винтовки с оптическим прицелом по мишеням в тире, и что у него дома есть целых пять настоящих патронов со свинцовыми пулями.

Я довёл его до дома, и мы договорились, что завтра я зайду за ним перед школой. Теперь, на обратном пути, я думал о том, что стану для Феди другом. Познакомлюсь с его замечательным папой, буду ходить к ним в гости. Стану для него телохранителем и порву на куски любого, кто его тронет. Возможно, этим искуплю свою вину перед ним и его родителями. Я шёл и улыбался своим мыслям, когда увидел, как высокий худой наркоман неопределённого возраста уводит с улицы за гаражи мальчишку чуть младше Феди, обняв его за шею, как лучшего друга. Мальчишка счастливым вовсе не выглядел и жалобно озирался, боясь позвать на помощь. За ними, оглядываясь по сторонам, шли ещё две сутулые фигуры в дерматиновых куртках не по погоде.

Я вспомнил, как пару лет назад меня завёл в подъезд трясущийся от ломки наркоман, и, приставив нож к горлу, долго таращился на мои вывернутые пустые карманы, соображая, что делать дальше. Тогда я смотрел в злые пустые глаза, понимая, что моя жизнь зависит от решения этого человека. Почему-то он меня не убил. Родителям о том случае я говорить не стал. Теперь ситуация повторялась. Только я не знал, вооружены ли эти трое. А у паренька тоже есть родители, чьи сердца наверняка разорвутся, если что-то плохое случится с их сыном. С другой стороны, если меня сейчас убьют, что вполне возможно, с ума сойдут мои. Чьё горе будет тяжелее? Чьи слёзы важнее для меня?

Стоп! Нет, неправильно, не так! Чья жизнь сейчас важнее? Моя или этого напуганного мальчишки? Ненавидя себя за потраченные на колебания драгоценные секунды, я выломал из клумбы кусок кирпича и повернул за гаражи навстречу... не знаю, чему. Жизни или смерти. Да неважно, лишь бы успеть вовремя.

Семинарист

Матушка Лидия Бородина была младше своего мужа на два года. Познакомились они случайно, как сказал бы неверующий. Но для Лиды давно уже не существовало случайностей.

Отмечали последний звонок. После официальной части в управлении культуры решили пойти в городской сад – на аттракционы. Все были нарядно одеты: некоторые девочки красовались в настоящей школьной форме, с белыми бантами, другие просто оделись по принципу «белый верх, чёрный низ», парни носили пиджачные пары с галстуками. Весёлой гурьбой спускаясь по Советской, громко распевая то «Катюшу», то «Взвейтесь кострами», одиннадцатиклассники не могли не вызывать весёлых улыбок прохожих.

– Какие красивые! – растрогалась одна старушка.

– Красивые, красивые, а вот подрастут, так натворят делов! Тоже мне! – фыркнула её соседка, отворачиваясь.

Когда ребятам надоело распевать старые песни, они перешли на современные хиты:

– Забирай меня скорей, увози за сто морей! – разносилось по улице.

Когда они, наконец, достигли горсада, многие уже охрипли от шлагеров. Некоторые ребята куда-то делись по дороге. Вроде бы у Паши Костецкого намечался какой-то междусобойчик для особо посвящённых. Остальные мальчишки по дороге набрали импортного баночного пива и теперь бесились на каруселях в ещё более весёлом настроении, чем раньше. Потом они стали катать девочек на автодроме, разбившись по парам. Неподалёку от автодрома, прислонившись к неработающему фонтану, стояли двое парней чуть постарше. Несмотря на жару, они были одеты в одинаковые чёрные кители со стоячими воротничками, белыми изнутри, судя по окантовкам.

Ребята пили пиво, вероятно, не самой престижной марки, за что были вознаграждены беззлобными насмешками от Лёши и Витали:

– Бросайте пить кислятину, мужики!

– Э, пейте нормальное пиво, как мы с Лёхой!

Один из парней, светленький, с битловской стрижкой, приветственно помахал им свободной рукой:

– Не бойсь, всё равно с одной бочки разливали!

У него оказался довольно звучный баритон. Лида окончила хоровую школу с отличием и в голосах разбиралась очень даже неплохо. Она тут же окрестила его Хворостовским. Второй был тёмненький, с короткой стрижкой. Узковатые глаза делали его похожим на китайца. Разве что кожа была обычная, светлая.

– Э, стой, так вам же нельзя пиво пить! – это вмешался Толик Жмак из параллельного класса. – Это же грех! Бог накажет!

Раздался дружный хохот. Те двое, однако, нисколько не обиделись. Усмехнувшись, они продолжили свою беседу.

– А что такое, пацаны, в смысле? – спросил Юра, который всегда отставал от курса событий. – Не понял прикола.

– Да это же семинаристы, ну, семинария – ты что, не знаешь, что ли? – ответили ему.

– Попы, что ли?

– Да нет ещё. Учатся.

– А-а-а.

– Кто, семинаристы? – это уже девочки заинтересовались.

– Пошли, познакомимся, – прошипела Лариска Звягина.

– Да ты что, им же жениться нельзя, – возразила Наташка Неупокоева.

– Дура, это монахам нельзя.

– Так, мож, они монахи.

– Ага, и пиво пьют у всех на виду! Монахи с бородой, а у этих нету. У них ещё платья такие длинные должны быть.

– Блин, Волкова, пойдём скорей знакомиться, пока эти кикиморы нас не опередили! – зашептала в ухо Верка Могушкова.

Лида уже была настолько заинтригована тем, что ее Хворостовский учится в духовной семинарии на священника, что решила поступиться своим принципом не знакомиться первой. К тому же она была не одна. Да и с Веркой не страшно – та такая бойкая, что могла дыру на месте провертеть. Пожалуй, пора действовать – вон уже Лариса дергает Неупокоеву за рукав.

– Пошли, только разговор начинай сама.

Вера отмахнулась и решительно направилась в сторону семинаристов. Лида поспешила за ней.

– Привет, мальчишки! А это правда, что вам жениться нельзя? – Верка, похоже, подслушала разговор девчонок, и теперь использовала полученные знания прямо на ходу. Чёрненький смутился:

– Да нет, ну почему? Мы, это...

Хворостовский положил ему руку на плечо, останавливая. И добавил с серьёзным видом:

– Нет, жениться-то нам можно, а вот замуж выходить – ну никак нельзя!

Лида, не выдержав, прыснула от смеха. Похоже, они ещё и шутить умеют. Разговор завязался легко. Выяснилось, что Хворостовского зовут Павлом, а «китайца» – Ильёй.

– Он японский самурай, – поделился секретом Павел, заговорщицки подмигивая. Лида была уверена, что он подмигнул именно ей, а не Верке.

– Сам ты самурай! Не слушайте его, девчонки. Он самый настоящий наркоман. Обкурился камыша, в башке ни шиша. У меня дед кореец.

– Кто-кто? Индеец? – развеселился Павел. – Нет, ну где правда? Индейский шаман в городе, куда смотрит миграционная служба? Дай бубен, Косой Глаз!

– Только в бубен могу!

Тут их внимание привлекли крики. Пока они разговаривали, к автодрому подошли восемь мальчишек не из их школы. Они уже успели отбиться от своих одноклассниц и, судя по поведению, тоже были навеселе. Но, похоже, пивом дело не обошлось. Видимо, они не поделили с Максимом Голуновым скамейку.

– Ты чё, не понял, ботаник? Место жёстче освободил! – кричали они.

Максим все девять лет учился вместе с ними, но после перевёлся к «бэшкам», им дали гуманитарный уклон. «Вэшки» стали физико-математиками. А прежний класс был химико-биологический. К ним прибыло несколько человек, кое-кто ушёл. В одиннадцатом Голунов снова вернулся туда, с «бэшками» не сложились отношения. Максим являл собой типичный образец «ботаника» – нескладный отличник в неизменных очках. Он был высокого роста, худой и довольно слабый. На физкультуре Максим только злил физрука – маленького плотного дядьку с красным лицом и алкоголическими прожилками на носу. Однако, несмотря на физическую слабость, трусом Максима никто не мог назвать. В начальных классах его часто били, но никогда не добивались слёз и просьб о пощаде. Вырос Максим колючим и неуступчивым.

Вот и сейчас он не желал встать со скамейки просто потому, что на ней захотели посидеть новоприбывшие пацаны. Те, разгорячённые таким

неповиновением, а также выпитой баночной водкой, стали его оскорблять и стаскивать силой.

– Я тут сижу раньше вас, почему я должен слезть? – упирался Максим, оглядываясь на своих одноклассников, но те скромно молчали, предпочитая не вмешиваться.

Ободрённые таким поворотом событий, задиры удвоили усилия, схватив его за шкуру. Максим закашлялся, но только крепче вцепился в скамейку. Тогда один из нападавших, самый низкорослый, разбежался и изо всех сил пнул Максима в грудь.

Лида пронзительно закричала. Перед её глазами поплыл туман. Максим медленно, как во сне, стал заваливаться вбок. Там его встретило колено другого парня, разбив очки. Из его носа хлынула кровь. Упавшего тут же стали пинать.

– Твою ять! – выдохнул Павел, и, швырнув бутылку в сторону, кинулся к скамейке. Илья тут же бросился за ним.

Некоторые из нападавших озирались по сторонам и поэтому заметили движение в свою сторону. С разбега Павел пугнул одного, а атаковал совсем другого. Тот рухнул, как подкошенный, получив прямой удар в подбородок. Ещё один отправился следом, пропустив хук слева. Уже позднее, в травмпункте, он узнал, что заработал трещину в нижней челюсти. Подоспевший Илья уже воспользовался некоторым замешательством и сшиб с ног того парня, который по-гестаповски бил Максима коленом. Упав, тот получил хороший пинок в живот, отчего на полминуты потерял способность дышать. Потом Илье уже не везло так. В отличие от друга-боксёра, он специально никакими единоборствами не занимался. Да и опыта уличных драк не имел. Пропустив зуботычину, он замешкался и упал, потеряв сознание от удара бутылкой по голове.

Павел остался один против пятерых. Те быстро поняли, что соваться под кулак не стоит, и предприняли попытку его окружить. Этому Павел им не давал сделать. Каждый раз, когда полукольцо начинало смыкаться за его спиной, он бросался на крайнего. Тот отскакивал назад, размыкая цепь. Через минуту в ход пошли палки и камни. На испуганные крики девочек о помощи мальчишки никак не среагировали. Павлу удалось увернуться от двух камней, но третий больно попал ему в грудь, а четвёртый разбил бровь над правым глазом, отчего в голове как-то нехорошо зазвенело. Кровь тут же залила глаз, и Павел едва не получил палкой по голове. Подставив левое предплечье, он резко подался всем корпусом вперёд, сломав нападавшему нос хлестким ударом. Остальные, подскочив, повалили его на землю и стали добивать. Павел поспешил прижать колени к груди и закрыть голову руками. Прежде, чем потерять сознание, он успел почувствовать два крепких пинка в бок и один по уху.

Очнулся он, когда вокруг уже было полно омоновцев, заталкивающих в машину всех подряд. Один из них слегка похлопал Павла по щекам.

– Живой, вроде. Давай его тоже в скорую.

Дышать было больно, правый глаз не видел, тошнило, все тело болело, как будто его пинали ногами. Ах, да, его ведь и вправду пинали...

Лида с Верой сразу вызвались свидетелями. С ними в отделение милиции отправились еще Лена Жданюк и Оля Сникер – те из немногих, кто относился к Максиму хорошо. Они подробно все рассказали, расписались. Их мальчишек сразу же отпустили, как только выяснили, что те в драке участия не принимали. Максима, Павла и одного из нападавших увезли в больницу. Илья пришел в сознание ещё до приезда милиции, кости черепа у него оказались крепкие, но он не смог прийти на помощь другу – некоторое время ноги просто отказывались его держать. Ещё двое отделались лёгким сотрясением мозга и синяками. Одному из нападавших – тому, кто ударил Максима ногой в грудь, удалось сбежать. Он первый заметил приближение

милицейских машин и кинулся наутёк, через кусты – в сторону стадиона, пока его друзья были ещё увлечены расправой над Павлом. Те заметили омонцовцев слишком поздно. Один из них сразу улёгся на траву, положив руки на голову. Хотя это и выглядело смешно, он всё же стал единственным, кто вообще никак не пострадал. Двум беглецам крепко досталось резиновыми дубинками – бегать омонцовцы не любили.

Выяснив дома по телефону 03, какая больница дежурит, Лида на следующий день отправилась навестить Максима и своего героя.

Максим пребывал в ещё более скверном настроении, чем обычно. Он и так никого не любил, а тут и вовсе взъялся на весь мир. У него были сломаны два ребра и переносица, из-за чего парень теперь имел сходство с очковым медведем – гипсовая повязка закрывала только нос и лоб, и чёрные круги вокруг глаз отчётливо виднелись. Весть о том, что за него заступились два семинариста, которым тоже досталось, Максим воспринял совершенно равнодушно.

– А я не просил ничьей помощи! Благодетели нашлись. Да они просто перед вами выделывались. Вот и получили. Такие же ничтожества, как и все остальные.

Лида ушла от него опечаленная.

– О, э-э-э, здравствуй, Лида! – произнёс ошеломлённый Павел, пытаясь привстать на постели. Он покосился на спящего соседа (остальные койки пустовали). – Как там тот парень?

– Да всё нормально, жить будет, – ей очень не хотелось, чтобы Павел узнал, какая всё-таки свинья этот Голунов. – Как ты-то себя чувствуешь?

Вопрос оказался явно риторическим – вид у героя был тот ещё: левое ухо распухло, правый глаз заплыл, бровь, вся зелёная, зашита, грудь перебинтована, руки – тоже.

– Да ничего страшного, просто койкоместо занимаю. Сильно напугалась тогда?

– Просто кошмар какой-то: сначала я испугалась, что они убьют Максима, потом они ударили Илью бутылкой, а потом напугалась за тебя, когда ты упал. Билетёрша позвонила в милицию. Слава Богу, что они приехали так быстро, обычно не дождёшься...

Лида осеклась и смутилась: Павел как-то странно на неё смотрел, задумчиво, словно не слышал.

– Сегодня приходил следователь. Организовывает мировую. Дескать, повреждения средней тяжести, встречные заявления, и всё такое. Илья приходил. Говорит, что в семинарии, когда узнали обо всём этом, решили нас отчислить. Мол, пьяная драка, привод в милицию, будущим священнослужителям не к лицу, и прочее. Илюха завтра домой едет, а я – как выпишусь... А ты завтра придёшь?

Лида опешила:

– А как же так? Вы же защищали человека от пьяных хулиганов. Да его эти... уроды... запросто убить могли. Да вы ему жизнь спасли, разве не этому Христос учил? Я тоже Евангелие читала, помню, что там написано. Да как они могли?

Павел молчал, опустив глаза.

Немного помедлив, она добавила:

– А ты, значит, не здесь живёшь и скоро уедешь... А где, в каком городе?
– не дожидаясь ответа, девушка вскочила со стула, на краешке которого сидела. Сосед по палате заворочался и начал сквозь зубы материться.

– Я завтра приду! – перебила она Павла, покраснев, и умчалась, забыв вручить больному пакет с апельсинами.

Целый вечер Лида была сама не своя. На вопросы отвечала невпопад, за ужином пыталась насыпать сахар в молочник. Родители, будучи уже в курсе событий, оценивали их каждый по-своему. Отец слегка подпил и всецело пребывал на стороне Паши и Ильи, считая, что мальчишки поступили достойно. Он даже поинтересовался Пашиным состоянием здоровья и дал денег на передачку.

– На, купи ему соку или ещё чего-нибудь. Хороший пацан, молодец. Привет ему от меня. Так и скажи, мол, батя передаёт привет. А я Осипова лично попрошу, чтобы отнесли к нему в больнице как надо. Мне не откажет. А как там этот ваш Головнов? У него, кажется, чисто случайно травматический пневмоторакс не случился – дежурный говорил.

– Голунов...

Лида пересказала содержание разговора с Максимом. Отец поставил рюмку на место, помрачнел и издал досадливый звук. Скривился.

– Не Голунов он, а Го... – тут отец поймал строгий взгляд жены и осёкся.

– Гольюнов он – ваш Максим. Сказал бы, что мало ему дали, да вроде по полной отхватил, – он ещё хотел что-то добавить, но вместо этого хлопнул залпом рюмку финской водки, поставил её на скатерть и закусил солёным белым груздём.

Мама много не распространялась, но по её реакции Лида поняла, что большой разницы между теми хулиганами и семинаристами она не видела. К тому же молодые люди, поступившие в духовную семинарию, вызывали у неё большие подозрения. В храм она никогда не ходила, считая верующих как минимум, инопланетянами, а самих служителей Церкви – хитрыми аферистами. «Набивают брюхо себе за счёт дураков», – говорила она. А свекровку всегда осуждала за то, что та под старость лет не только стала

ездить в Петропавловский собор молиться, но и Лиду таскала с собой. А сейчас мама сильно переживала из-за знакомства старшей дочери с этими людьми. Характер у Лиды был романтический, и теперь стоило бояться, что молодая девчонка влюбится в этого проходимца. Тем более что тот сейчас находился в положении пострадавшего героя.

Увидев, что Миля, младшая дочка, наелась и уже балуется с чаем, отпивая его, а потом выпуская обратно в чашку, мама отправила её умываться и повторять заданного в музыкальной школе «Сурка». Миля скорчила недовольную мину, но перечить матери не решилась. Уже выходя из-за стола, она тайком показала Лиде язык. Та либо не заметила, либо просто никак не отреагировала. Миля оскорбилась и, проходя мимо, наступила сестре на ногу. С тем же результатом.

Всю ночь Лида проворочалась в постели. Первую половину ночи её просто распирало от желания, как минимум, подпалить всю семинарию. Она уже представляла себе, как бородатые преподаватели в чёрных мантиях во главе с ректором (или кто там у них главный?) лезут в окна, спасаясь от огня. Внутри рос протест. Девушка никак не могла взять в толк, что человека, исполнившего Божью заповедь истинной любви, как раз за это Церковь и наказала. Лида вспомнила, как в детстве ходила с бабушкой (пока та не умерла) в воскресную школу. Там батюшка однажды пересказывал притчу о том, как на одного человека напали разбойники. Мимо прошёл священник, торопясь на службу: посмотрел и ничем не помог, а простой человек, который ни у кого не пользовался уважением и любовью, не только оказал ему первую помощь, но и потом в беде не оставил. Добрый самарянин. Да они там просто – вертеп разбойников! Будь её воля, всех бы поразогнала!

Оставшуюся часть ночи Лида прислушивалась к своим чувствам. Да, так и есть. Она влюбилась в Пашу. Как горько, что он теперь уедет! Будь у неё Веркин темперамент, она легко заставила бы Пашу влюбиться в себя. Или сама могла признаться первой. Верку вообще трудно чем-либо смутить. Но

Лида была стеснительной. И сейчас она кляла себя за это. В сказки о толпах прекрасных принцев, разъезжающих по горам и долам в поисках принцесс, она никогда не верила. Вокруг сплошь одни только самовлюблённые, никогда не взрослеющие дураки, крепко держащиеся за мамины юбки. Все нормальные парни давным-давно заняты более успешными девушками. Лида довольно часто влюблялась раньше, но очень быстро разочаровывалась в очередном избраннике. И теперь она долго ворочалась под покрывалом, мучая себя вопросом: а вдруг это тоже всего лишь глупая влюблённость? Уже под утро Лида решительно отказалась терзать себя вопросами.

– Всё ему сегодня скажу! – пробормотала она, засыпая. – Вот и узнаю, как он ко мне относится. А если это ошибка – ну и пусть катится в свой Белогорск... Белозёрск... Белорецк, или как он там...

Когда Лида проснулась, от прежней решительности не осталась и следа. Кое-как позавтракав, она отправилась на занятия. Было четыре урока и окно – на астрономию она могла не ходить, так как годовая оценка уже была выведена, экзаменационный реферат на тему: «Юпитер – планета или квазизвезда?» был готов и заранее проверен, оставался сам экзамен, которого Лида совсем не боялась.

На физике Фролов с Костецким опять хихикали весь урок и скоморошили над Ириной Александровной. Прервались на объяснения об отсутствующем на уроке Голунове. Кстати, к чести Костецкого, тот, когда ему пересказали инцидент, возмутился:

– Я в шоке! Да как так, никто не встал за Максимку! Да вы мужики или кто?

– Я горжусь вами, братья! Своя шкура ближе к телу! Всё правильно сделали! – поддержал его Фролов. Мальчишки тогда чуть не подрались из-за этого.

Больше в тот день в средней общеобразовательной школе № 19 ничего интересного не произошло. Хотя нет. На уроке литературы Миша Фролов снова довёл пожилую учительницу до белого каления, заявив на опросе, что у Горького он читал «Буревестника». И это вместо заданных «На дне», «Мать» и многого другого. У них была вражда с десятого класса. В начале учебного года сменился преподаватель. Новая учительница Вера Константиновна имела неосторожность озвучить своё мнение, что ученики никогда не смогут преодолеть барьера «Куручки Рябы» и «Теремка». Все промолчали, решив не спорить, кроме, разумеется, Миши. Тот возмутился:

– Простите, а почему это Вы так думаете, ведь Вы ещё не знакомы ни с кем из нашего класса, а уже такие высказывания!

– А что, разве не так? Ну, скажи нам, каких авторов ты читаешь? – ласково улыбнувшись, ответила Вера Константиновна. – А мы послушаем.

– Почему мы? Мои одноклассники давно в курсе, – парировал Фролов и огласил довольно солидный список писателей, из которых Лида читала только Акутагаву, Хемингуэя и Маркеса. В тот момент всех охватила большая гордость за Мишу и вообще за весь класс, так как учительница, слушая его, медленно бледнела, поджав губы. С той минуты они стали вежливыми врагами. Их стычки забавляли всех.

Когда, наконец, кончился последний урок, Лида в потоке класса устремилась вниз по лестнице – к выходу из школы, обдумывая предстоящий разговор с Пашей.

Когда она спустилась на первый этаж, то увидела, что возле расписания собралась небольшая толпа.

Восьмиклассники обступили кого-то плотным кольцом и галдели, выкрикивая угрозы. Паша Костецкий тут же взял курс на толпу и резко вклинился в нее. Фролов, оторвавшись от хихикающей Альбины Паньшиной,

которой он что-то шептал на ухо, моментально рванул за другом. Альбина тут же надулась.

– Пшли вон, салаги, – беззлобно ругался Костецкий, бесцеремонно расталкивая всех вокруг.

– Цыц, муха! – отрезал Фролов, надвинув на глаза бейсболку запротестовавшему было восьмикласснику.

– Да это же тот поп, который за Голунова впрягался! – слышалось справа над ухом. Это воскликнул Юрка Снытко, который ростом превосходил всех в школе.

Лида вздрогнула и устремилась к толпе, но пробиться к расписанию ей уже не удалось.

– Да тихо, я сказал! – рявкнул Паша на толпу. Мальчишки предпочли успокоиться.

– Слышь, мужик, а ты кто вообще? – Лида теперь могла только слышать. Даже встав на цыпочки, она ничего не видела из-за рослых восьмиклассников. «Вот ведь акселераты!», – досадливо подумала она.

– Человек, – это был голос её Паши. Но как он мог быть здесь, ведь он должен был находиться в больнице, да и номера школы она ему не говорила!

– Сам вижу. А чего за демонстрация тут?

– Спроси вон у них, я сюда не ссориться пришёл.

– Жека, иди сюда. Докладывай! – Костецкий обращался к здоровому мальчишке – тот был у всех восьмиклассников кем-то вроде главаря.

– А чё он наехал на Лёху?

– Враньё, – Пашин голос был спокойным и уверенным.

Тут Снытко, которому надоело стоять сзади, стал проталкиваться сквозь толпу. Лида воспользовалась моментом и, ухватившись обеими руками за его олимпийку, нырнула за ним.

– Паша! – воскликнула она, увидев своего героя. На восклицание обернулся и Костецкий.

– Чего? – спросил он, но, увидев, что она смотрит вовсе не на него, обернулся к собеседнику.

– А ты что, к Лиде, что ли, пришел? Так бы и сказал сразу, а то мы чуть тебя не прессанули.

– Всё, цирк окончен, давайте быстро по горшкам и спать! – эти слова Костецкий адресовал уже восьмиклассникам. Те связываться не стали, так как Пашка, который однозначно был у всех в авторитете, имел, к тому же, тяжёлую руку. Только их главарь, фамилии которого Лида не знала, запротестовал:

– Не, Пахан, так дела не делаются! Чё за ерунда?

– Да иди, давай, иди! – это Миша оттеснил его от греха подальше, так как Костецкий моментально покраснел от злости.

– Пошли, Жека, – друзья увлекли его вверх по лестнице.

– Слышь, Паш, это тот, который позавчера бился с кировскими, – доложил Костецкому Юрка.

– О-па! – Костецкий уважительно посмотрел на разукрашенного побоями Бородина, который был уже одет не в китель, а в чёрную джинсовку с надписью «Metallica». На плече у него красовалась потрёпанная спортивная сумка.

– Мужик, да ты крут! Будем знакомы, – сказал он, протягивая руку. – Похоже, тёзки мы.

– Да, – усмехнулся Паша, – точно.

Юрка Снытко и другие мальчишки, бывшие тогда в горсаду, уже куда-то пропали. Остались девчонки и те, кто тогда отсутствовал.

– Михаил, – это тянул руку Фролов. – Весьма разочарован, что нас с Пашей тогда не было в парке, вот бы мы тем подонкам наваляли от души! А ты что, каратист?

– Не, боксёр, – покачал головой Паша.

– Круто. А разряд какой?

– Камээс.

– Слушай, Мигель, так это не мы его от молодых спасли, а как раз наоборот.

– Ага, Пабло, да он бы их просто поубивал! – обрадовался Фролов.

– Ладно, мужики, извините, я к Лиде пришёл...

– Да не вопрос, о чём речь? Держи краба. Только давай-ка мы с Мигелем вас проводим немножко, мало ли что, у нас тут некоторые совсем без башни. Камрад, ты не против?

– Как можно? Пошли, как раз прогуляемся до ларька на Герцена.

Костецкий и Фролов, как всегда, остря на каждом шагу, довели их до перекрёстка и распрощались.

Лида с Пашей остались вдвоём.

Какое-то время они молча шли по проспекту. Лида боялась даже голову повернуть в сторону Паши, хотя чувствовала, что время уходит. Вся её ночная решимость расставить точки над *i* бесследно испарилась. Тишину нарушил Павел:

– Лида, я сегодня уезжаю домой, последний автобус в четыре часа... в общем, ну... я хотел сказать, ты мне нравишься... очень. Можно, я тебе буду писать, ну, если ты не против, конечно, и... если ты уже не дружишь с кем-нибудь, – Павел смешался и замолчал.

Лида остановилась, резко повернулась на каблуках и, откинув со лба непослушную прядь, сказала, глядя то на Павла, то на фонарный столб с вороной на верхушке:

– Ты знаешь, Паша, а ведь я то же самое тебе хотела сказать, но не знала, как начать.

К щекам Павла прилил слабый румянец, правая рука метнулась к пластырю над глазом. Но уже через пару секунд ему удалось справиться со смущением и он, напустив на себя непринуждённый вид, деловито изрёк:

– Ну вот, обе стороны пришли к неизбежному консенсусу. Когда будем играть свадьбу?

Лида улыбнулась и, стараясь не обращать внимания на ворону, которая уже слетела с фонаря на асфальт и теперь почему-то подбиралась к Павлу, сказала:

– Ну, если у тебя нет жены и троих детей, то осенью обязательно поженимся.

Она ещё хотела добавить, что свадебного путешествия не предвидится – ей предстоит поступать в медицинский университет, тот, что слева от них, через дорогу, но тут она заметила, что ворона вплотную подобралась к ним. Павел стоял к ней спиной и не мог видеть наглую птицу.

– У меня пока что нет жены и детей, но я надеюсь, что это... э-э-э! – Павел от неожиданности шарахнулся в сторону, чуть не уронив сумку с плеча. Не менее напуганная ворона, чья попытка сорвать блестящую бляшку с ковбойского ботинка Павла провалилась, тоже рванула в сторону, едва не

врезавшись в витую ножку скамейки. Сориентировавшись, она проскакала под скамейкой к газону, вызываяще каркнула и взлетела на аккуратную голубую ёлку, откуда продолжила своё наблюдение за Павлом.

Лида, закрыв лицо руками, заливалась смехом, глядя на эту сцену. Сообразив, что к чему, Павел и сам развеселился.

– А я-то думал, что блестящее привлекает только сорок, а тут смотри-ка...

Они смеялись, а прохожие шли мимо, иногда недоумённо оглядываясь на странную парочку – хрупкую девушку в белоснежной блузке и бандитского вида неформала со зловещей надписью «Kill 'Em All» во всю спину. Недостаток знания английского языка у прохожих с лихвой восполнялся недвусмысленным изображением выпавшего из чьей-то руки молота на фоне кровавого пятна. Явное несоответствие друг другу Паши и Лиды бросалось в глаза, словно делая молчаливый вызов всему миру. Да в принципе, так оно и было – утончённая девушка из приличной семьи и воспитанный одной лишь матерью дворовый парень.

Что было у Лиды? Мама – директор Дома детства и юношества, заслуженный музыкальный работник области, папа – главный врач центральной станции скорой помощи. Счастливое детство, летние поездки на Золотые Пески, Диккенс и Чехов после вечернего семейного чаепития, хоровая школа с отличием, серебряная медаль в школе, перспективы.

А что у Павла? Мама – инвалид второй группы, которая смогла подарить сыну свою любовь и заботу, но не сумела обеспечить материально. Вместо уютного дворика с песочницей – гаражи и стройка, в которой он не раз прятался от больших пацанов ещё до того, как записался на бокс. Школа, в которой ему никак не давалась алгебра – приходилось каждый год оставаться на осень. Уличные стычки с гопниками, ножевое ранение в грудь, летняя подработка в «Зеленстрое», чтобы купить себе ботинки.

Однако сейчас всё это не имело никакого значения. Павел видел перед собой ту единственную, ради которой стоило побороться и со всем миром. Лиде же было абсолютно наплевать на всякие условности – она была готова следовать за своим избранником хоть куда. Её даже не смущало то, что она не знала о Паше почти ничего. Но, вероятно, краешком сердца она чувствовала, что за этой смущающей обывателей внешностью скрывается нежная, чуткая душа. Они смеялись, болтали о пустяках, гуляли по зелёным улицам, взявшись за руки, как дети. Каждый понимал, что их встреча просто не могла не состояться. И радость этой встречи так и не проходила. Ни в тот день, ни в последующие дни, месяцы и годы.

Остановка времени

Борис любил мечтать с самого детства. Почти каждую ночь он просто лежал с закрытыми глазами до двух часов, не в силах уснуть. Богатая фантазия, подкрепляемая прочитанными сказками и фантастическими историями, часто рисовала ему захватывающие дух приключения. Например, хотелось побывать счастливым обладателем волшебной палочки, которая исполняла бы любые пожелания. Или иметь ковёр-самолет, как у старика Хоттабыча, ведь тогда можно улететь и в Италию, чтобы понежиться на песочке где-нибудь в Вероне (интересно, возникнут ли проблемы на границе?). А волшебные кольца, при помощи которых можно попасть в сказочную страну Нарнию, где живут говорящие звери? Владеть такими – значит быть самым счастливым человеком на Земле. Или вот возьмём, к примеру, Люка Скайуокера, героя «Звёздных войн». У него был световой меч. Иметь бы такой – и никакие обидчики не страшны. Он бы и за беззащитных заступался.

Однажды он в «Марсианских хрониках» Рэя Брэдбери читал, как один человек не пожелал возвращаться на Землю с обжитого людьми Марса во время мировой войны. Он остался на пустой планете и всю жизнь пользовался

благами цивилизации. Совершенно бесплатно, разумеется. Тогда Борис замечтался, чем бы занялся он, оставшись во всём городе один. Но не насовсем, конечно. Без родных и друзей всё равно плохо. Но больше всего его воображение пленяли мечты о способности останавливать время. Вот это действительно круче всего!

У кого-то из зарубежных фантастов главный герой мог то ли замедлять время, то ли ускорять собственный метаболизм. В результате в нужные моменты всё вокруг как бы начинало двигаться очень медленно. Можно и банк ограбить, а можно и хулигану наkostenять. Можно стать лучшим в мире боксёром или футболистом.

Но полная остановка времени – это, всё-таки, гораздо лучше. Вроде как весь мир поставил на паузу. Да таким образом можно стать героем всех времён и народов! Что там жалкие человек-паук или Бэтмэн!

А вот если бы время останавливалось само каждый раз, когда кому-нибудь рядом угрожает опасность! Тогда можно предотвращать любые преступления. Вот это дело! Заморозил время, подошёл к террористу, забрал бомбу, взамен крысу дохлую в руку вложил. Или розовый воздушный шарик. Вот потеха! Да он посвятил бы этому делу всю свою жизнь! Ничего более интересного и увлекательного даже представить себе нельзя. Предотвращать чужое горе. Жертвовать собой. Точно, именно жертвовать, ведь в таком случае он будет стареть гораздо быстрее других. Пока всех преступников обезвредишь, часа два-три точно пройдёт. Но ладно. Ерунда. Борис был готов принести в жертву своё время. Меньше, чем положено, всё равно не проживешь. Зато какая была бы жизнь! Сказка!

Таким мыслям Борис предавался и дома, и в школе. А в особенности, когда ходил по улицам города, когда попадал в неприятности или смотрел криминальные сводки по телевизору.

Вот и сейчас он шёл домой с занятий, погружённый в тягостные раздумья. На контрольной по неорганической химии ему не хватило каких-то пяти минут на решение простой, в принципе, задачи. Последней. Пятерка, само собой, сорвалась. Эх, вот так вот щёлкнул бы пальцами, остановил время – и всё путём.

Потенциальную опасность он заметил автоматически. В какой-то сотне метров впереди, на углу дома, стояли трое пацанов в спортивных костюмах. Намётанный глаз моментально определил, что стоят они не просто так. Борис тут же свернул налево. Лучше обойти этих гопников по другой улице и не искушать судьбу. Эти-то уж точно сшибают деньги с таких, как он. А вот хорошо бы их проучить!

Взгляд, блуждавший по окрестностям, внезапно натолкнулся на девушку. Нет, девушка, конечно, вовсе не была единственной на улице. Просто она совершенно неожиданно для Бориса оказалась целиком и полностью в его вкусе. Да-да. В свои пятнадцать лет парень инфантильным не был. Девушки занимали его мысли достаточно часто.

Но эта девушка стояла всех вместе взятых. В тот момент она показалась ему сказочной нимфой. Её волосы были не просто рыжими – они огненными волнами окатывали округлые плечи. Глаза казались не просто зелёными – они блистали на солнце, как изумруды. Слегка вздёрнутый носик, округлый подбородок. Лёгкое платьице в цветочек, белые босоножки. На вид ей было лет шестнадцать. Красива ли она? Беспредельно! Но красота эта – не из гламурных журналов. Не аристократическая, украшающая рекламные щиты и экраны телевизоров. Красота родная, домашняя, что ли.

Навряд ли милого личика касался отпечаток надменности. Она даже не пользовалась косметикой. По крайней мере, её следов не было видно. Впрочем, этой девушке косметика к чему.

Всё это парнишка успел заметить за несколько секунд, пока они сближались. Вот между ними около пяти метров. Надо отводить глаза. Неприлично вот так идти и пялиться. Поравнялись. Боковым зрением Борис увидел, что сказочная нимфа вроде бы слегка повернула голову в его сторону. Ах, если бы! Сейчас он всё отдал бы за то, чтобы познакомиться с ней. Как обидно! Разошлись. Всё.

От досады Борис щёлкнул пальцами. Она, конечно же, дружит с парнем покруче. Эдаким спортсменом, вроде Жеки Лямина из 11-го Б.

И тут мальчишка остановился, как вкопанный.

Женщина с красной сумкой на плече, которая вела за руку маленькую большеглазую девочку, застыла с поднятой рукой. Видимо, она хотела убрать с глаз чёлку, но рука так и не достигла лба. Девочка, задрав голову вверх, тоже пребывала неподвижной.

Борису стало страшно. Слегка закружилась голова, его передернуло от неприятного холодка, пробежавшего до самого копчика. Медленно-медленно он перевёл взгляд на бородача в затемнённых очках. Тот уставился на свой мобильный телефон, видимо, читая или отправляя сообщение. Мужчина не двигался. Похоже, что даже не дышал.

Борис стоял посреди улицы и дико озирался по сторонам. Люди вокруг как будто играли в «Море волнуется». На всеобщий сговор это похоже не было. Всё ясно! Это либо сон, либо глюк.

Точно. Помешательство на почве переутомления плюс неуёмная фантазия.

– Их бин больной, – вяло произнес Борис вслух. Просто для того, чтобы удостовериться, что он – это всё ещё он. Засвербило в носу, и он чихнул. Вышло очень громко. Наверно, потому что городские шумы разом исчезли.

Автомобили не двигались, несколько голубей висело в воздухе. Ну прямо фильм «Матрица».

– Ну да, сейчас, конечно, появится Морфеус и скажет что-нибудь вроде: «Проснись, Нео, ты в сумасшедшем доме», – пробормотал несчастный Борис.

Обычно он не разговаривал с самим собой и не думал вслух. Но теперь это казалось ему необходимым. Вселяло уверенность.

Положив сумку с тетрадями и учебниками на свежескошенный газон, Борис постарался унять учатившееся дыхание. Сердце бешено колотилось, кровь стучала в голове. Дрожащая рука коснулась низкорослого кустарника на границе тротуара и проезжей части. Обстриженные веточки кололись. Реальность?

Буквально всем напряжением воли Борис заставил себя успокоиться и думать здраво. Мозг понемногу начинал соглашаться с тем, что видели глаза и слышали, а точнее, не слышали, уши. Время действительно остановилось.

Но почему?

Пальцы!

Взгляд скользнул вниз, к дрожащим пальцам, вцепившимся в пряжку ремня. Как, неужели? Он всего лишь щёлкнул ими – и...

Сбылась мечта идиота?

А что, если снова щёлкнуть? Всё пойдёт своим чередом? Стоп, не стоит торопиться. А вдруг потом не получится снова остановить время? Даже апостол Пётр только один раз ходил по воде... Разум откажется верить – и не сработает. Во сне часто так бывало – если летаешь, то плохо, низко. Если палочка волшебная – то барахлит. Если в машину сел, то заводится долго и ездит медленно.

Ну а пока что всё работало...

Борис вспомнил о хулиганах, из-за которых ему пришлось свернуть на эту улицу. Надо бы пойти да отмочить что-нибудь эдакое с ними, чтобы им потом стыдно было даже собираться вместе. Скажем, пусть они обнаружат

друг друга держащимися... Хотя, стоп! Если бы не эти охلامоны, он не свернул бы сюда и не встретил бы... Её!

Девушка! Как он мог забыть о ней!

Борис даже кинулся бежать, хотя расстояние между ними не превышало и тридцати метров.

Вот она! Прекрасная. Узнать бы, как её зовут. Да что же это он? Ведь это просто элементарно.

В её пакете оказалось три учебника и тетрадки. Итак, тянем-потянем... Вот и тетрадь. На ней красивым мелким почерком написано: «Для контрольных работ по русскому языку ученицы 10 класса «А» средней школы № 19 Кабановой Татьяны». Тетрадь тотчас же была возвращена на законное место.

Таня...

Борис немного отошёл и походил вокруг, любуясь девушкой, стараясь запомнить её получше.

И тут он обратил внимание на одну деталь, которая всё изменила. Таня не носила бюстгальтера. Возвышенные сказочные чувства постепенно уходили куда-то, а на смену им приходили совсем другие. Более приземлённые. Снова кровь застучала в висках. Заработала новая мысль.

Такая... красивая... недоступна, конечно же... другому достанется... а что, если... ну, хотя бы... потрогать её?

А. собственно, чего это он? Что за ажиотаж такой? Да ему теперь доступна любая! Он теперь может щупать каждую понравившуюся ему девушку сколько влезет. И никто не узнает ничего.

Теперь Борис смотрел на Таню другими глазами. Как-то свысока. И не казалась уже она ему неземной нимфой. Сейчас и отныне все они в его

власти – стоит только пальцами щёлкнуть. Да он теперь всемогущ! И всё безнаказанно!

Дрожа от волнения, Борис подошёл к Тане сзади и протянул руку, чтобы расстегнуть молнию на её платье. Ещё секунда и...

И тут всё пришло в движение. Девушка, не заметив паренька, судорожно отдернувшего руку, удалялась, цокая каблучками по тротуарной плитке. Затарахтели автомобили. Мимо прошла усталая женщина с четырёхлетней дочкой, покосившись на мальчишку, который вроде бы только что был в другом месте.

Да что же это?!

Борис щёлкнул пальцами. Ничего. Сильнее. Тот же эффект.

Чтобы не привлекать к себе внимания, он поднял сумку, перешёл через дорогу, продравшись через кустарник. Присел на скамейку, даже не удосужившись стереть с неё пыль. Ещё около получаса он безуспешно щёлкал пальцами, пытаясь вновь остановить время.

Внезапно он всё понял, и ему захотелось заорать от досады на самого себя. Он провалил экзамен. Сколько раз он мечтал и даже молился об этой способности, чтобы стать настоящим героем. Спасать людей.

И на что же он пытался употребить этот дар? На воровскую низость? Повёл себя как настоящий болван! И лишился всего.

Борис заплакал, как ребёнок, повернув голову в ту сторону, куда ушла сказочная нимфа Таня.

В ожидании

– Ларочка, посиди здесь, на скамейке, постереги сумку, а я сейчас быстро приду, схожу только в туалет!

Мама посадила четырёхлетнюю дочь рядом с худошавым усатым мужчиной неопределённого возраста, задумчиво читающим какую-то газету. Обшарпанную красную сумку поставила рядом со скамейкой.

– Мама, только ты быстро приходи, ладно?

– Конечно, Лара, сейчас.

Туалет на автовокзале по какой-то причине оказался закрыт, поэтому Татьяне пришлось идти на железнодорожный.

Обычно, желая подчеркнуть высокую степень озабоченности, говорят, что в голове роились мысли. Какое там роились! Татьянины мысли не летали, а тяжело маршировали целыми колоннами, причём в разные стороны. От такого бедлама голова просто раскалывалась, даже поворачивать глаза было нестерпимо больно. Может быть, в этом был виноват портвейн, которым её вчера угощала подруга. Или затрещина, полученная утром в награду от мужа. Тогда она больно стукнулась головой о холодильник. Собрав кое-как вещи, она решила снова пожить с Ларисой у мамы пару недель. Обычно Сергею хватало этого времени, чтобы соскучиться. Тогда он приезжал за ними и просил прощения.

Головная боль усиливалась. Хотелось спать. Татьяна подошла к ступенькам, но спуститься почему-то не получилось. Левая нога никак не хотела слушаться. Внезапно подкатила нестерпимая тошнота, и Татьяну вырвало на ступеньки.

– Алкашня! – процедила грузная немолодая женщина, обойдя её стороной.

Закружилась голова, да так, что пришлось опуститься прямо на асфальт – до лавочки было слишком далеко. Всё тело бросило в жар, сердце буквально вырывалось из груди. Ещё миг – и Татьяна словно провалилась в какую-то пропасть.

Девочка беспокойно оглядывалась по сторонам. Когда же, наконец, придёт мама?

Хотелось что-нибудь покушать, но мама ещё не успела ничего купить. Громкий голос объявил, что начинается посадка на какое-то направление. Усатый мужчина, сидевший рядом, засуетился и, стараясь не смотреть на худенькую большеглазую девочку, которую мать оставила уже больше часа назад, поспешил к автобусу.

Ларисе очень хотелось пойти искать маму, но она боялась оставить сумку без присмотра. Она с надеждой смотрела на людей, представляя, что вот-вот кто-нибудь заметит, как она сидит здесь совсем одна, подойдёт и спросит, где её мама. Тогда взрослые соберутся, найдут её и приведут к ней. И они смогут поехать к бабушке в деревню. Там клювачий петушок, курочки и коровка Ночка. А ещё там малинка в огороде...

Татьяна пришла в себя. В ушах гудело так, как будто летишь на самолете с открытыми иллюминаторами. С усилием оторвала голову от ступеньки. Ощущение падения не прекращалось.

Лара! Её дочка сидела совсем одна на лавочке за углом! А она тут разлеглась!

Татьяна предприняла попытку встать, но сил не хватило. Тогда она попыталась позвать на помощь, но язык не повиновался. Из рта вырывались только бессвязные звуки. В отчаянии она пыталась даже ползти, но ей стало ещё хуже. В глазах двоилось. Шум в ушах усиливался. Голова просто раскалывалась от боли. Инсульт развивался стремительно.

А люди всё шли мимо, стараясь не замечать пьяную женщину.

Если б не было тебя...

Ольга познакомилась с Мишей на дне рождения своей подруги Оксаны. Та была девочкой без комплексов и пригласила кучу всякого народа. Кое-кого из пришедших не знала даже сама Оксана. Тем не менее, это нисколько не затруднило весёлого студенческого общения. Через каких-нибудь двадцать-тридцать минут все уже были друг с дружкой на короткой ноге. На столе – модная водка в алюминиевых банках, много фанты, консервированные огурчики и шпроты. Ещё постаралась Катя – двоюродная сестра Оксаны, с которой они жили в одной комнате студенческого общежития политехнического института. Она ухитрилась приготовить пару сельдочных салатов и отварить целую кастрюлю картофеля с укропом. Так что стол, можно сказать, ломился от яств. Да ещё пришедшие сочли просто необходимым принести хоть что-нибудь к столу, и теперь извлекали из пакетов и карманов – кто пиво, кто сок, а развязный Эдик, студент политеха, небрежным жестом положил целую палку копчёной колбасы.

– О-па, нормально! – оживился длинноволосый парень с серёжкой в правом ухе. Кажется, его звали Витей. Судя по фенечкам на запястьях и футболке навыпуск, выглядывающей из-под чёрной джинсовки со всевозможными заклёпками и цепочками, он учился либо в универе, либо в «культуре». Он уже был знаком с Катей, сидел рядом с ней и время от времени что-то шептал ей на ухо.

Девочек за столом было немного: Ольга, сама виновница торжества с сестрой, пухленькая Вика – Оксанкина одногруппница и Алёна из только что открытого «коммерческого». Зато мальчиков – хоть отбавляй. И все симпатичные. Лишь Эдик не вызывал в Ольге никаких эмоций, поскольку манерой говорить и двигаться походил на человека, не понаслышке знакомого с наркотиками. А таких в её родном городе было навалом. «Торчали» в подъездах, на лавочках во дворе, оставляя после себя одноразовые шприцы. Потом «засыхали» кто в кустах, кто в подъезде. Один такой как-то целых два часа просидел на корточках посреди городской

площади с чупа-чупсом во рту. Примерно раз в десять минут он вынимал леденец изо рта, задумчиво смотрел на него, то и дело, закрывая глаза, затем засовывал обратно.

Михаил Фролов, высокий мальчик лет восемнадцати, учился на первом курсе медицинского университета. Его привел Вадик – Оксанкин парень. Они с Мишей учились на одном факультете, но в разных группах. Вадик уже хорошенько поддал и взахлёб рассказывал другу приключившуюся с ним историю:

– Прикинь, Мих, еду я сегодня в трамвае, а на сиденье сидит мужик. Рубашку расстегнул, чуть ли не до пупа, а там у него на вот такенной золотой цепи висит икона Богородицы величиной с пачку «Данхилла». Тоже золотая. На руке – золотой браслет с полкило, не меньше! И вот этот новый русский, едет в трамвайчике. Уж не пойму, то ли мерс у него поломался, то ли себя показать решил, пёс его знает... Так о чём это я? А, ну и вот, едет такой, и у него телефон звонит. Прикинь? Сотовый! Весь трамвай, короче, в трансе. А он важно так достаёт телефон и говорит туда типа: «Алё!» Я вообще чуть не упал!

Михаил улыбнулся, причём уголки рта при этом смешно опустились.

– Владелец заводов, газет, пароходов... Нет, ну сами рассудите, коллега, кто же узрит всю его славу, если он будет всё время в тонированном мерсе рассекать по нашим негритянским трущобам? Вот пациент и вышел в народ. Комплекс неполноценности, надо полагать...

Ольга уже обратила внимание на его глубокие карие глаза, статную фигуру и манеру держаться уверенно, но без напускной бравады. Теперь её привлёк приятный голос, от которого веяло... какой-то надёжностью, что ли? Что-то в Михаиле было особенное, притягательное.

Аккуратно стряхнув пепел с длинной сигареты в пустую баночку из-под «фанты», Михаил задумчиво потёр лоб тыльной стороной руки, покосился в Олину сторону и сказал, обращаясь к Вадику:

– Ну что, Сергеич, как там твой анатом?

Вадик помрачнел лицом, выругался и, отложив в сторону вилку с наколотой картофелиной, сказал:

– Прикинь, он меня сегодня, такой, поднимает и спрашивает, где проходит лицевой нерв, ну, я ему, значит, всё подробно описываю, а он говорит, типа, неправильно, садись, два. Я сажусь в полном ауте, открываю атлас, смотрю, а я всё правильно сказал, как там написано. Ну, я, такой, ему и говорю, типа, что за ерунда, вон, в книжке так написано.

– Ну да. А он?

– А этот упырь улыбается так ехидно и говорит, мол, неправильно в твоей книжке написано!

– Совсем уже, что ли?

– Ага, прикинь, наши все, такие, в трансе, а я ему говорю, ну тогда, мол, скажите сами, как фациалис проходит.

– Ну?

– А он говорит: «А я знаю, как он проходит, и мне хватит».

Михаил развернулся на табуретке и уставился на друга в упор.

– Да ладно! Как так?

– Вот так вот, а ты как думал? Мы после занятия всей группой подошли к завкафедрой, спросили, где проходит фациалис. Он на нас как на дураков сначала посмотрел, потом мы всё-таки докопались до него, он нам сказал то же самое, что и я. Мы ему всю эту историю рассказали, а он нас прогнал, чтоб на своего преподавателя не жаловались.

– Слушай, я в шоке! Как двойку теперь отрабатывать будешь?

– Да пошёл он! Правильно его каждую зиму бьют! Как второй курс анатомию сдаёт, он, говорят, в больницу попадает с побоями.

– Ну, это, жалко мужика, хорош бы ему уже студентов доводить.

Ольга выпила ещё немного водки. Поморщилась, запила томатным соком. Интересно, наверное, учиться в медицинском, только слишком уж сложно. Спиртное понемногу развязывало язык.

– Мальчишки, а вы как, на трупах там учитесь?

– На зомби, – радостно закивал Вадик.

Михаил улыбнулся, проглотил кусок колбасы и сказал:

– У нас в подвале целый бассейн с формалином, метров пять на восемь примерно, так там отказные трупы плавают. Мы на каждое занятие отлавливаем какой-нибудь труп и в класс поднимаем на носилках.

Вика с отвращением отодвинулась от салата, а Алёна брезгливо высунула язык, скорчила недовольную мину и с возмущением сказала:

– Ну, ё-моё! Не за столом же!

Мальчишки дружно захохотали, а Эдик дружески похлопал Вадика по плечу.

– Молодцы, пацаны, давайте выпьем за медицину!

Веселье продолжалось. Вскоре кто-то принёс из соседней комнаты гитару.

– О, круто, дайте-ка её сюда! – это вновь подал голос Витёк.

Через минуту, настроив гитару, он уже вовсю лупил по струнам, извлекая очень тяжёлые аккорды. Оказалось, что Витёк – металлист и знает много всяких шумных песен зарубежных команд.

Вскоре девочки попросили Витьку уняться, и он, отложив гитару в сторону, налёг на водку с пивом.

– А ты, Оль, где учишься? – поинтересовался Михаил.

– В филиале универа, на эргээфе.

– А это что за зверь такой? – поднял он брови в удивлении.

– Это не зверь, Миша, это романо-германская филология. По-другому – иняз.

– Ого! – удивился парень, – а на каком ты курсе?

– На третьем.

– А сколько тебе лет? – продолжал допытываться он.

– Двадцать, а тебе?

– Восемнадцать, мал ещё.

– А я, типа, старуха, да? – возмутилась Ольга.

– Да ну, ты что? Я вовсе не хотел тебя обидеть, прости.

Михаил как-то странно смотрел Ольге в глаза, отчего она почувствовала себя неловко и отвела взгляд.

– А какие языки вы учите?

– Французский, немецкий, английский, латынь и готский.

Тут вмешался совсем уже захмелевший Вадик:

– Какой там ещё гопский? Да я этих гопников бы на кактус всех пересажал!

Ольга фыркнула от смеха, а Михаил с серьёзным выражением лица сказал:

– Так, этому столику больше не наливать!

– Чего... это... я не пьяный! А Миха – он вообще французский знает в совершенстве, поняли? Так-то! А латынь мы эту... да нам она... да эта ваша *lingua latina est*... э-э-э, блин, – тут он покосился на девочек и замялся.

Эдик положил ему руку на шею и доверительно сказал:

– Да всё нормально, Вадя, давай покурим!

– Давай, – грустно согласился тот.

– *Parlez-vous francais?* – поинтересовалась Ольга у Михаила.

– *N'importe comment!* – улыбнулся он.

– Для «кое-как» у тебя слишком хорошее произношение, – пододвинулась к нему поближе Ольга.

– Дедушка Дассен виноват. Я его песни наизусть знаю, – признался Михаил. И процитировал:

Et si tu n'existais pas,

J'essayerais d'inventer l'amour,

Comme un peintre qui voit sous ses doigts

Naître les couleurs du jour.

Et qui n'en revient pas.

– Excellent! – удивилась Ольга.

– У, ёлки! – протянул рыжий Рома, пришедший вместе с Витьком. – Да вы просто эти, как их, вундер... киндер... э-э...

– Сюрпризы! – вставила Катя, – Иностранцы, блин.

– А правда, Оль, очень удобно, – шепнул ей на ухо Миша, – вот мы с тобой разговариваем во всеуслышание, а никто ничего не понимает.

Через пару часов Алёна уже целовалась с пятикурсником Женей, а Оксана выясняла отношения с Вадиком по поводу какой-то его выходки с «этой гадиной Светкой». Ольга, хоть и пила мало, ощущала в голове лёгкий туман.

Всё это время она не выпускала из виду Мишу, иногда заговаривая с ним по-французски по любой мелочи. Михаил тоже старался не напиваться и поддерживал далеко не всякий тост. Вскоре ему надоело сидеть просто так, и он взял в руки гитару.

– О, Миха, сы... сыграй чё-нить из своего! – обрадовался возможности прервать неприятный разговор Вадик.

– Да ладно, ты что, – стал было отнекиваться тот, но вскоре под дружными уговорами был вынужден согласиться.

Пощёлкав суставами пальцев, он прокашлялся, на мгновение задумался, потом начал неторопливым перебором играть приятную, несколько грустную мелодию. Затем негромко запел:

*Солнце застыло, и начался дождь,
Родившись из снежных искристых дюн.
Я, размечтавшись, гитару достал
И с нежностью, мягко коснулся струн.
И песня возникла из тишины
Осеннего моря у серебряных гор
О том, что за облаком нет холодов,
Лишь тёплого солнца весенний простор...*

*Уплыть бы туда, где нет места зиме,
Но море дороги грозит глубиной...
Я понял, что в жизни этой мне не дано
Напиться вечной весной.*

Ольга, не видя и не слыша больше ничего вокруг, зачарованно смотрела на Мишу, который сейчас поднимался в её глазах на какую-то почти недостижимую высоту. А тот, завершив проигрыш, продолжил:

Вот закончился дождь.

*Смолкла гитара, я песню допел.
Ветер все тучи унёс.
Я мог бы сбежать с ним, но не успел.
Ветер ушёл в заоблачный край,
Где никогда не бывает слёз.
Взгляд на прощанье – и снова в путь,
Оставив в подарок три тысячи грёз...*

*И вновь, отражаясь в полночной заре,
Кровью сверкнула луна...
Тени ночные забрали меня
Туда, где всегда весна...
Туда, где всегда весна...*

Когда затих последний звук, всеобщее молчание продолжалось несколько секунд.

– Ух, ты! – выдохнула Вика.

– Мужик, да ты крут! – это был Витёк.

– Я же говорил, что Миха – талант! – похвалился Вадик, наливая себе ещё водки.

А Ольга молчала, приложив ладонь к своим губам. Ей показалось, что она влюбляется в этого мальчика.

– Молли, ты что, втюрилась? – спросила шёпотом наклонившаяся Оксана, обнимая её за шею.

– Отстань, Ксан!

В тот холодный мартовский вечер Миша проводил её до семейного общежития, где она гостила у троюродной сестры. Ольга всё ждала, что он станет напрашиваться в гости со всеми вытекающими, но тот просто одарил её на прощанье комплиментом:

– Tu es une fille exceptionnelle. Au revoir!

– Слушай, мы тут с тобой замерзли как бобики, на этом морозе, может, зайдёшь, погреешься? – Ольга сама удивилась своей наглости. Как раз сегодня сестра была на сутках. Квартира пустовала.

– Да нет, спасибо, я к себе в общагу пойду, а то она скоро уже закроется, – засмутился Миша.

Ольга мысленно выругалась. Да что же это? Какой непонятливый! Досада охватила всё её существо. Немного храбрости, и она бы затащила его к себе насильно! Стараясь ничем не выдать разочарования, Ольга сказала:

– Ну, смотри сам. Я в городе до четверга, живу у сестры в триста семнадцатой, в гости заходи. А tout à l'heure! – она помахала перчаткой и вошла в подъезд.

До четверга Миша так и не зашёл. Ольга старалась никуда не выходить из дома, всё надеясь на встречу. Конечно, она могла заглянуть в медуниверситет, но гордость не позволяла.

Следующая их встреча произошла уже летом, когда она приехала к сестре на каникулы, урезонив родителей тем, что вовсе не собирается просидеть дома всю жизнь. Миша, как сообщила Яна, уже заходил и спрашивал о ней.

– Я сказала ему, что ты должна приехать после экзаменов, – доложила сестра, собираясь на работу. – Вот тебе ключи, продукты в холодильнике, готовь сама, я побежала.

Миша пришёл тем же вечером. Они пили чай, болтали обо всём – от французской грамматики до музыкальных пристрастий. Оля призналась, что ей нравится любая музыка. Миша удивлялся, как это возможно, так как сам терпеть не мог блатных песен и попсы.

Теперь они стали встречаться почти каждый вечер. Оля всё ждала, что Миша перейдет хоть к каким-то действиям, но тот, похоже, видел в ней только приятного собеседника и друга. Однажды Миша даже заночевал у неё в субботу, поскольку не попал в свою комнату в общежитии, где спал мертвецким сном упившийся на чьей-то свадьбе Вадик.

В ту ночь Оля практически не сомкнула глаз, лёжа рядом с Мишей на одной кровати, но тот, хоть и сам почти не спал, всё же, не проявлял никаких попыток прикоснуться к ней. Наутро в дверь постучалась тётя Аня – Янина мама, прознавшая о приезде племянницы. Оле пришлось пустить её внутрь. Тётя вовсе не ожидала увидеть в Олиной постели парня. Миша приоткрыл один глаз, увидел остолбеневшую женщину, вежливо поздоровался, после чего повернулся на другой бок и безмятежно уснул. Тётя Аня забыла, зачем приходила, заторопилась куда-то и ушла. Оля развеселилась и заварила свежего чаю, чтобы за столом обдумать сложившуюся ситуацию.

Миша не поехал домой к родителям и устроился работать санитаром в психоневрологический диспансер. Днём он дежурил, а вечерами приходил к ней. Тогда они обязательно куда-нибудь шли гулять. Однажды Миша заявил, что больше не хочет жить в студенческой общаге, так как у него теперь есть работа и зарплата. Решив снимать «гостинку» в семейном общежитии, он читал все объявления, развешанные на остановках и световых опорах.

Как-то раз они уже вечером поехали по объявлению и встретили в автобусе бывшего Мишиного одноклассника. Оба парня несказанно обрадовались встрече. Решили взять пива и отправиться на речку. Попутно зашли к Оле домой, где она надела купальник, который предусмотрительно привезла с собой. Купаться при свете костра было несколько странно, но интересно, да и вода была тёплая, прогретая за весь день. Оля плавать не умела, в отличие от ребят, которые, нанырвавшись с берега, теперь плескались и фыркали, как два бегемота. Пиво выпили, все найденные на берегу палки и ветки сожгли в костре и отправились домой. Одноклассник – к каким-то

родственникам, у которых остановился в городе, а Миша – к ней. По пути Миша взял две банки датского пива и «Рафаэлло» для Оли.

Они сидели перед включённым телевизором, Миша приобнял её за плечо и что-то рассказывал. Выпитое пиво действовало на Олю усыпляюще. Под размеренный Мишин голос она так и уснула. Проснулась от осторожного прикосновения его губ к своим.

Ответила жарким поцелуем.

Потом были волнующие встречи, новые впечатления и переживания. Время бежало быстро. Начался учебный год. Оля вернулась домой, где её ожидал четвёртый курс.

Теперь она каждую пятницу садилась на последнюю электричку и мчалась к Мише на крыльях любви, чтобы, проведя с ним выходные, воскресным вечером уехать обратно. Правда, Оле всё чаще начинало казаться, что Миша не вполне разделяет её энтузиазм. Однако она старалась всеми силами удержать Мишу рядом с собой. Никогда не спорила, стараясь во всем угодить. Часто просила его что-нибудь спеть под гитару, интересовалась всем, что происходило в его жизни, выучила наизусть имена, отчества и фамилии всех его родственников и друзей, знала, когда у кого день рождения. Не обижалась, когда он в субботу вечером уходил с Вадиком в пивнушку на два-три часа, чтобы залиться несколькими кружками «Жигулёвского».

Однажды Миша вслух удивился абсолютной покладистости подруги.

– Мишенька, ласточка, ну я же люблю тебя, – ответила Оля, прижавшись к его плечу. Миша промолчал, опустив глаза.

Эта зима стала для Оли настоящим испытанием. Она приехала к Мише на каникулы. Тот, казалось, тяготился её приездом. Они мало разговаривали, всё больше смотрели телевизор. На работу Миша старался уйти пораньше, а вернуться попозже. Оля ничем не выказывала переживаний, а только тихо

плакала в подушку, когда он не видел. Уехала на три дня раньше, сказав, что у неё начинается практика. Миша поверил.

Оксане Оля дала задание разузнать что-нибудь о Мише через Вадика. Через недельку та позвонила с главпочтамта.

– Ну, что, Ксан? – нетерпеливо спросила Оля.

– Молли, ты только не расстраивайся, короче, у него девушка есть. Они встречаются уже пару месяцев. Она в «культуре» учится на режиссуре театра. Первый курс. Ириной зовут. Вадик говорит, что они познакомились на студвесне. Молли, ты что, плачешь? Молли!

Оля положила трубку, задыхаясь от рыданий. Ну, вот и всё, закончилось её счастье. Что же теперь делать?

Этот семестр Оля доучилась на автомате. Лето тянулось мучительно долго. Родители тщетно пытались её хоть как-то расшевелить. Младший брат Игорь, обычно замкнутый, попробовал расспросить её о том, что с ней случилось.

– Игорёк, – взяла Оля брата за руки, – пообещай, что никогда не поступишь подло со своей Наташей. Знаешь, как это больно?

Брат смутился, пробурчал что-то невразумительное и исчез.

Боль не проходила. Оля больше не завязывала ни с кем отношений. Все парни рядом с Мишей смотрелись тускло. Так прошел ещё один год. Оля собралась с силами и блестяще сдала госы, получив красный диплом. Отметить окончание университета весь их небольшой факультет собрался на берегу реки. Было море водки, итальянского игристого вина, коробочного портвейна и баночного пива. Скинувшись, собрали шикарный стол. Всю ночь счастливые и пьяные студенты, хотя, нет, уже дипломированные специалисты – лингвисты, переводчики и филологи веселились, пуская китайские петарды, горланя зарубежные хиты и просто дурачась. Веселилась

и Оля, твёрдо решив больше не переживать из-за Миши. У неё словно комок ушёл из груди. Только один раз, когда запели песню Джо Дассена о любви, Оля не стала подпевать и, отвернувшись к холодной ещё речке, смотрела, как плещется у берега небольшая волна. Костёр трещал, брызгаясь искрами.

А на следующий день к обеду у неё поднялась высокая температура. Мама встревожилась, проверила Олино горло и вызвала врача. Молодой доктор осмотрел её, заметил в вырезе халата шрам на груди и спросил:

– Так, а это ещё что – операция была?

– Да, мне на сердце операцию делали в девяносто первом. Мне пятнадцать было.

– И что же мы делаем? Тебе не сказали, что беречься надо? Тебе, милая моя, простужаться никак нельзя... М-да... Ну, что, красивая, поехали кататься?

– В смысле?

– В смысле, в стационар. Ангина у тебя. А с сердечком твоим, да ещё плюс ангина... Давай-ка, собирайся.

Оля забеспокоилась.

– Нет, я не хочу. А можно дома полечиться? Антибиотики, там, уколы...

– Милая, дело, конечно, твоё, но я бы тебе рекомендовал полежать. Ну, что решила?

– Остаюсь.

Доктор покачал головой, сделал ей какой-то укол и ушёл, оставив на столе использованный шприц и ампулу.

Ночью Оле стало резко хуже. Её сильно знобило. Было трудно дышать.

Перепуганная насмерть мама снова вызвала скорую. На этот раз доктор приехал пожилой, с пышными пшеничными усами. Выслушав жалобы, он осмотрел Олю, отчего моментально пришёл в ярость.

– Вы что, с ума, что ли, все здесь посходили? Быстро в стационар! И без возражений! А ну как помрёт девка? Бегом, так вас раз-этак! Вещи потом соберёте и привезёте!

В санпропускнике доктор снова долго бранился, сам поставил Оле ещё один внутривенный укол, дожидаясь дежурного врача. Олю, наконец, оформили, подняли на второй этаж и поставили капельницу. Озноб на какое-то время спал. Под утро температура опять полезла вверх. На общем обходе было решено перевести её в отделение интенсивной терапии. Вызвали кардиолога. Приходила мама, принесла вещи, сок и фрукты. Долго разговаривала с заведующей отделением – полной тётенькой в годах. На Олю постепенно стала наваливаться слабость. Сердце стучало, как будто после стометровки. Глотать – совсем невыносимо. Оля не смогла осилить даже сок. Её лихорадило. То и дело смаривал сон. Пробуждаться было тяжело. Всё в каком-то тумане, который мешал ясно различать предметы. Проснувшись в очередной раз, Оля обнаружила, что почти не может двигаться от слабости. В нос была вставлена тоненькая трубка. Локтевые сгибы ломило от боли. Левая рука оказалась заклеена пластырем, к правой подключена капельница. Рядом кто-то сидел. Приглядевшись, Оля узнала маму. Какое заплаканное у неё лицо...

– Доченька! Милая! Как ты себя чувствуешь? – встрепенулась она.

– Я не хочу умирать, мама, – кое-как промолвила Оля, отчего мать в отчаянии прикусила пальцы. – Я хочу жить.

– Оленька! Лапочка! – зарыдала мама. – Ну что же ты такое говоришь?

Она ещё что-то говорила, но Оля её уже не слышала, проваливаясь в очередное забытие. Миша! Был бы здесь Миша...

Четвёртый курс начался для Михаила как-то внезапно. Вдруг закончились каникулы, которых он так и не заметил. По окончании третьего курса его перевели на должность медбрата, и всё лето он вкушал прелести постовых дежурств. С началом учебного года попросился у заведующего на ночные смены. Тот был не против.

Начался цикл лор-болезней, и добродушный пожилой доцент рассказывал им, тыча указкой в древний выцветший плакат, о том, что ринофарингит на фоне евстахиита может привести к среднему отиту. Говорил он увлекательно и со знанием дела, отчего плакату прощалось всё. После теоретического занятия Михаил Емельянович разбил группу по трое и назвал каждой тройке по одной фамилии из тех, кто лежал в отделении. Студенты должны были найти этих больных, уговорить пройти в учебную комнату, а затем поставить диагноз.

– О-ой, кошмар! – Михаил потянулся. Ему хотелось спать, да ещё солнце как нарочно пригревало через зарешёченное окно.

– Пошли, соня, – сказала Лида, – больного вылавливать надо. Так, фамилия у него... Пучкин.

– М-м-м. Девчонки, сходите сами, а? А я вам за это ничего плохого не сделаю.

– Ужас, обленился совсем, бедных девушек бегать заставляет! – возмутилась Таня. – Пошли, девчонки, пусть этот эксплуататор дрыхнет.

Вернулись они быстро.

– Ну, и где больной? – поинтересовался Михаил.

– Что к чему? Мы в палате спросили, а там парень один говорит, типа, нет такого, – озадаченно протянула Настя.

– Ой, ладно, сидите здесь, папа пойдёт, разберётся.

– Иди, иди, папочка.

– Палата-то какая, дочери мои?

– Третья.

Михаил зашёл в палату, сунув руки в карманы халата, где находились сигареты и американская бензиновая зажигалка Zippo. Олин подарок на день рождения. Эх, надо бы перекур сделать! В палате лежали двое: пацан лет пятнадцати и усатый мужик лет сорока. Пацан читал какую-то книжку. Судя по нарисованному на обложке звездолёту – фантастическую. Мужчина читал газету. Хотя нет – разгадывал кроссворд.

– Ребята, скажите, Пучкин есть такой?

Усач опустил газету и молча посмотрел на Михаила. Подросток же, не отрываясь от книги, помотал головой:

– Не, такого здесь нет.

Мужик сдержанно улыбнулся в густые усы.

Так, что-то здесь не то...

– А как Ваша фамилия, мужчина?

Тот откашлялся:

– Щеколдин.

– Спасибо. А твоя, парень?

– Моя – Пучнин.

Михаилу захотелось сказать нехорошее слово, но вместо этого он, вздохнув, произнёс:

– Жалко, конечно, я хотел с Пучкиным побеседовать, но я смотрю, ты, парень, тоже ничего. Куришь?

– Не-а.

– Молодец! Пойдём, поговорим о жизни.

– А чего не здесь? Давай в палате поговорим. А то у меня книжка интересная.

– И то дело. Тебя как зовут?

– Дэн. А тебя?

– А меня Мигель. Дениска, чего тут киснуть, пошли, я тебя с прикольными девчонками познакомлю. Ты им понравишься.

– Ну, раз такое дело – тогда пошли.

Они пришли в учебный класс. Представив одноклассникам вредного мальчишку, Михаил надел, было, лобный рефлектор, чтобы приступить к осмотру, но тут в приоткрывшуюся дверь влезла растрёпанная голова Вадика.

– Миха, дело есть. Пошли, покурим.

– Ты вообще откуда такой резкий?

– Сверху. У нас урология. Давай жёстче.

На прохладной лестничной площадке напротив учебной комнаты – негласная курилка. Окно было открыто, и Михаил с Вадимом облокотились на подоконник.

– Ну, чего ты там про то дело, которое вроде как есть?

– Слушай, мне Оксанка вчера рассказала... ну, такое дело...

– Сергеич, да ты говори, а не мямли.

– Ну, блин, короче, Оля умерла.

– Какая Оля? – не понял Михаил.

– Ну, твоя Оля, Оксанкина подружка. Ну, Молли.

– Оля? Что значит – умерла? Ты что?.. Как?

– Ну, Оксанка говорит, типа, Оля госы сдала, пошла со своими на речку отмечать, простудилась, попала в реанимацию, а у неё там проблемы какие-то с сердцем...

– Операцию ей делали...

– Ну, да. Ну и вот, короче, там у неё рецидив какой-то начался, гипертермия, а потом вроде как тромб оторвался, и отёк лёгких во сне случился. Ну и всё, блин. Два месяца, как похоронили.

Михаил стоял в полной прострации.

– Это, у тебя вон фильтр тлеет... Миха...

Михаил продолжал смотреть в окно, судорожно сжимая правой рукой зажигалку. Вадик осторожно вытащил тлеющий фильтр из левой руки друга и выбросил в ржавое ведро, стоявшее в углу. После чего счёл за благо потихоньку удалиться.

Михаил стоял, ничего не слыша, видя перед собой только старый тополь с желтеющими листьями, слегка покачивающимися на слабом ветру.

– Михаил Алексеевич! Всё готово.

– А? Да... спасибо, Людмила Евгеньевна.

Михаил выбросил тлеющий фильтр в окно, закрыл его, положил в ящик своего стола Олину зажигалку, окинул взглядом пустую ординаторскую, после чего подошел к иконе Спасителя, стоявшей на рабочем столе.

– Господи, помоги! – прошептал он и перекрестился.

После чего, пощёлкав костяшками пальцев, отправился в операционную.

Двухчасовая трепанация сосцевидной части височной кости у подростка с гнойным мастоидитом прошла успешно – ни сигмовидный синус, ни полукружные каналы, ни даже лицевой нерв не были повреждены.

Рабочий день закончился, и Михаил, переодевшись в джинсы и лёгкую гавайскую рубашку навывпуск, вышел из корпуса и завёл свой красный Пежо 206, над которым посмеивалось всё отделение, говоря, что женский автомобиль ему не идёт. Михаил отшучивался, а сам ни за что не променял бы юркую машинку ни на что другое. Опустив стекло, закурил свои любимые Gitanes и включил музыку. Из динамиков заиграла песня:

*Когда-нибудь настанут холода,
И ты опять уедешь, и тогда
Тебе вослед рукой – и камнем вниз.
И сны сбылись, и косы расплелись...*

Выехав с территории больницы, Михаил добавил газу и через четверть часа уже миновал пост ДПС на выезде из города. Старенькая машина сильно не разгонялась, но Михаилу было более чем достаточно опасных ста шестидесяти километров в час. Час поездки пролетел незаметно. Помогли любимая музыка и мысли, копошащиеся в голове, словно муравьи. Сегодня ровно пятнадцать лет со дня смерти Оли. Михаил приехал в её родной город – туда, где она родилась, училась, где похоронена. Ещё не было поздно, и он заехал в цветочный магазин. Купил пышный букет пунцовых роз. Смущённо улыбнулся заинтригованной милой продавщице. Ещё десять минут. Вот и старое кладбище. Оля погребена недалеко от центральных ворот. Оставив машину перед сторожкой, Михаил забрал с переднего сиденья розы и захлопнул дверцу. Могила украшена свежими цветами – приходили близкие. Внутри оградки – скамеечка, но Михаил присел на корточки рядом и положил руку на прогретую летним солнцем землю могилы.

– Здравствуй, милая, – начал он, немного помолчав. Посмотрел на керамическую фотографию, что была прикреплена к мраморному кресту.

– Вот, я опять приехал к тебе. Извини, что вечером, просто не хотелось встречаться с твоими родителями и братом. Стыдно мне, понимаешь?

Михаил помолчал, положил цветы под крестом, достал сигарету, закурил, чиркнув Олиной зажигалкой.

– Ты никогда не упрекала меня за курение. Впрочем, ты вообще никогда меня ни в чем не упрекала. Ты любила меня. А я думал, что не люблю тебя. А сейчас понимаю, что был дураком, ведь кроме тебя я никого так и не полюбил. Ты прости меня, Оленька... Если бы я мог тогда быть с тобой рядом!

Михаил посидел ещё какое-то время. Встал, размял затекшие ноги, выбросил окурок за пределы ограды.

– Ну, я пошёл, любимая.

Путь назад был длиннее, акустика молчала, стекло было поднято.

Завтра Михаилу предстояли ещё две операции, поэтому он внимательно просмотрел потрёпанный учебник оперативной хирургии, анатомический атлас, вышел в Интернет и прочитал ещё пару медицинских статей по оториноларингологии. Мобильник заиграл мелодию из «Крёстного отца». Оказалось, что это звукорежиссёр из филармонии волнуется по поводу предстоящего концерта. Фролов уже в течение пяти лет считался одним из самых востребованных бардов по всей Сибири, ему предлагали ехать покорять Москву, но он отказался, сославшись на врачебную практику. Успокоил нервного дядьку, заверив, что его связки уже пришли в норму, отключил телефон и налил себе из бара рюмку выдержанного кальвадоса. Включил плеер, надел наушники, вышел на застеклённую лоджию, распахнул окно. В квартире Михаил никогда не курил. В подъезде тоже. Для этих целей он использовал лоджию. Как летом, так и зимой.

Затянулся сигаретой, звонко щёлкнул крышкой Zippo, пригубил ароматный напиток. Включил песню наугад. Юрий Шевчук, «Метель». В самих словах песни вроде бы ничего особенно грустного не было, но Михаила всегда пробивало на слезу. Вот и сейчас он плакал, вспоминая каждый момент их с Олей знакомства. Он оплакивал её каждый день с того самого момента, когда Вадик сообщил ему о смерти. Он понял, что любит Олю. Не любил, а именно любит. С Ириной он расстался в тот же день. Восемь лет назад Михаил крестился в кафедральном соборе. В постах он, бывало, путался, не все праздники помнил, утренние молитвы частенько пропускал, причащался редко – перед Рождеством, на Пасху и на свои именины. Ещё ему так и не удалось бросить курить. Поэтому он считал себя никудышным христианином. Однако заупокойные молитвы по Оле он неукоснительно прочитывал каждый день.

Ночной ветер донёс весёлый смех со скамейки во дворе. Молодые пацаны заигрывали с девчонками. Выбросив докуренную сигарету, Михаил тотчас достал новую. Пустую рюмку поставил на подоконник. Прислонился к оконной раме. В плеере была настроена функция случайного выбора композиций. Следующая песня – авторства Джо Дассена:

Et si tu n'existais pas,

Dis-moi pourquoi j'existerais.

Pour traîner dans un monde sans toi,

Sans espoir et sans regrets.

Михаил выдернул наушники и швырнул их в плетёное кресло-качалку, стоявшее в углу лоджии. Как же так произошло, что на Олину любовь он так и не успел ответить? Оценил, когда потерял. Вадик тогда рассказывал, что она так и не дружила больше ни с кем. Как же она, должно быть, страдала, когда он её бросил! Михаил с силой опустил кулак на деревянное ограждение. Если бы всё вернуть! Но это невозможно...

Его мысли всякий раз устремлялись к злосчастному Олиному выпускному. Не оставь он её, Оля и не пошла бы на берег реки. Они вдвоем отметили бы красный диплом. Она бы жила.

Окурок полетел вниз. Михаил взъерошил волосы.

– Прости меня, Оленька, прости, родная! – прошептал он сквозь слёзы. – Если бы я мог попросить у тебя прощения за всё, что причинил тебе! Господи, если бы я мог хоть проститься с Олей, просто быть с ней, когда она умирала, когда я был ей нужен! Мне больше ничего не надо! Пожалуйста, Господи...

Чувство бессилия переполняло сердце. Испустив стон, Михаил, что было силы, саданул кулаком в раму лоджии. Стекло лопнуло, осколки звонко осыпались на кафельный пол. Рама была сломана. Щепки торчали, словно обломки кости при открытом переломе.

– Э, кто там хулиганит? – донесся пьяный девичий голос откуда-то снизу.

Михаил ничего не ответил, зашёл в квартиру, выключил свет и, осенив себя крестом, плюхнулся спать, не раздеваясь. Какое-то время он беспокойно ворочался в постели в полудремоте, но вскоре погрузился в тягучее подобие сна.

Он шёл по слабо освещённому больничному коридору. На место его работы это ничуть не походило. Вот он достиг широкого лестничного пролета. Свет уличных фонарей проникал сквозь замызганные окна. Эту больницу Михаил видел впервые. Подобные странные сны обычно ему не снились. Нет, реалистичных сновидений у него было навалом, но всё же... Чаще всего он заново переживал во сне случившуюся в одиннадцатом классе драку с тремя наркоманами, стоившую ему ножевого ранения в брюшную полость. Но сейчас всё было как-то слишком скучно. Повинуясь интуиции, Михаил поднялся на второй этаж, положив руку на шершавые перила. Налево и направо вели две закрытые двери. Отделение интенсивной терапии.

Левая дверь не заперта. Взору предстали белые покрашенные стены, местами облупленные.

«Убожество какое!» – подумалось Михаилу. Давно уже все больницы как следует отремонтированы согласно губернаторской программе. Странно. Широко зевая, из ординаторской вышел молодой горбоносый доктор, одетый в белый хирургический костюм старого образца. Михаил не знал, что сказать коллеге, но тот проследовал в туалет, даже не заметив его. Ну, что же, сон есть сон.

Почему-то Михаил чувствовал, что ему нужно дальше – во второй бокс. Там приглушённо горел свет. На посту спала медсестра, положив голову на раскрытую книжку. Кажется, медицинский учебник. В боксе стояло шесть кроватей, но заняты только две. На ближайшей лежала грузная женщина, прикрытая до пояса простыней: руки бинтами привязаны к поручням, глаза чуть приоткрыты. Над ней шумно трудился аппарат искусственной вентиляции лёгких. Женщина была без сознания. А вот на дальней кровати...

По спине пробежал резкий холодок, почему-то зачесался нос, дыхание перехватило.

На дальней кровати лежала... Оля?

Её короткие каштановые волосы разметались по подушке в полном беспорядке, глаза закрыты, на лбу испарина. Грудь часто вздымалась, из подключичной артерии торчал закрытый катетер. Локтевые сгибы залеплены пластырями. Михаил медленно приблизился.

Сомнений нет. Перед ним его Оленька. Взяв свободный стул с поста дрожащими руками, он сел, не отрывая взгляда от своей любимой. На её впалых щеках играл нездоровый румянец. Исхудавшие пальцы сжимали простынь. Михаил осторожно взял своими руками её правую кисть. Судорожно сжав пальцы, Оля пошевелилась. Из потрескавшихся губ вырвалось нечто, похожее на шёпот. Вот она открыла глаза, медленно

перевела взгляд на Михаила. Какое-то время она просто смотрела на него. Вдруг зрачки её расширились, губы задрожали, изо рта сначала донёсся неясный звук. Затем она собралась с силами и вымолвила, улыбаясь:

– Мишенька, ласточка, ты пришёл ко мне.

Михаил не мог сказать ни слова, задыхаясь. Он припал губами к её рукам, целуя их и обильно поливая слезами.

– Оленька, милая, прости меня, пожалуйста, я был такой свиньёй, я тебя бросил, я... я... я люблю тебя! Люблю больше всего на свете! Оленька!

Девушка задрожала, её глаза наполнились слезами.

– Мишенька, родной, ну что ты говоришь? Ну, ты же пришёл ко мне! Спасибо, любимый! Я так тебя ждала! Вот ты и пришёл. Ты ведь не мог не прийти ко мне, правда?

– Не мог!

– Ты правда любишь меня, Мишенька? – Олины глаза были полны отчаянной надежды.

– Оленька, родная моя, я очень-очень люблю тебя! Прости меня, что никогда тебе об этом не говорил!

Оля улыбнулась.

– Ты больше не уйдёшь от меня? Я тебе нужна?

Михаил приложил её руки к своему лицу.

– J'aurais besoin de toi!

– А что у тебя с рукой, ты поранился? – тревожно промолвила она.

– Оленька, ерунда. Заживёт.

– А я опять спать хочу – не могу. Ты только не уходи, ладно?

Её веки смежались, руки покрывались липким потом, дыхание становилось тяжелее. Глубоко в груди словно что-то заклокотало.

– Я здесь, Оля.

Лицо девушки стало быстро приобретать синюшный оттенок. Она начала задыхаться, на губах появилась пена.

– Сестра! – хрипло крикнул Михаил, не отпуская холодеющих рук любимой.

Ноль реакции.

– Сестра! – закричал Михаил, что было сил, но та его не слышала.

– Доктор! Отёк легких!

Никто не пришёл на помощь. Его никто не слышал. Его никто не видел, кроме Оли. Михаил понял, что изменить ход событий он не в силах. Уронив голову на грудь своей возлюбленной, он, закрыв глаза, прислушивался к слабеющим ударам её сердца, пока они не смолкли совсем.

– Артур Иванович! – разнёсся громкий голос проснувшейся медсестры по этажу. – Скорей, у нас девочка помирает! Которая сердечница!

– Глюкозу! Полный давай! В подключичку – куда!

– Адреналин! Что значит – нету?

– Ольга, не смей умирать! Держись, девочка!

– Раз! Два! Три! Четыре! Эх, рёбра бы не переломать!

– Ну, дыши! Дыши!

Михаил проснулся весь в поту и резко сел на кровати. Сердце бешено колотилось.

Что это такое было? Если это сон, то от таких снов инфаркт недолго схватить. Вся подушка мокрая насквозь. Рубашка прилипла к телу. Неужели он был у Оли? Нет, это невозможно!

Глубоко вздохнув, Михаил посмотрел в окно. Там начинал подёргиваться алой дымкой небосвод над спящим ещё городом. В душу постепенно приходило неведомое доселе спокойствие. В левом кулаке что-то колелось. Разжав руку, он обнаружил пустую ампулу из-под глюкозы. Подойдя к окну, Михаил упал на колени и, глядя в небо, прошептал:

– Спасибо!

Качели

Тишина воцарилась во дворе только под утро, часам к четырём. Никто не стучал каблуками по изъеденному дождём асфальту. Стихли весёлые разговоры под навесом, скамейка опустела. Лишь несколько пустых пивных бутылок стояли рядом, дожидаясь утренней уборки. Такси уже развезли всех своих пассажиров по домам. Двигатели брошенных под окнами автомобилей давно остыли и сейчас покрывались лёгким налётом влаги. Только в одном доме – хрущёвской пятиэтажке – продолжали гореть два окна. В зале и на кухне. Каждый час на балкон выходил покурить парень лет двадцати. Он поселился недавно, и я его ещё не знал. Но вот и он завершил свои дела – выключил свет, оставил балконную дверь открытой. Ещё раз вышел на балкон, чтобы вытряхнуть пепельницу, видимо, курил и в квартире. Нервничал. Как, впрочем, и я. Может быть, хоть этой ночью мне удастся осуществить свой замысел...

Небо, с которого ранний ветерок уже сдувал последние обрывки облаков, начинало светлеть. Тьма стыдливо покидала двор, прячась в подъезды. Я, пожалуй, упомянул бы что-нибудь о шелесте листьев старых тополей, чьи верхушки доставали до четвёртого этажа, но во дворе не было ни одного

дерева. И вовсе не дворники спилили их, освобождая место для автомобильной стоянки или баскетбольной площадки. Деревья во дворе не росли никогда.

Зато высились огромные металлические качели в виде гротескного человека, раскинувшего ручищи в стороны. Голова с большими ушами, глаза, глядящие куда-то вдаль. Лицо ничего не выражало. Почти никогда.

Я с детства боялся этих качелей. Не подходил к ним в одиночку даже днём. Родители думали, что это последствия психологической травмы, которую я перенёс, когда стал свидетелем смерти. Лет пятнадцать назад эти качели убили девочку из дома напротив. Ей едва исполнилось шесть лет. Она, дождавшись своей очереди, качалась, придерживая левой рукой лохматую игрушечную собачку. Казалось, что девочка что-то поучительно рассказывает собачке, то и дело, поворачивая её мордочку то туда, то сюда. Сделав неловкое движение, она выронила собачку, но попыталась поймать её в воздухе обеими руками. Соскользнула с качелей, когда они выполняли ход назад, схватила собачку и стала выпрямляться, не успев даже испугаться своему падению. Тяжёлые качели подались вперёд и нанесли девочке сильнейший удар в затылок, отбросив её в песочницу. Скорая помощь приехала очень быстро, но спасти девочку не удалось.

Песочницу хотели перенести подальше от качелей, разобрали, да так и не собрали. На качели приварили цепочку – для безопасности. Дети скоро отошли от испуга и уже спустя неделю вновь качались на них. Кроме, разумеется, меня.

Потому что только я заметил одну странность. В тот момент, перед ударом, нарисованные глаза сфокусировались на девочке, потемнев на секунду. Мне померещилось что-то вроде кривой ухмылки, хотя рта-то как раз и не было. Мне даже показалось, что качели усилили свой ход, приближаясь к затылку девочки, её, вроде бы, звали Варей.

Я впоследствии часто наблюдал за этими качелями, но больше ничего не заметил. Делиться своими подозрениями с кем бы то ни было, не стал – боялся насмешек. Вдруг сочтут ненормальным и отправят в дурдом? Даже повзрослев, я продолжал избегать этих качелей, хотя к тому времени и отбросил свои страхи. Так было до прошлого лета...

Я возвращался домой со свадьбы Федьки Кирьянова, своего одноклассника. Он после окончания лесотехнического техникума женился на Танюшке Кабановой, с которой дружил ещё с шестого класса. Я был изрядно навеселе и возвращался домой уже после трёх ночи, пересекая двор напрямик, по газонам, мимо этих качелей. Тишину двора нарушал один только я, кашляя с непривычки от крепких сигарет с танцовщицей на голубой пачке, которые мне отдал Миха Фролов – Федькин шафер.

И вот тогда я почувствовал на себе чей-то внимательный взгляд. Это, конечно, не Бог весть что, особенно, спьяну, но остановился я как вкопанный. Кроме меня во дворе не было ни души. А взгляд, казалось, буравил мою спину насквозь. Я попытался взять себя в руки и рассуждать логически, насколько это было возможно после выпитой почти в одиночку бутылки дагестанского коньяка.

Я не верил в НЛЮ, привидения, вампиров и прочую ересь. Я всегда гордился своим рациональным умом. Но то, что лезло мне в голову, обязательно обратило бы меня в паническое бегство. Если бы не коньяк. Итак, я обернулся и подозрительно уставился на покачивающиеся от ветра качели. Хотя, стойте, какого ещё ветра? Ветра никакого не было, а чтобы раскачать тяжеленные качели, потребовался бы небольшой ураган. Но качели покачивались, словно кто-то только что второпях их покинул.

Обычно я никогда не матерюсь. Даже на фабрике. Но тут с перепугу завернул так, что мне позавидовала бы сама ламповщица баба Лена. Страх вперемешку со злостью – вот что овладело мной. Глаза на металлическом лице смотрели не вдаль, как обычно, а прямо на меня. И если бы в этот

момент передо мной появилась банда грабителей, я бросился бы к кому-нибудь из них на грудь от счастья. Но на меня невидящими от черноты глазами смотрела нелепая железная качельная башка. К подъезду я пятился, не отрывая взгляд от страшной крашеной фигуры. Домой заходить не стал и сидел сейчас на ступеньке, докуривая совсем уже не крепкую французскую сигарету. Привычные представления о мире разрушились.

Всё моё естество начисто отвергало случившееся. Этого быть не могло. Может быть, всё-таки, почудилось? Закусывал я мало, вот в голову и ударило. Однако в данный момент я должен рассуждать здраво. Позволить алкоголю взять надо мной верх никак нельзя. Надо выходить из родного подъезда и выяснять существующее положение. Но подумать – не сделать. Здесь вполне недурственно, а снаружи – эти качели. Хотелось взять в руки какое-нибудь оружие. Но с кем сражаться? С железякой, что ли?

Неумело перекрестившись, я выбежал из подъезда навстречу своему страху. Качелей на привычном месте не оказалось. Судорожно протерев руками слезящиеся глаза, я смотрел вперёд, ничего не понимая. Подъезд, которому полагалось находиться за моей спиной, обнаружился почему-то справа, метрах в тридцати, а прямо передо мной расположилась детская песочница. Это было очень скверно. Но хуже всего оказалось то, что в ней лежала маленькая мохеровая собачка.

При таком раскладе жить мне оставалось не больше секунды.

До сих пор не могу понять, кто словно бы вытолкнул меня вперёд и заставил резко развернуться, вскидывая руки в защитном жесте. Подножка качелей ударила наотмашь, легко ломая локтевые кости. Качели отбросили меня, почти выбив дух.

Я лежал на спине, пытаюсь вдохнуть непослушными легкими, и смотрел в дьявольские глаза – ненавидящие меня, ослепшие от черноты.

Выписавшись из травматологии, я неоднократно пытался спилить качели болгаркой. Один раз меня всё-таки оштрафовали. Позавчера я даже подогнал бульдозер, представившись работником ЖКХ, но был остановлен бдительными старушками. Я приобрел славу психопата, надо мной смеются даже дети, а качели теперь охраняют от меня всем двором.

Но это меня совсем не беспокоит.

Зло, чем бы оно ни было, химерой или явью, должно быть остановлено.

И я буду снова и снова пытаться.

А ты кто?

– И запрети ему Иисус, и изыде из него бес; и исцеле отрок от часа того, – протянул священник нараспев, перекрестился, поцеловал Евангелие и закрыл его.

– Слава Тебе, Господи, слава Тебе, – откликнулся небольшой женский хор, скрытый от глаз перегородкой с иконами.

Андрей кое-как выстаивал службу в церкви. По доброй воле он и не пришёл бы в это место, но настояла мама. Она твердо верила в ту ахиною, что вчера наговорила им бабка-знахарка. По её словам, на мальчика наведена большая порча из-за зависти. Вроде как это и являлось причиной участвовавших в последнее время обмороков. Участковый терапевт устало разводила руками всякий раз, когда в её кабинет входил Андрей.

– Ну, не знаю, – вздыхала она, делая очередную запись в карточке, – давай попробуем... вот это...

После чего назначала очередной препарат. Юноша уже начинал чувствовать себя как минимум лабораторной крысой для опытов.

– Мне бы орден ещё... типа, собака Павлова или что-то в этом роде...

– Чего?

– Нет-нет, ничего, не обращайтесь внимания, это я так...

Походив по врачам и не добившись ничего определённого касательно болезни сына, Илона Альбертовна приняла решение обратиться к бабке, которую ей давно уже рекомендовали коллеги по работе. Муж был категорически против, но его мнение никто учитывать не собирался. Как и мнение сына.

Бабка сказала, что не возьмётся снимать порчу прежде, чем мальчик окрестится. Ещё он должен был поставить две свечи за упокой своим завистникам.

– Фитилём вниз, – настаивала она, – свечи нужно перекрутить спиралью, чтоб завистников так же скрутило... да, и слова не забудь сказать...

– Знаю, знаю. Крэкс, фэкс, пэкс.

– Андрей! – одёрнула его мама.

– Молчу, молчу, – вздохнул он, – а ведь это – самое главное!

Теперь Андрей маялся в душевной церкви. Мама решила, что креститься – это, конечно, перебор.

– Пойдёшь, постоишь на службе, свечки эти поставишь, а потом пойдём к бабушке.

Идти к знахарке хотелось не больше, чем покупать свечки и ставить их каким-то там хитрым способом. Однако делать было нечего. Придётся потерпеть. Лишь бы никто из знакомых его здесь не застал...

Когда он, уже после службы, мучился со свечками, ветхая бабуля, сидевшая за книжным прилавком, поинтересовалась, для чего он крутит свечи. Услышав правду, она возмутилась:

– Чего надумал! И не стыдно? Взрослый парень уже, в институт скоро поступать, а веришь в порчу и сглаз! Да и вообще грех какой перед Господом – по бабкам да колдунам ходить!

– А что будет-то? Бог накажет, что ли? – агрессивно спросил Андрей.

– Господь-то милосерд. А вот, ну как бес в тебя войдёт? Где колдовство, там и бес. Так вот!

– Бес? Это чёрт, что ли? Как войдёт – так и выйдет. Да плевать я хотел на него, на ваших богов и на всю вашу шарашку!

– Господь с тобой! Не кощунствуй, побойся Бога! – испугалась бабка.

– Бойтесь сами, а я не из пугливых! – с этими словами Андрей надел шапку и вышел из храма. Постоял немного на крылечке, застегнул пуховик и зашагал к остановке.

Вечером происшествие казалось уже неприличным сном, в котором не хотелось никому признаваться. Церковь, потом бабкины заговоры, литьё воска на воду...

Позвонил друг Виталька и стал взахлёб делиться впечатлениями от только что увиденного ужастика.

– Дюша, я тебе отвечаю, будешь бояться ночью в туалет ходить! Здоровский фильм! А уж в кладовку точно теперь не полезешь! Даже днём!

– Ой, Виталь, да ладно тебе! Нет такого фильма, чтобы я потом боялся чего-то.

– Да я тебе точно говорю, – не унимался друг, – не будешь спать ночи две, как минимум!

– Спал, сплю, и буду спать! – отрезал Андрей. – Ладно, тащи диск, у меня как раз родители в гости ушли с ночевой.

– Ну, ты маньячина! – воскликнул Виталик. – Один ночью будешь смотреть?

– И с выключенным светом.

Кино и вправду было неплохое. Сначала даже заинтриговало. Но в конце, когда неведомый ужас перестал скрываться в чуланах и тёмных углах, оказалось, что это просто мерзкого вида тварь.

– Да это просто какой-то бабай! – возмутился вслух Андрей.

Вскоре бабай получил от главного героя ботинком по голове. Андрей оскорбился и выключил неудавшийся шедевр за пару минут до его конца.

– Тоже мне, – ворчал он, – фильм детям!

Зевнув, парень зажёл свет, положил пульт на телевизор и отправился на кухню – приготовить себе пару бутербродов. Из-за кино он пропустил поздний ужин и теперь собирался наверстать упущенное. Сзади послышался глухой звук падения. Оказалось, что пульт от телевизора свалился на ковёр. Не придав этому значения, Андрей зашёл на кухню. Холодильник был открыт, еда – выложена на стол.

– Что за ерунда? – еле вымолвил подросток, ничего не понимая. Он точно помнил, что ещё полтора часа назад с холодильником было всё в порядке. Опасаясь, что получит от родителей втык за то, что разморозил холодильник, он начал лихорадочно запихивать всё обратно. Тут из гостиной послышался звук работающего телевизора. Вздвогнув от неожиданности, Андрей поспешил туда.

– Так это ты посмел бросить мне вызов? – спросил с широкого экрана какой-то бородатый ковбой, щёлкая барабаном револьвера. Андрей взял с телевизора пульт и нажал кнопку питания.

Постойте-ка, а разве пульт не должен был валяться на ковре? Тут ему стало не по себе. Вероятно, всему виной усталость и стресс. Столько всего

произошло. Да ещё та бабка приставучая в церкви: «Побойся Бога, бойся Бога!» Вот и начнешь тут бояться всего подряд.

На кухне засвистел чайник. Андрей механически двинулся было туда, но вдруг остановился, содрогнувшись. Он не включал чайник. Усилием воли он заставил себя пройти на кухню. Не хватало ещё бояться в собственном доме!

Чайник оказался холодным. Галлюцинации...

Лопнула лампочка, чуть не задев осколками. Да что же это такое?!

Снова включился телевизор. Видимо, контакт какой-нибудь замкнуло. Придётся мастера вызывать...

По шестому каналу шёл какой-то зарубежный фильм.

– Хочешь шарик? – спросил клоун, сидевший под канализационной решёткой. – Он летает. Мы тут все летаем! – прорычал он, обнажая острые зубы.

– Ерунда! – бодро сказал Андрей, нажимая кнопку во второй раз. Ничего не произошло. Тогда он выдернул шнур из розетки.

И вот тут ему стало страшно. Потому что телевизор не выключился. Клоун перестал затаскивать в канализацию визжащего мальчишку и заинтересованно посмотрел прямо в кадр. Затем приложил когтистую руку к экрану изнутри. Постучал. Раздался приглушённый стеклянный звук. Ухмыльнувшись, клоун стал что-то искать вокруг. Андрей смотрел на это в оцепенении. Мальчишка, освободившись от злого клоуна, не убежал, а стоял, спокойно глядя в комнату. Тут клоун нашёл кусок трубы и поспешил обратно. Оцепенение прошло. Схватив мамину пепельницу из чешского стекла, Андрей запустил её в телевизор. Экран разбился и погас.

Какое-то время он стоял, прислонившись к стене, тяжело дыша. Нет, этого не могло быть! Герои кинолент не оживают и не пытаются проникнуть в дом! Телевизор не может работать, если не включен в сеть. Это всё его

собственное воображение. Последствия его болезни. Или та знахарка внушила ему все эти видения гипнозом. А иначе пришлось бы поверить во всяких там барабашек. Так недолго поверить и в чертей. А там глядишь – и Бога начнёшь верить да яйца красить на Пасху.

Нет, всему должно быть рациональное объяснение. Чудовищ нет. Нет бесов. Нет и Бога. Есть люди, есть животный мир, есть законы природы.

Придут родители – спросят за угробленный телевизор. Наказание будет реально. А всё это – иллюзия.

Краем глаза Андрей заметил какое-то движение слева. Резко развернувшись, он обнаружил, что за окном кто-то стоит. Фигура наклонила голову набок, разглядывая его.

– Бред! – выкрикнул Андрей, – тебя нет! Седьмой этаж ведь!

Он поспешил в коридор, где стояла его бейсбольная бита. Её он приобрел для самообороны. Титановая бита, по его мнению, должна была предотвратить проникновение в дом грабителей, когда родители не ночевали дома. Зажав её в скользких от пота руках, он двинулся к окну. Там уже ничего особенного не происходило. Но стоило убедиться в том, что это снова была иллюзия. Распахнутое окно впустило в дом волну морозного воздуха.

Порядок. Почти. Седьмой этаж продолжал оставаться достаточно высоко от поверхности земли. Вот только на заснеженном подоконнике остались отпечатки чьих-то рук. Отпечатки были расположены пальцами к стеклу. В ужасе Андрей отпрянул от окна. Стал гаснуть свет. Не сразу, а как-то постепенно, словно падало напряжение. Закружилась голова, но дикий страх не давал упасть в обморок. Почти физически ощущалось чьё-то присутствие в квартире. Бита стала такой скользкой, что её уже невозможно было удерживать в руках. Да и грозным оружием она больше не казалась. В ушах неприятно звенело, в висках стучало так, что голова, казалось, сейчас лопнет. Перед глазами плыл густой красный туман.

Затрещали обои. Из внешней стены выступала размытая чёрная фигура. Без лица...

– Ты кто? – истерически заорал Андрей. Ответа не было.

Существо, не спеша, приближалось. От него веяло ненавистью. Холодный липкий ужас вползал в грудь, парализуя дыхание и расслабляя мышцы. Понимая, что скоро бита просто выпадет из рук, парень размахнулся и с нелепым сипом швырнул её в фигуру. Лишь слегка поколебав страшный силуэт, бита вылетела в распахнутое окно.

Перед ним был не монстр из телятника, не сказочный оборотень или вурдалак. Перед ним был самый настоящий демон из преисподней. Не мохнатый чёртик с хвостиком и рожками из карикатур, а настоящее воплощение зла. Человекоубийца. И он медленно и неотвратно приближался.

Андрей решил, что он должен любой ценой избежать прямого контакта с этим существом. Даже смерть казалась ему сейчас лёгким выходом из положения. Вспомнив, как священник читал в церкви Евангелие, он неуверенно прошептал, вытянув руку:

– Сгинь! Не прикасайся ко мне! Запрещаю тебе... именем Иисуса!

Демон на мгновение остановился, но только для того, чтобы оглушительно расхохотаться. Казалось, что он говорил тысячей отвратительных голосов.

– Именем Иисуса? Иисуса мы знаем! А ты-то кто?

Настанет утро...

Спит ночной город. Улицы пустынные. Редкий прохожий, идущий по своим делам, не нарушает царствующего покоя. В сердце города – православный собор. Он словно сошёл с высоты и, прикинув ко грешной

земле, сводит за собой небеса. Подворье Горнего Иерусалима, где всякий может прикоснуться к вечности и устремиться к бессмертию, став причастным к Христову Воскресению. Навстречу золотым куполам тянутся облака, рассыпаясь хлопьями пушистого снега. Ласковый ветер подхватывает белые звёздочки и кружит их в изящном танце. Наигравшись вдоволь, укладывает их в мягкие сугробы и расстиляет по граниту ступеней. Фонари нежно-молочным светом озаряют полёт небесных балерин. Природа в сонном смятении. Снег оседает на причудливом переплетении металлической решётки. Ворота заперты до утра, оберегая кратковременный сон святых стен храма. Тишину нарушает звон цепи. Это пёс у фонарного столба начинает гоняться за своим хвостом. Ловит. Умиротворённый, ложится. Снега под ним нет – растаял.

Из сторожки вышел охранник, встревоженный шумом. Огляделся вокруг, перекрестился на купольные кресты и, хрустя снегом, пошёл на обход территории. У пояса – резиновая дубинка. Бесполезная. «Если Господь не сохранит города, напрасно бодрствует сторож». Уходит, оставляя за собой борозду, за которую, не теряя времени, берётся вьюга, орудуя ледяной метлой. Убелённый порошей пёс, свернувшийся клубком, больше напоминает снеговика.

Время от времени украшенные цветными лампочками ёлочки, покачивая разлапистыми ветками, сбрасывают с себя хлопья снега, а через минуту вновь облачаются в посеребрённые ризы. Со скрипом отворилась дверь здания воскресной школы. Не желая будить своих соседей по гостевой комнате, молодой послушник собора вышел, окунувшись в бодрящую январскую свежесть и, возблагодарив Господа за дивную ночь, направился к трапезной, напевая под нос пасхальные стихиры.

Успешно миновав натянутую цепь косматую злющую собаку, он зашёл в трапезную и, скинув тулуп и шапку, встал на еженощное чтение Псалтири.

– Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, и на пути грешных не ста,
– начал он глухим басом. Он будет читать до утра, а потом, свернувшись калачиком на лавке, спать, пока его не разбудят пришедшие раньше всех бабушки-просфорницы. Спит собор.

Ближе к утру собаки, позавтракав, отправятся на отдых. Ступеньки будут очищены от снега, появятся две дорожки, ведущие от калиток к храму. Ворота распахнутся и будут ожидать первых прихожан. Придут священнослужители – совершать Бескровную Жертву за весь мир. Придут пономари – помогать на службе. Придут певчие – ангельским служением возносить хвалу Богу.

Придут люди помолиться. За себя, за родных, за всю страну и воинство её. Будут просить о прощении своих грехов и спасении всех людей. Вознесутся к Богу тёплые молитвы о граде сем и о святом храме сем. Ветер утих, да и туча иссякла. Небо, опустившись на снежную перину, приостановило время, продлевая сон утомившейся природы...

Спит собор, ограждая от всякого зла уснувший ночной город. Скоро утро...

Пономарка

Субботним январским утром бывший семинарист Илья Хан с мешком просфор зашёл с морозного крыльца в пономарку. Первым делом набрал в электрический чайник воды и вскипятил её. Ещё нужно было разложить в алтаре облачение служащему священнику и позаботиться о куче других вещей. Спустя четверть часа пришла баба Люба со своей неизменной авоськой, полной поминальных синодиков. Она была при церкви более пятидесяти лет и уже не мыслила без храмовой молитвы ни одного дня.

– Здравствуй, Илюшенька.

– Здравствуйте, баба Люба, как Ваше здоровье?

– Да хорошо, Илюшенька, слава Богу, спаси тебя Матерь Божья!

Выложив помянники на стол, бабушка пошла в храм – ставить свечки.

Следующими пришли заспанные Санька с Лёхой – штатные пономари собора, которые жили в гостевой комнате для ставленников, будучи иногородними.

– Христос Воскресе! – пробасил обычное своё приветствие лохматый Санька. Похоже, что этому он научился у преподобного Серафима.

– Воистину Воскресе! Опять всю ночь Псалтирь читал?

– Да он в коридоре под дверью стоял, бубнил, так я его в трапезную прогнал. Теперь пусть там молится, – радостно вмешался Лёха, приглаживая свои запорожские усы.

– Да ты что, там же Цербер прицеплен – около трапезной! Как ты прошёл?
– округлил Илья глаза.

Санька широко заулыбался и похлопал того по плечу.

– Илюха, а я перекрестил Божью тварь, да и прошёл с молитвой.

– Блаженный, – иронически подняв бровь, изрёк Лёха, – скоро лесного ведмедя прикормит у нашей кельи. Ну, а я-то не святой, потому ведмедь тот меня и заломает. Скорее всего, насмерть.

– Не, ну серьезно, – недоумевал Хан, – он и меня-то не очень уважает, хоть я его и закормил уже. Признает только сторожей. Пашка рассказывал, что Цербер за время своей службы уже три раза рвал цепь. А она, между прочим, с палец толщиной.

Пришёл отец Сергей, покрытый мелкими капельками от талых снежинок.

– Здорово, бандиты! Почему лампы на иконостасе не горят?

Санька умчался на солею, а Лёха принялся сортировать принесённые записки на задравные и заупокойные. Диакон облачился в подрясник, встал у подоконника и стал дочитывать Правило ко Причащению.

Отец Пётр, служащий священник, стремительно ворвался в пономарку, на ходу сбрасывая дублёнку. Обменялся с диаконом рукопожатием и братским поцелуем в щёку.

– Здравствуйте, батюшка, благословите, – подошли под благословение Илья и Лёха.

– Не хватало мне ещё с утра таких приключений – с пацанами целоваться! – пошутил отец Пётр, но благословение всё же дал.

– Слушай, – обратился он к хмыкнувшему в ответ отцу Сергию, – вот если бы лет эдак десять тому назад кто-нибудь сказал мне, что я чаще буду целоваться с бородатыми мужиками, чем с собственной женой – не поверил бы и в морду дал!

Парни прыснули от смеха, а отец диакон лишь сурово посмотрел на собеседника и спросил у него, вызвав тем самым у пономарей новый взрыв веселья:

– Скажи, бать, а вот ты продал бы свою душу дьяволу за двадцать тысяч баксов?

– Да ну тебя! – отмахнулся священник. – Пошли входные молитвы совершать.

Вошла баба Люба, опираясь на палку.

– Отвещай ми, бабо Любо, – обратился к ней диакон нарочито торжественно, перейдя на утробный бас, – а ты возмогла бы продать душу свою дьяволу баксов ради иудейских?

– Матерь Божья! – воскликнула несчастная старушка и не вышла – буквально вылетела обратно в храм.

Отец Пётр закатил глаза и утащил шутника в алтарь.

– А Пашка чего это до сих пор не явился? – забеспокоился Илья о друге, как и он сам, исключённом из семинарии за драку.

– Так ведь он у настоятеля отпросился на утро, – отозвался Лёха, задумчиво глядя в богослужебный календарь, – жену в роддоме навестить, кажется, или типа того.

– М-м-м... Благодать! Бородиных скоро на планете станет больше, – сказал Санька, возвратившись в пономарку.

– Да не в роддоме, а в больнице. У неё проблемы там какие-то эти, свои, в общем.

– Ну, так давайте после службы смотаемся.

– Куда смотаемся? – это пришёл отец Фёдор, утирая испарину со лба платком. – Отсюда не смотаешься.

– Батюшка, благословите!

– Бог вас всех благословит и укрепит! Так, где баба Люба? Где мой синодик? Чего стоим? Быстро находим всех и вся!

Разогнав всех пономарей, отец Фёдор, грузный священник, облачился в просторную греческую рясу и плюхнулся на кушетку. С этой кушетки он будет зорко следить, чтоб возвратившиеся послушники читали во время проскомидии записки и поминальники.

Много забот у пономаря во время литургии. Нет ни минутки, чтобы присесть или даже задуматься о своём.

Вовремя подавать диакону кадило, для которого сперва нужно разжечь на спиральной плитке древесный уголь, да не забыть и о ладане, чтобы был густой ароматный дым. Сам же уголь раз в неделю добывался из дров или упавших тополиных веток.

Всякий раз, когда отверзаются Царские Врата, включать храмовое и алтарное паникадило. И выключать по закрытии. Одним глазом, читая записки, другим глядя на диакона и священника – вдруг что-то понадобится.

Ходить со свечой на входы. Тут следует помнить порядок, кто за кем идёт, где повернуться, куда поклониться, когда перекреститься. И ещё следить, чтоб у тебя и твоего собрата-пономаря подсвечники были на одинаковой высоте, иначе будет ругаться настоятель. Не дай Бог под стихарём окажется не застёгнутым воротник рубашки!

Читать Апостол. Целая наука! Каждому дню в церковном календаре соответствует своё апостольское чтение, прокимен и аллилуарий. Читать надо громко, чинно, красиво, да так, чтоб прихожанам было понятно каждое слово. Если сам не понимаешь, что написано, то и прочитаешь так, что не поймёт никто – даже служащий священник. А за такое можно получить земных поклонов. Пятьдесят, сотню. Никакие отжимания даже не идут с этим в сравнение.

Нарезать антидор, приготовить запивку, блюсти, чтобы все лампадки горели ровно, поправляя их фитили, подливая вовремя масло. Держать с диаконом плат, пока священник причащает на амвоне. Вынести на молебен столик для записок, требник, водосвятную чашу и кропило.

После службы – уборка. Облачения развешиваются, всё раскладывается по местам. Пол в алтаре и пономарке очищается от восковых пятен и моется со стиральным порошком. После уборки пономари идут в трапезную, где их ждёт вкусный обед и обсуждение прошедшей службы.

Помимо Апостола пономарь должен уметь читать на церковно-славянском языке Шестопсалмие, канон на утрени и Часы, чтобы выручать певчих, когда у тех проблемы с голосом. Ну, или даже если проблем нет, а просто хочется постоять среди девчонок, перекинувшись с ними парой шуток. Чаще всего

будущие семейные пары образуются именно тут, на клиросе, во время чтения Часов.

А ещё обязательно нужно знать и понимать состав и последовательность богослужения. Тут уж то священник подскажет, то диакон даст нагоняй, то сердобольные псаломщицы возьмут над тобой шефство.

Чудное место – пономарка. Здесь тебе и школа дисциплины, и ускоренные курсы богословия, когда, раскрыв рот, слушаешь разговоры и дискуссии священнослужителей. В этом месте завязывается настоящая дружба на всю жизнь, тут научаешься любить всё, что связано с Церковью. Будучи преддверием алтаря, пономарка подготавливает будущих диаконов, священников и епископов. Являясь преддверием Царствия Небесного, словно сад при Эдеме, пономарка даёт навык возделывать своё сердце, хранить и умножать православную веру.

Пройдёт не больше года как Илья женится на красавице Ирине, из-за которой он чаще других бегаёт на клирос петь и читать, затем они с Павлом будут рукоположены сперва во диаконов, затем и во священников. Семинарию они окончат уже заочно. Алексей уедет в родное село, где начнёт заниматься строительством деревянного храма, став старостой. Александр поступит в число братии аж самой Троице-Сергиевой Лавры, мечтая после попасть на святую гору Афон. И они станут лучшими друзьями, готовыми отдать друг за друга жизни.

Ангельское пение

Этим свежим мартовским утром, уже переходящим в день, Денис проснулся с небывалым чувством – ему не хотелось слушать музыку. Это было очень странно, ведь под звуки хард-рока он засыпал, просыпался, принимал пищу, учил уроки, жил, в общем. Даже лекции и семинарские занятия Денис посещал, не расставаясь с любимым плеером ни на секунду.

Фирменный японский плеер имел особую конструкцию: благодаря полной герметичности он мог работать даже под тропическим ливнем. Аудиокассеты к нему подбирались с особой тщательностью, почти ритуально. «Рок-н-ролл – моя религия», – пел великий и ужасный Оззи, и Денис полностью с ним соглашался.

Постояв в недоумении перед внушительной пирамидой аудиокассет, парень, к своему ужасу, обнаружил, что не испытывает желания послушать ни Блэк Саббат, ни УДО. Тогда, обескураженный, он стал наугад включать альбомы других команд, но тщетно. Одни казались слишком нудными, другие – крикливыми, третьи – шумными. Не изменили положения ни бородатые на две трети Зи Зи-Топ, ни даже Алякатрас. Больше ни на что глаза даже смотреть не хотели.

Денис взволнованно ввалился на кухню, распечатал дрожащими руками пачку «Золотой Явы» и стал курить в форточку, переваривая происшедшее. Где-то внизу врубили на полную громкость то ли «Руки вверх», то ли «Отпетых мошенников», и тут же отвращение скользким комом подступило к горлу.

Душа тут же наполнилась радостью из-за того, что поп-музыка всё еще оставалась ему ненавистой. Эстрадных исполнителей он не любил и вообще свято верил, что все катаклизмы и нестроения в мире происходят оттого лишь, что одни поп-музыку пишут, а другие её слушают. Переубедить его в этом не удавалось никому. Даже свои положительные черты характера Денис приписывал исключительно влиянию рок-культуры, а отрицательные – воздействию эстрады. А стоило только краем уха услышать где-нибудь в автобусе: «Крошка моя, я по тебе скучаю...», как настроение неизбежно портилось на весь день. Спасение было только в плеере и мобильном наборе кассет. Правда, неплохо ещё выручали светлое пиво, крепкие сигареты и чёрный крупнолистовой чай.

Если кому-нибудь хоть на миг показалось, что Денис был каким-то забулдыгой, то он ошибся. Молодой человек успешно заканчивал второй курс медицинского университета на факультете стоматологии. Несмотря на обилие отвлекающих элементов, он много читал, учился на пятёрки, получал престижную губернаторскую стипендию и мечтал о красном дипломе. За всю свою жизнь Денис не обидел и мухи. Обладая приятной внешностью, он, однако, всячески избегал девчонок, считая дела амурные пустой тратой времени. Женитьба вовсе представлялась ему как минимум татаро-монгольским игом. «Рокеры не сдаются», – повторял он всякий раз, когда смотрел на однокурсниц.

Жизнь Дениса проходила спокойно. Различные невзгоды обходили студента-медика стороной. Духовная сторона бытия волновала его немногим больше, чем события в дачном посёлке Бурундук. Хотя, нет. Был всё же один эпизод, когда друг Пашка рассказал, что, если креститься в православную веру, простятся все грехи. Тогда Денис поинтересовался, нельзя ли устроить так, чтобы простились и будущие грехи? Не торопясь принимать Крещение, парень, тем не менее, был убеждён, что лишь Православие является истиной. А когда он прочитал (буквально за неделю проглотил) предложенные ему книги дьякона Андрея Кураева, то вообще сделал вывод, что все остальные религии не представляют для него ни малейшего интереса, а разнообразные секты, вероятнее всего, – печальный удел любителей попсы.

Произведя статистическую выборку и несложные арифметические расчеты, он на примере своих знакомых вычислил, что несчастные приверженцы поп-музыки большей частью находятся в каких-нибудь сектах, а любители рок-музыки как правило оказывались православными. Заглянув в мини-библиотеку своего соседа по комнате (тот слушал исключительно танцевальную музыку), Денис обнаружил Бхагават-Гиту, Агни-Йогу и дианетику. «Вот до чего доводит попса», – печально подумал юноша и ещё

раз убедился в истинности рок-н-ролла. На этом его духовные искания утихли.

Выкуренная сигарета оказала нужный психологический эффект, и Денис успокоился. Сегодня не нужно было идти на занятия из-за торжественной конференции по поводу присвоения мэру звания почётного профессора медуниверситета, и он решил пройтись по городу. Не то позавтракав, не то пообедав в оглушающей тишине безо всякого аппетита, парень отправился в зимне-весеннюю прохладу. Без плеера было как-то не по себе. Обязательный обход музыкальных ларьков показал, что никаких изменений в аудиомире не произошло. Цены всё те же, ассортимент не увеличился. Супермаркеты по-прежнему изобиловали малодоступными для студенческого кармана напитками. Табачные магазины тоже не предлагали ничего нового. Пустые кинотеатры привычно показывали второсортный хлам. В музыкальном театре шла всё та же «Сильва». Постоял на мосту, поплевался в незамерзающую речушку. Спустился по грохочущей бело-синим трамваем улочке. Долго блуждал старинными переулками мимо деревянных домов. Любимое кафе оказалось закрытым. Весьма некстати, надо сказать.

Дневная хандра постепенно перерастала в вечернюю депрессию. Визит в семейную общагу к Пашке показал, что тот отсутствует дома. Бородин был тот ещё металлист и из человеческой музыки слушал только Фредди Меркьюри. Впрочем, за такое ему прощались всякие металлики и прочие бурzumy. С ним как раз стоило обсудить сегодняшнюю мистику. Тем более, что он работал церковным сторожем и пономарём. Тогда Денис решил поискать его в соборе. Близился вечер, а значит, где-то в это время должна начаться вечерняя служба.

Невысокий собор был красив. Горящее золото куполов напоминало взметнувшиеся к небу языки пламени пасхальных свечей. Впервые за свои девятнадцать лет Денис переступал порог храма. Шапку он предусмотрительно снял, опасаясь всячески расписанных ему другими

студентами злых бабушек. Войдя в притвор, он задержался у стеклянных витрин с книгами и иконами, близоруко пощурился на информационный стенд, перечитал все объявления о работе приходской библиотеки и воскресной школы, полюбовался на лестницу, таинственно уходящую вверх, и только потом решил войти в храмовую часть собора.

Какое-то время он стоял в проходе, впитывая окружающее и происходящее. Денис ожидал увидеть одних только стариков, но, к его удивлению, вокруг стояли люди всех возрастных и социальных (как сказал бы декан) категорий. Впереди высился великолепный иконостас, а перед ним стояло несколько священнослужителей. Пашки нигде не было видно. Скорее всего, он был на смене и сейчас кормил собак в дальних вольерах за трапезной. Царила невероятно торжественная атмосфера. Никто не переговаривался. Многие стояли на коленях. Денис замер.

Молодой священник приятным звучным тенором читал необыкновенно красивые слова: «Кое ли положу начало, Христе, нынешнему рыданию, но яко благоутробен, даждь ми прегрешений оставление». Небольшой хор из двух священников и одного диакона, стоявших рядом, запел: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя». Тенор продолжал неспешное чтение, а Дениса постепенно охватывало какое-то странное чувство. Незнакомые слова приятно ложились на слух и согревали сердце. Время бездействовало.

Слабое зрение не давало возможности подробно разглядеть иконостас, и Денис, прислонившись к стене, закрыл глаза. То ли от насыщенности впечатлений, то ли от проведённого на ногах дня, хотелось лечь и поспать. Чтение убаюкивало.

Но вот запели: «Душе моя, востани, что спиши?» Денис вздрогнул, открыл глаза и отогнал сон. Вскоре середина храма перед ним опустела. Началось чтение псалмов. Немного постояв, он уже собрался было уходить, но вдруг откуда-то сверху полилось дивное пение. Мужские голоса задумчиво выводили старинным распевом: «С нами Бог, разумеите языцы».

Невероятная красота пения вдруг закружила голову. Стали добавляться другие голоса, хотя количество певчих не изменилось. Голоса эти были сказочно красивы, они умножались, и вот уже огромный хор пел, наполняя старый собор чудным пением: «Хвалите Его во гласе трубнем». Никогда ещё не касались слуха Дениса такие совершенные звуки. Сердце наполнялось необычайной сладостью. Мир Христов наполнял некрещёную душу, призывая к Божественному общению.

«Придите...», – слышались удивительные слова. Они были обращены и к нему тоже.

«Его же славословят непрестанно ангели», – лилось из открытых небесных врат. Лучшей музыки нельзя было и представить.

Насколько возмутительно было бы пить из лужи, испробовав сладчайшего нектара, так невозможной казалась любая другая музыка после ангельского пения. Широко открыв глаза, смотрел Денис куда-то вверх, сквозь купол, вызывая, может быть, у кого-то недоумение. Ему было всё равно. Закончилась служба первого дня Великого поста, а он слушал и внимал небесам, позабыв о земном. Сейчас он стоял, устремившись мыслями к Тому, Кого воинства небесные славят, Кто повесил землю на водах, пред Кем трепещут херувимы и серафимы, Кого хвалит всякое дыхание, Кто призвал его, Дениса, видя незачерствелое ещё сердце и неогрубевшую душу. И Он, некогда распятый на Кресте, призывал сейчас своё чадо с любовью, выше которой нет на всей земле.

Электросон

Странности снова начались во втором тайме. Опять на поле, как из-под земли, появился Морозов. Виталик был готов поклясться, что его не было всю игру. Ну откуда он всякий раз появляется?

Морозов был самым классным футболистом во всём районе. Заполучить его себе в команду гарантировало успех. Однако из всех ребят, кому не посчастливилось играть в одной команде с Морозовым, лишь Виталик никогда не оставлял надежды на победу. Всякий раз он самоотверженно бросался на противника, чтобы отобрать мяч и не пустить к воротам. Но чёрно-белый колобок уходил от Виталика так же легко, как и от зайца, и всё время лънул к ловким морозовским ногам. Матч был проигран, и чумазый Виталик, потирая ушибленный о землю локоть, шёл в свой двор. От предложения Морозова пойти поиграть с ним на том берегу реки, он, как обычно, отказался.

– Опять сейчас придёт эта смска, – подумал Виталик. И смска пришла. Как и всегда, она содержала предложение, которое должно было заманить его на правый берег. На сей раз там затевалось открытие спортивного магазина с бесплатной раздачей велосипедов первым трём посетителям. Получить новенький велик взамен искорёженного при столкновении со шлагбаумом очень хотелось. Но Виталик давно уже понял, что многочисленные дела, возникающие на том берегу реки, и разнообразные заманчивые предложения – всё это неслучайно. Кто-то или что-то хочет, чтобы он перешёл по старому заброшенному мосту. Был и другой мост, с автомобильным движением, но тот закрыли ещё прошлым летом и автобусы по нему не ходят. Однако жизнь на том берегу, что называется, кипела. Концерты, всевозможные конкурсы, спортивные соревнования, бесплатные киносеансы, ярмарки случались там ежедневно. И ведь почти всех друзей угораздило переехать именно туда. Они звонили, писали, в общем, зазывали в гости, но сами на левом берегу никогда не появлялись. Воспитанный жизнью и книжками Владислава Крапивина, Виталик знал, что подобные загадочные вещи ничего хорошего ему, двенадцатилетнему мальчику, предвещать не могут. Чего только стоит та история с его другом Андрюхой, выпавшим с седьмого этажа. Чудом жив остался. Такую чертовщину рассказывал, просто ужас...

– Дорогие друзья! Только сегодня плавательный бассейн «Бермуды» работает для вас в бесплатном режиме! – внезапно ожил на столбе старый радиодинамик.

Виталик остановился и внутренне напрягся...

– Справка от врача не требуется, – продолжал ржавый колокольчик, глядя на худого мальчишку в стареньких сандалиях пустым круглым глазом.

– Хороший бассейн «Бермудами» не назовут, – выпалил в этот глаз Виталик, предварительно убедившись, что вокруг ни души.

– Бассейн «Дельфинчик»? – немного помолчав, предположил динамик.

– Ага, как же, как же, – уходя, бросил Виталик через плечо.

– Бесплатный прокат шапочек и плавков, – донеслось неуверенно уже из-за спины.

Виталик шагал и думал, что с ним, скорее всего, случилась беда после прошлогодней аварии, когда, слетев с велика, он больно ударился головой. Небольшое сотрясение, вероятно, даёт о себе знать. Только бы не сумасшествие! Папа больше всего на свете боится, что его ребёнок будет ненормальным, как дядя Юра, который свихнулся как раз из-за травмы. Его сильно ударило качелями несколько лет назад. Сколько раз папа, ударя пивной кружкой по столу, шумел, что нет на свете ничего хуже безумия! Даже смерть, мол, и та лучше! Так и говорил: «Я бы предпочёл сдохнуть, чем гнать гусей, как мой брательник!» А на приёме у знакомого невролога, к которому они прошлым летом часто ходили из-за участившихся головных болей, папа как-то раз, понизив голос, даже спросил Вадима Сергеевича, не станет ли его сын дураком. Было так стыдно, что хотелось провалиться под землю!

Подводить папу совсем не хотелось, и Виталик старался превозмогать своё состояние, по возможности, не реагируя на странности и иллюзии.

Вроде вчерашней, со щенком лабрадора, который убежал от него к заброшенному мосту. Или с глупым радиоглазом. Ну, то уж точно было не взаправду! Надо было сдержаться и не заговаривать с галлюцинацией. Нельзя, чтобы папа узнал. Это его добьёт, а ведь он ещё не вполне оправился после развода. И Виталик вновь решил, что самым правильным будет продолжать жить, делая вид, что ничего необычного не происходит. И, пожалуй, самое главное, ни под каким видом не приближаться к навязчивому старому мосту!

– Буду считать, что правого берега не существует, – произнёс Виталик, вслушиваясь в тишину пустых улиц берега левого.

Анатолий сидел у постели сына, неуклюже гладил его по голове шершавой ладонью и тихим голосом, стесняясь самого себя, рассказывал, чем они займутся на выходных. С зарплаты можно купить новый велосипед. И шлем. Обязательно шлем. Абонемент в бассейн, в принципе, не такой уж и дорогой, если бросить курить. А он обязательно бросит. Да и на выпивке можно отлично сэкономить.

– Ты только проснись, сынок... К нам в город приезжает «Восьмой День» – твоя любимая группа, концерт будут давать как раз восьмого числа. Я и билеты уже взял нам с тобой... В первом ряду, представляешь? Обязательно автографы возьмём у всех музыкантов... А хочешь собаку? Помнишь, ты ещё хотел лабрадора, а я тогда сказал, что он дорого стоит? Я тут подумал, что нам троём, пожалуй, веселее будет. С собакой-то. Ага... Ты, главное, это, просыпайся, сынок...

Что-то пошло не так, когда он привёл сынишку на сеанс электросна. Виталик не просыпался вот уже неделю. Врачи не знали, что случилось. Обычные методы пробуждения уже испробованы, а результата всё нет...

– Это не кома и не летаргический сон, – сказал сторбленному Анатолию пожилой профессор, морща лоб, – все жизненные показатели в норме, а мозг мальчика находится, согласно энцефалограмме, в фазе быстрого сна. Но мы не знаем, почему мозг отказывается просыпаться. Будьте рядом с сыном. Разговаривайте с ним. Он сейчас видит сны. Яркие. Реалистичные. Рассказывайте ему о настоящей реальности, рекламируйте её, если хотите...

Так и сидел Анатолий с Виталиком каждый день после работы, отлучаясь только, чтобы сбежать домой поесть и помыться. Сидел, изо всех сил стараясь не заплакать, гладил сына по русой голове и уговаривал его проснуться.

Валаам

Уже более часа отец Павел Бородин, молодой настоятель сельского храма св. Дмитрия Донского стоял у автобусной станции, ожидая в гости семинарского друга. Автобус безнадёжно опаздывал.

– Здорово, борода! – прозвучал сзади знакомый голос. – А ты чего это в подрясник вырядился, денег девать некуда, а?

Бородин обернулся, улыбаясь. Отец Илья был одет во все чёрное: пиджак, футболку, джинсы и даже солнцезащитные очки. Выдвинув вперёд нижнюю челюсть, он стоял, засунув руки в карманы джинсов. Друзья обнялись.

– Ну, ты просто какой-то man-in-black. А чего ты там про подрясник? Это тебе не город, тут в гражданском мне нельзя никак. Люди не поймут. А ты на чём приехал, да и вообще, куда автобус дел с пассажирами и водителем?

– Отец, не поверишь, автобус в реку упал с моста. Я один выплыл.

– В какую ещё реку, охальник? В Нил, что ли? – состроил кислую мину отец Павел, скептически глядя на друга.

– Ну, поломался, короче, твой автобус. А следующий, кажется, идёт к вам вечером. Шофёр его там до сих пор ремонтирует. Я попутку поймал, вот и

доехал. Слушай, а у вас тут с речками точно проблема, ни одной, что ли, нет? А где я буду купаться? – возмутился отец Илья. – В корыте, в лохани?

– Ну, в общем, мыслишь ты верно, не в океане. Ладно, пошли ко мне, лягушка-путешественница.

– Но-но, полегче, – погрозил пальцем друг. – А что это за безумные глаголы – «пошли»? А где карета для дорогого гостя?

– Давай, шагай, карета ему! – хмыкнул Бородин.

– А далеко идти? – забеспокоился отец Илья.

– Километров около шести.

– Смерти моей хочешь, пилигрим? Ладно, идём. А может, попутку остановим, да и доедем, а?

Отец Илья умоляюще посмотрел на спутника. Тот помотал головой:

– Нет, здесь так не принято. Никто не остановится.

– В смысле? Меня же подвезли до твоей деревни...

– Не знаю, не знаю... Удивлён.

– Ну, а то, что ты в подряснике, с крестом? Никто попа не подвезёт? Тебя же тут все знать должны.

Отец Павел усмехнулся и зашагал по обочине. Так, за разговорами, они прошли пару километров. Отец Илья, конечно, предпринимал попытки останавливать обгоняющие их автомобили, но тщетно. Водители лишь глазели на бородачей.

– Слушай, ну что за люди? – возмущался он. – О, смотри, вон круизер какой-то едет. Наверное, трудяга-колхозник. Сдал в городе урожай, прикупил себе безлошадную повозку...

– Ну-ка? – отец Павел обернулся и посмотрел на приближающийся автомобиль. – А вот это – директор асфальтового завода. Я к нему сколько ни обращался, у него для Церкви никогда денег нет.

– Ага, ну откуда у директора деньги, сам рассуди. Смотри-ка ты, фары горят. Скандинавский вариант. Ага, Тойота Раннер – бегун, то бишь, в переводе с вражеского...

Внедорожник проехал мимо. Сквозь тонированные стекла водителя видно не было. Бородин, сложив пальцы правой руки в священническом благословении, размашисто перекрестил машину вслед. Отец Илья, улыбнувшись, хотел, было, отпустить по этому поводу шутку, но тут истерически завизжали тормоза, заставив невольно вздрогнуть.

– Что, сбил кого-то, что ли? – забеспокоился он, тревожно взглянув на отца Павла.

Тот молча поднял указательный палец: тихо, мол. Автомобиль настолько резко затормозил, что его слегка занесло в сторону обочины. Прошло с полминуты. Вновь зажглись задние фары. Зарычал двигатель. Автомобиль дал задний ход и через пару мгновений поравнялся со священниками. Открылась дверца, открыв взорам внушительного вида водителя – под стать автомобилю. Мужчина лет пятидесяти, привыкший командовать и повелевать, выглядел слегка растерянным. На лбу была испарина, свойственная грузным людям.

– Батюшка, что же это ты пешком? Давайте в машину – подвезу, – пробасил он, убирая с пассажирского сидения коричневую барсетку. Та легко уместилась в его широкой ладони.

– Спаси Бог, Александр Валерьевич, – невозмутимо ответил Бородин и деловито забрался в машину. Отец Илья снял тёмные очки, одним движением руки сложил их и сунул в нагрудный карман пиджака.

– Круто, – пробурчал он себе под нос и сел на заднее сиденье.

– Как дела, отец Павел? – спросил директор, включая передачу.

– Да всё также плохо, Александр Валерьевич, – ответил тот, переворачивая перекрутившийся на груди крест лицевой стороной вперёд. – Скоро осень, а на церкви крышу ремонтировать не на что. Доход у нас отрицательный, а ещё за свет не плачено. Послал бы Бог благодетеля, а то сами не справимся.

– А что ваше руководство, оно разве не помогает? – директор поскрёб подбородок указательным пальцем и покосился на отца Илью в панорамное зеркало заднего обзора. Тот предпочёл промолчать, глубокомысленно наморщив лоб.

– Да вот ведь какое дело. Наше с отцом Ильей (тут отец Павел кивнул в сторону друга) руководство считает, что посёлок с такими замечательными предприятиями, как вот, Ваше, к примеру, вполне способен самостоятельно содержать Дом Божий в полном порядке. Владыка говорит, что не бывает таких руководителей, которым безразлична Церковь Христова, а бывают нерадивые священники, вроде меня, которые не вполне соответствуют занимаемым должностям.

– Да ну ты что, батюшка, что это за ерунда: нерадивый, не соответствует... Этот ваш Владыка – он здесь не прав. Покроем мы тебе крышу. И территорию постепенно заасфальтируем, дорогу подведём. Заходи ко мне на следующей неделе – обговорим всё. За свет постараемся помочь. Не переживай. Как там говорят: «Бог не выдаст – свинья не съест».

Директор довёз их прямо до дома и попрощался за руку.

– Интересно, – сказал отец Илья, потирая едва не раздавленную кисть, – смотри-ка ты: сразу по тормозам, подвёз, помощь пообещал... Что он такого увидел, когда ты его перекрестил?

– Может, ангела с обнажённым мечом поперёк дороги? – предположил Бородин.

– Как Валаам, что ли? Ну да, не исключено...

Молебен

– Эх, да чтоб меня! – досадливо хмыкнул дед Лазарь, выйдя поутру на крыльцо веранды. Его взору предстала безрадостная картина: поникшие бабкины георгины, утонувшие анютины глазки, всюду мутная жижа. Некогда аккуратные высокие грядки были подмыты водой, лук лежал в грязи. Оставленные вчера на бетонной плите перед верандой калоши не уплыли только потому, что в них плескалась вода. Трезор, цепной пес, услышав хозяина, высунул было рыжую морду из будки, но, уловив его настроение, быстро спрятался.

С неба струилась, нет, лилась почти сплошным потоком вода.

– Хоть рыб запускай, – горько усмехнулся старик, вспомнив слова внучки-библиотекарши. Та что-то рассказывала про одну иностранную книгу, мол, такой же дождь там шёл пятьдесят девять месяцев, что ли.

– Ну, тогда мы здесь все уплывём, – бормотал он, выволакивая тяжёлую скамейку с веранды на крыльцо – под навес. Облокотившись одной рукой на раму окна, дед медленно сел, щадя больную поясницу. Вытащив из кармана трико раскрытую пачку «Примы», постучал синим ногтём о торец – чтобы легче достать сигарету. Покатав её между пальцами, сунул в рот, прикурил от спички. Зажигалкам он никогда не доверял – считал, что газ портит табак. Затянулся, выпустил дым в серое мрачное небо. Закашлялся, вызвав этим краткий интерес Трезора, сплюнул в грязь. Загрустил.

Дождь длился уже шестнадцатый день. Последний раз такое было году в пятьдесят восьмом – тогда лило три недели подряд. Траву скосить не успели, картошка вся сгнила в земле, Каменка поднялась и затопила понтонный мост, а также несколько огородов, расположенных близко к реке. В общем, хлопот было...

Из соседнего дома вышла Тамара Михайловна – местный фельдшер.

– Томка, а ты куда это собралась-то? Воскресенье же, как-никак. А сапоги надо повыше носить. Да. А то, что это? Баловство одно. Эх, скоро будем на лодках по деревне разъезжать, как в этой, Венеции.

– И тебе доброго утра, Федосеич! Как спина? Почему без бандажа ходишь? По уколам соскучился?

– Дык я это... покурить просто вышел, ненадолго... чего ругаешься?

– Ага, ненадолго, а как скрючит, так сразу по-другому запоёшь.

Тут женщина поскользнулась на мокрой доске крылечка и ухватилась рукой за перила, чтобы не упасть.

– Ну, ядрить твою перекись через медный купорос! – выругалась она. – Да сколько же можно лить-то? Веришь, нет, я вчера к капусте подойти не смогла! Воды – почти по колено. Сгниет всё напрочь!

– Точно, будем картошку в магазине закупать. Втридорога. Эту, голландскую. Да ты собралась-то куда?

– Да мальчика одного прокапать надо. Дочь его позвонила, попросила.

– Это, случаем, не Николаича? Почтальона? Так он, говорят, запил, вроде.

– Ну, вот и пойду из запоя выводить. Ему пенсию скоро разносить.

Тамара раскрыла над головой мужнин чёрный зонт, взяла пакет с лекарством и, выйдя за ворота, направилась в сторону клуба.

Докурив сигарету, Лазарь Федосеевич, единственный на весь район печник, бросил окурок в жестяную банку из-под кофе, стоявшую на крыльце, медленно, в три приёма, поднялся со скамейки и зашёл в дом.

– Ну, чего там, солнца не видать? – спросила из своей комнаты Зинаида Никифоровна – его жена.

- Да какое там? Забудь про солнце. Всё заволокло – ни просвета.
- А вчера в «Вестях» погоду передавали – по всей области дожди идут.
- Так возьми да позвони им, пусть хорошую погоду передадут в новостях,
– пробурчал дед, ставя чайник на газ.
- А сегодня поп наш молиться будет, чтоб дождь перестал, – сказала бабка Зинаида, заходя на кухню.
- Во дает, циркач! А ты почём знаешь?
- Да мне Ильинична сказала, у ей внук там работает, в церкви.
- Митька, что ли? Так он школу-то ещё не окончил вроде.
- Да он там по воскресеньям работает да во время каникул.
- Никак в попы решил записаться? А парень-то, вроде, толковый, в технике всякой разбирается, ему бы ехать поступать в университет какой. Эх, пропадёт! – дед Лазарь сокрушённо махнул рукой, покачал головой и поставил на застеленный вышарканной клеёнкой стол две кружки.
- Да чего он пропадёт-то? Вон, говорят, попы получают хорошо, живут богато, – возразила жена, вытаскивая из буфета небольшой тазик с булочками.
- Ну, не знаю, может, где-нибудь, в Москве они и хорошо живут, а по нашему-то и не скажешь. Сколько видел его, всё в одном и том же ходит, да и попадя его тоже не щеголяет. Хорошо ещё, что детей у них нету. Да и разъезжал бы он тогда на машине, а не на лисапедке. Садись, давай, за стол, я, вон, налил уже.

Завтракали супруги молча, время от времени поглядывая в окно.

- Здорово, Митяй! Ты куда это с утра пораньше?

– На рыбалку поди пошёл.

– А чего ходить? Можно прямо тут ловить, карась подплывает прямо к забору!

Дмитрий обернулся. Над высоким зелёным штакетником торчали две головы. Одна из них, рыжая, принадлежала Антошке, вторая, лысая – Серёжке. Оба брата счастливо ухмылялись.

– Сами-то чего не спите, караси? Детское время ещё, баиньки надо.

– Да он щютниг! – округлил глаза Серёжка.

– О-хо-хо! Держите меня! Насмешил. Похвально. Бить не будем. Помилуем, – простонал Антошка, делая вид, что утирает слёзы.

– Не, в натуре, ты куда?

– В церковь.

– А чё, праздник какой-нибудь?

– Ну, в принципе, каждое воскресенье – малая Пасха, – терпеливо объяснил Дмитрий.

– Чё, надо говорить: «Христос Воскрес»? – деланно удивился Антошка.

– Да нет, не обязательно, – смутился Дмитрий.

– Да ладно, не бери в голову. Слушай, а что, правда батёк сегодня Богу будет молиться, чтобы дождь перестал? – заинтересовался Серёжка.

– Ну, молебен будет после Литургии. Отец Павел всех приглашал.

– Скажи ему, что мы не придём, – захихикал Антошка.

– Ага, и да поможет ему Гидрометцентр! – фыркнул Серёжка.

– Да ну вас на фиг! – отмахнулся Дмитрий.

– Ой, он что – так сматерился на нас?

– Да нет, слышалось. Ты чё, ему ведь так нельзя говорить, Боженка накажет.

Махнув рукой, Дмитрий поспешил в храм, стараясь не обращать внимания на дальнейшие реплики одноклассников.

Литургию отец Павел совершал со смешанным чувством радости и горечи. Радостно ему было всякий раз, когда он, облачившись, становился перед престолом и зычно возглашал: «Благословен Бог наш...». А горечь была оттого, что в новенькой кирпичной церкви, отстроенной богатым спонсором – бывшим директором совхоза, а ныне преуспевающим бизнесменом, совсем не было народу. Люди не хотели ходить на службы.

Отец благочинный, открывая приход, докладывал архиерею, что в деревне полным-полно верующих христиан, жаждущих духовной жизни. Спонсор докладывал, что приход священника прокормит. Получив указ о переводе, отец Павел ехал в гостеприимную деревню добрых христианских традиций. Приехал – ни прихода, ни жилья. Первые полгода с матушкой жили в бане. Потом сняли небольшой домик. На первой же службе понял, что будет трудно – храм пустовал. В последующие две недели ситуация не изменилась. Прислушавшись к совету своего друга – настоятеля поселкового храма – прошёл по дворам, познакомился с жителями. Посещал все деревенские мероприятия, первое время ходил только в рясе. Пока не понял, что, изодрав эту, другую пошить не сможет – не хватит денег. Затем устроился в одну компьютерную фирму в городе – собирать системные блоки за три тысячи рублей в месяц. На жизнь стало хватать. С клиросным пением, уборкой храма, бухгалтерией справились – вдвоём с матушкой. Потом в храм начал ходить соседский парнишка Дима. Дело пошло. Втроём уже веселее.

Два дня назад батюшка развесил по деревне несколько объявлений о том, что после воскресной Литургии в храме св. Дмитрия Донского состоится

молебен о прекращении дождя. Зная обо всех трудностях деревенского жителя, связанных с затяжными дождями, отец Павел надеялся, что теперь-то люди придут. Но Литургия уже подходила к концу – матушка Лидия уже пропела «Отче наш», а во всём храме их только трое. Он, жена и Дима.

Причащались двое – он сам и Дима. Лиду исповедовать он всегда избегал, а другой священник находился за сорок километров. Проповедь звучала для худого застенчивого мальчишки и любимой супруги.

– Господу помолимся! – возгласил отец настоятель перед заключительной молитвой, оглядев пустой храм.

– Господи помилуй! – пропели в ответ два молодых голоса.

Жители деревни не сразу поняли, что произошло. Ближе к полудню появилось солнце, но дождь не переставал. Затем кто-то сказал, что над церковью дождя, вроде бы, нет. Ему не поверили, но народ стал постепенно подтягиваться к храму. Братья Коноваловы – Антон и Сергей – прибыли первыми и стояли тихо. Молчал и Витька-комбайнёр – первый в деревне безбожник и острослов. Была молчалива и Валентина Семёновна – учительница биологии, воинствующая атеистка. Подходили молодые и старые. Пришёл и дед Лазарь – в фуфайке, препоясанной дырявой шалью, в полиэтиленовом дождевике.

Вскоре только самый больной или ленивый не стоял у церковной ограды, разинув рот. Вовсю сияло солнце. На сухой церковной крыше сидели отец Павел с Димкой. Перепачканные с ног до головы, они спокойно красили оцинкованное железо в синий цвет. Внизу стояла матушка Лидия и, щурясь, давала указания, как лучше красить. На собравшихся людей они вроде бы не обращали никакого внимания. Только изредка счастливый Димка украдкой бросал взгляд на притихших земляков, поливаемых дождём.

Скрытый контент

Шаг. Ещё полшага влево, пригнувшись. Не наступить на сухую ветку. Надо соблюдать осторожность, ведь эти твари умеют слышать за сотню метров! Надо сохраниться, а то всё продвижение по локации пойдёт коту под хвост. Итак, что мы имеем? На inferнальное проклятье маны может не хватить, а бороться с оборотнями при помощи пистолетов опасно – они исчезают, как только возьмёшь одного на прицел, а появляются уже за спиной. И кусают. Больно. Иногда можно заработать жуткую головную боль на всю ночь, если светит Луна. Что же делать? Разве что прибегнуть к заклятию Бафомета – оно не требует никаких ресурсов, только голова потом как чужая. Но зато всякая нежить впадает в состояние ступора на несколько секунд. Тут-то их можно даже пулями... Лишь бы успеть всех добить, а не то... Вот Лёнька на днях упустил одного волколака, так тот притащил с собой несколько баньши. До сих пор пацан ходит, переспрашивает, что ни скажешь, по несколько раз. Глухая тетеря. Хорошо, родители его не узнали правды: он-то им сказал, что наушники на всю громкость были, когда он музыку на плеере включил. А то нажил бы себе проблем!

Игра-то запрещённая.

Комитет игровой цензуры обнаружил какой-то скрытый контент в гениальной новинке от SethGames. По словам занудного пресс-секретаря Комитета игра «Baal Power: Keep Yourself Alive» не соответствует международным нормам безопасности. На саму SethGames наложили строгие санкции, все диски с игрой были уничтожены ещё до поступления в магазины.

Лицензионные диски.

Конечно, за приобретение и хранение у себя контрафактных дисков с игрой грозил довольно крупный штраф. За продажу – срок.

Наверное, поэтому желание всех геймеров заполучить «Baal Power» не останавливалось даже перед заоблачной ценой обычного диска в пять петабайт. Когда Данька, которому пришлось всю осень решать за деньги задачи по астрофизике, чтобы скопить денег на игру, наконец притащил домой диск, то волновался просто неопишимо. Родителей он не опасался – они уже год как перестали входить в его комнату без звонка. А систему он, конечно же, отключил от Сети заранее. Для этого пришлось имитировать смерть декодера. Данька надеялся, что это отвлечёт внимание бдительной службы общественной безопасности. Подросток, отключившийся от Сети добровольно, либо сошёл с ума, либо хранит на накопителе что-то запрещённое. А замена декодера стоит немалых денег. Это будет выглядеть естественно.

Перед первым запуском игры Данька усмехнулся было над названием, снисходительно процедив: «The real power is a gun power!» Теперь от прежней иронии не осталось и следа. Мощь огнестрельного оружия в этом мире вызвала большие сомнения. Данька вздохнул, вспоминая, как он чуть не лишился зрения, обороняясь от мерзкого василиска при помощи двойной Беретты в самом начале игры. Тварь атаковала, невзирая на пули. Данька тогда чуть было не сломал хрупкий шлем, упав на пол. Глаза не видели ничего почти час. Когда он с третьей попытки всё же развеял монстра в пыль, воспользовавшись услугами дьявольских игральных костей, то понял, что битва будет действительно тяжёлой.

Данька дважды тонул в ядовитом болоте, заработав лающий кашель на четыре часа. Один раз харкал кровью, пронзённый ножом бродячего торговца, которого он пытался нагло обокрасть. Не раз сидел в туалете, отравившись в очередной раз незнакомым грибом или красивой ягодой. Однажды он даже обмочился, когда взрыв неудачно поставленной против мертвецов мины оторвал ему обе ноги. Главное – вовремя перезагрузиться. Так быстрее проходят болевые ощущения от игры. Да, игрушка конкретная.

Слюнтяям вроде Игорька из параллельного класса тут делать нечего. К счастью, Данька был опытным геймером, занимавшим почётные места во всех подпольных соревнованиях по стрелялкам и ролевым играм. Многие считали его настоящим «отцом». Сейчас же ему предстояло пройти всю игру, доказав друзьям, верившим на слово, и самому себе свой профессионализм. Ведь очень многие отказались от продолжения игры. Кто-то застрял на одном месте, кто-то испугался боли, а кто-то предпочёл возможность ходить ночью в туалет, не шарахаясь от каждого скрипа. Были такие, которые кричали во сне, вздрагивали на уроках, бросались на людей. Психи, в общем.

Данька для своих семнадцати лет обладал достаточно крепкими нервами, устойчивой психикой, повышенной стойкостью к любым психологическим воздействиям, на него не действовал даже терапевтический гипноз, обязательный для всех школьников. Даже алкоголь его не столько опьянял, сколько делал болтливым и любвеобильным ко всем видам живых существ. Выпив лишнего, он легко мог простить злейшего врага, а на улице аккуратно перешагивал через разных червячков, опасаясь ненароком задавить. Поэтому он никогда не садился играть выпивший. Ведь поднять руку даже на виртуального противника он не мог.

Вот и вчера вечером он, возвращаясь со дня рождения Толяна, нашёл у мусорного бака котёнка, которого кто-то выбросил на мороз. Были выходные по случаю Дня Революции, и санитарная полиция не работала.

– Вот везунчик! – удивился Данька, беря его на руки. Неподалёку от заброшенной стройки пролежала старая теплотрасса. Туда он котёнка и понёс, соображая на ходу, как теперь его кормить. Домой взять нельзя: старая Найда на дух не переносила семейство кошачьих. Она рычала даже на стереовизор, если там показывали кошку. Или даже тигра.

В теплотрассе оказался человек.

Это был белый, как лунь, старик, одетый в какое-то рваньё. Он проснулся и теперь испуганно смотрел на Даньку, открыв почти беззубый рот. Старая водородная горелка светила голубым неярким светом, не давая старику околеть от холода.

Данька соображал недолго. Перед ним – самый настоящий бродяга. Нежелательный элемент. Человек, отказавшийся от Регистрации.

Человек, не имеющий Регистрации, не имел права на жильё и медицинскую помощь, на доступ в общественные места, в общем, на жизнь в городе.

– Завтра кончаются выходные. Патруль проверит все закоулки. Тебя найдут, – отрывисто сказал Данька, выглядывая наружу. Старик продолжал жалобно смотреть, сжавшись в углу.

– Уходи отсюда сейчас же. К югу от города должны быть «нахаловки». На выходах из города односторонние посты, – угрюмо продолжал Данька, снимая с себя теплоизоляционный плащ и шапку.

– На вот, возьми, оденься. Одежда клубная, дорогая. Так на тебя не обратят внимания, только пьяным притворись, капюшон накинь.

Старик, осознавший, наконец, произошедшее, издал глухой звук и повалился на колени. Он пытался поймать Данькину руку и поцеловать.

– Сыночек, родненький!

Даньке стало неловко.

– Давай, давай, иди отсюда поскорей, пока тебя не увидел никто! И котёнка возьми, присмотришь за ним, – пробурчал он, выбираясь на мороз. До дома было рукой подать.

– Спаси тебя Бог, миленький! – донеслось ему в спину. Данька дёрнулся и припустил домой.

Боговер! Безумный псих. Но почему же он не попытался напасть сзади и принести его, Даньку, в жертву Богу? Ведь так описывает культ Боговеров курс социологии за шестой класс. Мрачные ритуалы и, кажется, поедание младенцев или что-то в этом роде. Наверное, из-за старости этот Боговер был уже не в состоянии напасть на кого-либо.

Родителям он сказал, что потерял одежду спяну. Они, кажется, поверили. Отец, в принципе, вообще не расстроился. Мать для порядка поругалась немного.

На следующий день Данька уже почти забыл инцидент, и, придя с занятий, погулял с собакой минут пять, наспех перекусил и заперся в комнате, чтобы завершить прохождение очередного уровня игры.

Над мрачным заброшенным кладбищем стоял туман. Холодный и липкий. Видимость – метров двадцать, не больше. Пригибаясь, Данька, передвигался не спеша, тщательно прислушиваясь, осматриваясь. Пять метров прошёл, подождал секунд десять – сохранился. Обратни – ещё не самое худшее, что может быть на кладбище. А до кладбища никто из других геймеров ещё не доходил. Большинство из них застряли за несколько локаций до этого места.

Странно. Что-то слишком тихо и спокойно. Не к добру.

Данька приготовил было заклинание молнии, но тут же передумал. Туман слишком густой. Может и самого зацепить. Аптечка пуста. Луче­мёт иссяк ещё в пещерах, где были какие-то твари, выходящие из камня. Два древних пистолета большой уверенности не внушали. Остаются Бафометово заклятие да трансформация жизненной энергии в магическую. Опасно, правда. Ну да ладно, пора двигаться дальше.

Внезапно Данька ощутил какую-то тревогу. Не ту, что заставляет сознание мгновенно собраться и искать опасность, анализируя ситуацию. Не привычную, игровую.

Внутреннюю. Реальную.

Мороз прошёл по коже. Страх был неведом ему ни в одной игре. Он всегда отличал реальность от виртуальности. Поэтому и выигрывал. Не благодаря быстрой реакции и точной стрельбе. Благодаря умению различать и думать, не паникуя.

Но сейчас он ощущал страх в игре. Это был почти ужас. Его не атаковали орды монстров, не грызли вампиры, не проклинали колдуны, а он боялся.

Из тумана показалась чья-то фигура. Данька взял пистолеты наизготовку, и начал было бормотать формулу заклятия, но онемел и выронил оружие из рук на жухлую траву. Ему очень хотелось заорать команду «Escape!» и оказаться у себя в комнате.

Из тумана размеренной походкой шёл вчерашний старик. В Данькином плаще и шапке. Из правого кармана плаща выглядывал котёнок, озираясь по сторонам.

– Сыночек, зря ты купил эту игру. Миленький мой, поскорее выходи отсюда! Помилуй тебя Бог! – старик крестообразно взмахнул правой рукой.

– Давай, родимый, скорее! – старик оглянулся назад, где сгущался и темнел туман, медленно трансформируясь в какую-то ужасающую сущность.

– Escape! – заорал Данька, но ничего не произошло.

– Alt – F4! – Тот же результат.

Деревья почернели и начали сдвигаться, образуя ловушку. Почва под ногами стала зыбкой и податливой.

– Ctrl – Alt – Delete! – судорожно выдохнул Данька, глядя, как какая-то невообразимая губительная сущность старается обойти распростёршего руки старика стороной, чтобы добраться до него, Даньки.

– Боже! – этот крик вырвался из парализованного страхом Данькиного естества и мгновенно вернул его в реальность. Какая-то сила освободила его от шлема, сдёрнула гибкие манипуляторы с рук и ног и отшвырнула в угол.

Широко раскрыв глаза, Данька наблюдал, как извергаются голубые молнии из шлема, как судорожно пульсируют манипуляторы, выплёвывая электрические разряды и пытаясь дотянуться до него. Дисковод застонал и диск взорвался. Манипуляторы обмякли, шлем обуглился. На обложке диска бессильно метался нарисованный огненный демон.

– Боже! – всё шептал и шептал Данька.

Две сотни миль

Сегодня солнце светило совсем по-другому. Оно не слепило глаз, не заставляло обливаться потом и искать укрытие. От него не болела голова. А воздух, прежде обычный, теперь наполнял лёгкие сладостью, как будто вереск ещё не отцвёл. Дышалось свободно и упоительно. Ветер ласково трепал всклокоченные волосы, то и дело меняя своё направление, играл, забираясь под рубашку, заставляя сердце трепетать от восторга. Большое кудрявое облако в виде скачущей во весь опор лошади, задержавшись над холмами, меняло форму на глазах. Вот оно уже больше похоже на могучего кита, выпускающего высоченный фонтан. Нет, это быстроходный клипер «Катти Сарк». Спешит пересечь океан. Его паруса надулись от попутного ветра. Ещё миг – и они вспорхнули стаей перелётных птиц. Хотелось пробежаться, как в детстве, по налитым золотой росой холмам, упасть в душистую траву и зарыться в неё лицом, слушая, как стрекочет над ухом кузнечик. Жадный взор нащупал над ближним холмом неуверенное движение бабочки, издали похожей на лепесток розы – она как будто не могла решить, куда ей лететь.

«Лети ко мне!» – ревнуя к ветру, вздохнуло сердце. Губы остались сомкнуты. Ведь нельзя же говорить с бабочкой человеческой речью. Воздушная танцовщица, откликнувшись на зов, снова вспорхнула из травы. Поддерживаемая галантным ветром, она, не спеша и не нарушая

торжественности момента, приближалась, не замечаемая никем из сотен людей, собравшихся на площади.

Наверное, было очень шумно, но сейчас до слуха доносились только нужные звуки. Шорох полевых цветов, колышущихся от ветра. Бодрое жужжание пчелы, собравшей нектар. А вот стая воробьёв, оголтело чирикающая, пронеслась над головой.

И дивный запах жизни, источаемый природой, проникал в самую душу.

Ещё была радость. Настоящая, впервые за много лет.

Вот-вот настанет миг расплаты. Момент истины, который так долго медлил с приходом.

К нему стремились и ум, и сердце, томясь в ожидании, не находя покоя долгими ночами.

До тех пор, пока он, наконец, не прошёл пешком эти две сотни миль, чтобы сдать местным властям.

Волнующейся толпы, которую едва сдерживала стража, он не видел.

Рук, перетянутых за спиной верёвкой, он не чувствовал.

Оглашённого судьёй приговора он не слышал.

Вот на голову уже был надет чёрный мешок, но он всё равно не мог помешать видеть бабочку – нежное создание, осколок солнечного света, летевший к нему навстречу.

На городской площади вешали разбойника.

14 часов

Набегая на прибрежные камни, лёгкие морские волны ласково окутывали их на мгновение и отступали, теряясь в утомлённой дневным неистовством пучине. Их мягкий шёпот убаюкивал, умиротворял древние молчаливые

скалы, нависшие над узкой полоской берега. Тонкий серп молодого месяца, купаясь в лёгких тучках, небрежно озарял их серебристо-тёмную волнистость. На одном из прибрежных камней спиной к скалам неподвижно стоял на коленях старец, чьё худое лицо было почти полностью скрыто белой бородой. Глубоко посаженные глаза ясно взирали на мир из-под густых кустистых бровей. В широких, изъеденных морской водой и ветром ладонях старик держал плетёные самодельные чётки. Огрубевшие от работы узловатые пальцы не спеша перебирали верёвочные зёрнышки одно за другим – молитва за молитвой.

Но вот пальцы замерли – прервалось размеренное дыхание, память, беспрепятственно пройдя сквозь время, выхватила молодое мужское лицо. Измазанный грязью воин лежал на тёплых горных камнях, терпеливо наблюдая за верандой одноэтажного кирпичного дома через затемнённое стекло оптического прицела Мини-Драгунова.

Вот уже четырнадцать часов, как он ждёт на позиции, не имея права встать и размяться. Другого случая может и не представиться. Он получил приказ ликвидировать командира бандформирования. Сейчас цель была внутри изъеденного выбоинами от пуль кирпичного дома.

На грубой деревянной скамье у веранды сидели два бородатых парня в камуфляже и щёлкали семечки, положив автоматы на столик перед собой. Боевики хоть и беседовали, но всё же не переставали поглядывать на усыпанную раздавленными ягодами тутовника улицу и большой сад, прижавшийся плетнём к обмелевшей горной речке.

Контрактник ждал. Он умел ждать. Снайпером он стал не случайно. В свои тридцать два года он уже был заслуженным мастером спорта по стрельбе и знатоком восточных единоборств. Его профессией, хлебом и даже жизнью была война. За последние двенадцать лет он побывал во многих горячих точках планеты. Даже в Израиле и Эфиопии ему находилось дело.

Наконец открылась входная дверь. Из дома вышел бородатый мужчина с обожжённым лицом в военной форме без знаков отличия. На руках у него сидел мальчишка лет пяти, крепко обхватив его талию ногами. Мужчина смеялся над совсем маленькой девочкой, которая «ехала» на его правой ноге, цепко ухватившись за неё. Следом за мужчиной из дома выходила раскрасневшаяся молодая женщина в цветастой косынке и весело грозила пальцем девчушке.

Телохранители вскочили на ноги. Один из них дал сигнал водителю стоявшего неподалёку внедорожника и, вскочив на крыльцо, стал оглядывать окрестности, задрвав дуло автомата в сумеречное небо. Автомобиль осторожно дал задний ход прямо к веранде, стараясь не задеть беседку из виноградной лозы и яблоню. Снайпер занервничал. Оставались считанные секунды, а мальчик всё не слезал с рук, несмотря на уговоры матери. Сейчас машина заслонит от него цель, и задание останется невыполненным. Четырнадцать часов против нескольких секунд.

– Слезай, – беззвучно прошептали его пересохшие губы.

– Уходи! – крикнуло сердце. Ещё секунда. И ещё.

– Ну что же ты, пацан, – выдохнул он, спуская курок.

Венгерская пуля прошла расстояние в шестьсот метров за один миг, мягко проткнув густой вечерний воздух.

Мальчик судорожно обхватил шею отца, который, захлебнувшись собственной кровью и страшным проклятьем, уже падал на земляной пол веранды, пытаясь непослушными пальцами зажать рану в спине сынишки. Двухлетняя девчушка, напугавшись неожиданного падения и пронзительного крика матери, истошно заорала, пытаясь выбраться из-под папиной ноги. Стоявший на крыльце брат убитого, бросив оружие, рванулся, схватил племянника и, убедившись, что маленькое сердечко уже не бьётся, завыл страшно, почти по-звериному, прижимая тельце к груди. Второй уже палил

из автомата наугад в сторону горы, через речушку, надеясь зацепить невидимого стрелка.

Поздно. Снайпер, матеря всё и всех, уже бежал вниз по склону, пригибаясь то и дело. Он надеялся добраться до части ещё до наступления темноты. Там его ждал командир и, вероятно, новое задание. А где-то далеко отсюда – жена и маленькая дочка.

Седовласый старец едва подавил стон. Слезы привычно полились по морщинистым щекам. Глаза закрылись. Пальцы, помедлив, вновь тронули зёрна чётков.

– Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей и по множеству Щедрот Твоих очисти беззаконие мое, – зашептали губы слова молитвы. Сердце, раненное грехом, отозвалось тяжкой болью.

Равнодушно плеснула волна, месяц спрятался в тучу. Старик положил земной поклон и долго-долго не поднимал головы...

Вот уже более полувека живёт он у ставшего родным жгучего северного моря, оплакивая один-единственный выстрел.

Прекрасная даль

Была свежая майская ночь. Убывающий месяц заботливо освещал старую яблоню, увешанную медленно созревающими зайцами. Из-за лунного серебрения чудилось, что это вовсе и не яблоня, а украшенная к Рождеству ёлка, слегка тронутая инеем. Ветви её устало склонились к земле. Вот дозрел первый побелевший заяц, выросший до размеров овцы, оторвался от ветки и с лёгким шорохом шлёпнулся на траву...

Сон, как обычно, прервался на самом интересном месте, когда урожай был почти собран. Несмотря на сомкнутые веки, становилось всё светлее и где-то за окном начали переливаться в трелях пеночки. Нежиться в постели не

стоило, ведь впереди много дел. Например, накормить мышей пророщенным овсом и семечками. На этот раз пушистики не привередничали и с удовольствием приступили к завтраку всем семейством.

Тесто, поставленное с вечера, уже поднялось в лохани. Пора затопить печь и делать караваи. Сегодня ведь нужно дать зайцам чёрного хлеба вместо овса, иначе однообразное питание им наскучит, и они вновь примутся за старую яблоню во дворе. А вместо моркови, пожалуй, подойдёт свёкла. Всякий знает, что у зайцев вредный характер. К каждому из них требуется особый подход.

Вскоре обычное для весничек «тю-тю-тю-тю, виу-ви-ви-ви» сменилось трескучим, словно голос старой швейной машинки, «сип-сип-сип, сир-р-р». Опять прилетели трещотки! Ну, вот, ведь снова ссорятся из-за места на яблоне! Надо вынести мучных червей для взбалмошных пеночек, чтоб отвлечь их от территориальных споров. Да пора уже и выговор им сделать, чтоб жили дружно – яблоня большая и места хватит обеим стаям.

Не забыть бы сшить для ежа мишку из старого каракулевого воротника. Вчера вечером показалось, что он был обижен. Он даже не допил молоко и почти не притронулся к мёду. Набить игрушку опилками или старыми тряпками? Дилемма... Конечно, правильные мишки должны быть плюшевыми, но где взять плюш?

Печатная машинка смиренно покоилась на письменном столе, ожидая заката. Издатель со сроками не торопил, повесть подходила к завершению. Всё было гладко, но чего-то всё равно не хватало. Красок, может быть. Или горных запахов. Что может оживить нарисованный мир?

Крыльцо заскрипело под ногами. Его бы починить, но без скрипа кому оно нужно?..

Дивный пейзаж захватывал взор и уводил мысли в плен: небольшой подлесок, начинавшийся сразу за земляничным холмом, постепенно

переходил в густой смешанный лес, медленно поднимающийся по пологой возвышенности. За лесом, чьи качающиеся кроны напоминали зелёный океан, начиналась величественная горная гряда. Дымчатые облака окутали вершины, таинственно скрывая их от взглядов. Солнце всегда начинает своё восхождение с этих гор. Когда оно частично скрыто облаками, те загадочно переливаются невиданными оттенками. А вечером, когда зардевшееся небо опускается ниже, лесной океан словно волнуется и бьётся шумным прибоем о манящие кручи. Сразу становится ясно: счастье живёт там.

Любопытные стрекозы появились словно из ниоткуда, отвлекая мысли от прекрасной дали. Выяснив, что ничего особенно интересного не происходит, умчались к ручью – подкарауливать мошек.

Ручей, появившийся три года тому назад, доставил много хлопот. Во-первых, и без него тут было вполне неплохо. Во-вторых, он затопил грядки с розами, предназначавшимися для варенья, и бесцеремонно подобрался почти вплотную к дому. Попытки изменить его русло ни к чему не привели. Всякий раз он неизменно топил розы и журчал песни все ночи напролёт. Однажды пришлось разыскать его исток, вернее, выход из-под кварцевых глыб у оврага. Плотина, которой могли бы позавидовать и бобры, направила тогда всю воду на лужайку с надоевшими одуванчиками. Теперь там неглубокий пруд, специализирующийся на массовом выпуске комаров. А ручей всё равно нашёл дорогу к дому. Впрочем, с ним не так уж и плохо. Вода в нём повкуснее колодезной, да и журчание убаюкивает вечерами. Положа руку на сердце, можно даже сказать, что он принёс в лощину новую жизнь.

Старая раскидистая яблоня заменяла собой целый сад. Последнее время её кору полюбили глотать зайцы. Причём делают они это почему-то не зимой, а летом. Уродовать дерево, перепачкав ствол извёсткой, не хотелось. Теперь приходится подкармливать всю стаю. Правда, кажется, с каждым разом их приходит всё больше. Но, может быть, это просто мерещится от нервов.

На холме показались серые уши с чёрными кончиками. Пар двадцать, не меньше. Ещё миг – и бесстрашные зайцы скатились с холма и уселись недалеко. Глупые, хлеб будет готов ещё только через пару часов. Ладно, сидите уж, ждите. Сейчас подам свёклы вместо аперитива. Временно помирившиеся «желтобоки» с верхних ветвей разглядывали зайцев и довольно щебетали какой-то сытый мотив о мучных червях.

Вечером ёж опять был недоволен и сердито кололся иголками. Не забыть сшить мишку!

После ночного дождя синие горы выглядят особенно притягательными в солнечном нимбе. Кажется, что ветер доносит оттуда золотой аромат выдержанного кальвадоса. А может быть, это просто запах яблок и обглоданной коры.

Пеночки ссорятся каждый день, а зайцы норовят подпрыгнуть повыше и откусить кусочек коры от яблони, стоит только отвернуться. Ручей порой переполняется водой и непозволительно близко подходит к дому. И почему этот ёж никогда не бывает доволен? И куда, наконец, запропастился каракулевый воротник?

На печатной машинке появилась пыль. Но как можно наполнить книгу свежестью четырёх ветров и запахом эдельвейса, когда в доме постоянно пахнет подгоревшей мукой и мышами? Безобразие!

Надоело постоянно замешивать тесто для неблагодарных зайцев. Да и яблоня-то не такая уж плодоносящая. Скорее, символ несуществующего сада, чем надёжный источник достаточно сладких яблок. Однако дерево жалко.

Уйти бы отсюда в те прекрасные дали! Туда, где нет ни мышей, ни затхлости, а только царственная красота природы и стройность бытия!

Невыносимо уже! Надоело! Птицы сами между собой разберутся, яблоня стояла тут и раньше – уже более тридцати лет. Выстоит и ещё столько же. В крайнем случае, можно волчье чучело привязать к стволу – в качестве пугала.

Правда, остаётся ручей... На самом деле нигде такой сладкой воды, как в нём, нет. Его ночных колыбельных будет не хватать. И как-то стыдно перед ним за ту запруду...

Решение пришло ночью, под пыхтение ежа. Сборы были недолгими. Только печатная машинка удостоилась чести отправиться в путешествие. Забрать бы ручей с собой, но как? Хотя, может быть, он найдет дорогу и в горы? Почему бы и нет?

Два дня пути – и вот она, награда! Небо тут – рукой подать! А облака – дотронешься – и всё забываешь. Красота, никакой суеты. Деревья – веточка к веточке. Зайцы воспитанные, птицы уравновешенные. Ручья вот только не хватает. Зато тишина. Правда, пейзаж теперь вдали самый обычный: скучная старая лощина. Но это позади. Всё, что нужно – вокруг.

А мишка-то?! Эх...

Золотое солнце, вынырнув из облачной постели, озарило умолкшую лощину: красно-зелёный холм, овраг, пустой ветхий дом, рухнувшую старую яблоню и пересохший ручей.

Олимп

Восхождение на Олимп – занятие вовсе не такое простое, как может кому-то показаться. Двадцать один километр от основания до вершины, как-никак. Путь предстоит неблизкий. Взбираешься, кровь в голове стучит, нога в утяжелённом башмаке всякий раз норовит поскользнуться на обманчивом грунте, скользком от инея. То выступ неудобный встретится, то дыхание собьётся. В экзоскелете, как назло, обнаружился дефект коленного сгиба. Беда с ним... Навигатор исправно указывает направление – не заблудишься. Пока солнце позади, можно не затемнять стекло. Хотя глазеть тут особо не на что. Пейзаж не радует взора. Голубой восход уже приелся за почти девять

лет. Куда ни кинь взгляд – пустошь, камни да пыль. Оно и понятно – на Марсе всюду так.

Сегодня второе августа две тысячи сто тринадцатого года по земному времени. Христо Калоянчев, штатный спасатель колонии-поселения провинции Фарсида, решил употребить положенные ему выходные дни на покорение высочайшей вершины двух миров – потухшего вулкана Олимп. На родном языке Христо это ареографическое место звучало как Тарсис. Что и повлияло когда-то на выбор младшего лейтенанта при распределении из Софийской Военной академии – ему захотелось ощутить себя чуть ли не Ионой.

Шаг за шагом далёкая вершина приближалась. Ночёвка в термопалатке прошла без эксцессов – отремонтированный генератор кислорода больше не барахлил. Скоро отпуск – через каких-то четыре месяца. Если не случится неприятных сюрпризов, как в прошлом году, когда с подменой вышла незадача, свой тридцать четвёртый день рождения он встретит на Земле, с родителями и старыми друзьями – те писали, что обязательно приедут ради такого случая. А потом – обязательно на море! Варадеро, скорее всего, хоть и дорого. Но зимой там всё ещё тёплая вода.

Раздались неясные звуки. Казалось, ветер свистит в ушах и шелестит рыжим песком. Первым делом Калоянчев проверил исправность передатчика и активной акустики. Всё в порядке вроде бы. Запасная частота молчала – его никто не тревожил. Внешний микрофон был отключён. Послышалось, наверное.

Шорохи повторились. Теперь это больше похоже на шумный серпентарий. Вот раздался издевательский смех. Или, всё же, радиопомехи? Проверка всех систем показала, что они функционируют вполне удовлетворительно. Герметичность тоже не нарушена. Видимо, сбой даёт организм. Давление. Или тромб закупорил сосуд в голове. Однако функциональная диагностика выдала обычные результаты. Нехорошо, ох, нехорошо... Не таким уж и

редким явлением было помрачение рассудка у вольных и невольных обитателей красной планеты. Глубоко вздохнув, Христо активировал программу теста по Зейдлицу. Нет, здравомыслие молодого капитана не покидало.

– Слава Богу! – облегчённо сказал он вслух.

– Какому ещё богу? – раздался властный голос. – Нас здесь много. Отвечай почтительно!

В скафандре внезапно стало очень холодно. Ужас парализовал волю и сделал ноги ватными. Ещё немного – и можно рухнуть прямо на россыпь камней.

«А ну, взять себя в руки!» – сам себе скомандовал Калоянчев. – «Тоже мне, офицер!» Но легко сказать...

– Откуда ты здесь, человек? – нетерпеливо продолжил голос с нотками презрения. – И как смеешь ты осквернять своими ногами святилище древних богов Марса?!

«Пока думаешь, что сказать, – делай реверанс! Это экономит время», – вспомнилась строчка из любимой сказки. Сосредоточившись, Христо попытался думать рассудительно. Розыгрыш со стороны товарищей исключён – все датчики безмолвствовали. Остаётся следующее: либо доктор Зейдлиц не всё учёл, составляя тест, либо голос реален. Оба варианта были совершенно неподходящими сейчас – на высоте почти шестнадцати тысяч метров, вдали от сослуживцев.

– Да будет нам позволено сказать, владыка Дий, – зашептало множество других голосов. – Разрешите нам убить нечестивца!

Калоянчев закрыл глаза. Как же он устал! Хоть бы это оказалось сном! Ноги не держали, пришлось присесть на каменную глыбу метеорита. Снятый рюкзак с палаткой аккуратно поставил между ног.

– Да, да, убить!

– Разорвать на куски!

– Задушить, выбросить в открытый космос, продырявить скафандр!

Голоса были разные – мужские и женские, все они кровожадно перечисляли немислимые по своей жестокости казни для дерзкого выскочки.

– Део, Арей, Эрис, Антерот и другие – тихо! Если человек поклонится нам и признает наше могущество – останется жить. Ты слышал, смертный?

Возникший из ниоткуда вихрь – пыльный дьявол, закручивая кремнезём с вулканическим пеплом в гигантский столб, благополучно пронёсся мимо в сотне метров.

Да что же это такое? Испугался смерти? Кадровый военный. Спасатель, привыкший ежедневно смотреть опасности в лицо. А не всё ли равно, когда умереть? Три дня назад в пылевой буре, сегодня от рук злобных богов, через неделю в ликвидации аварии на ядерном реакторе или от старости в постели? Важно умереть человеком.

Голоса требовали ответа, злились, неистовствовали, угрожали. Нужно как-то унять внутреннюю дрожь. Постараться их не слушать.

Стоп! Древние марсианские боги, избравшие местом своего обитания Олимп? Как-то пафосно. Боги без поклонников? А ведь на Марсе, согласно учёным, никогда не было разумной жизни, а все названия горам, впадинам и плато подарили люди, земляне. Как там те божества себя называют? Дий, Арей...

«Да это же Зевс и Арес! Юпитер и Марс!» – рассмеялся внутри себя начитанный Христо. Улыбка заиграла на его лице.

Как там у Давида? «Все боги народов – морок и прах, но Господь – Творец небес». На мгновение он мысленно перенёсся в родной Долни-Дыбник, на колокольню старинной белокаменной церкви пророка Илии, где алтарничал

мальчишкой ещё до службы в армии. Оттуда открывался прекрасный вид на голубое небо с облаками, терракотовые черепичные крыши и ржавый соседский трактор.

Он встал, первый в истории покоритель марсианского Олимпа, перекрестился, насколько ему позволил тяжёлый скафандр.

– Что это ты делаешь? – взревели десятки и сотни взбешённых голосов. – Да кто ты вообще такой?

«Простой болгарский пономарь», – подумал Калоянчев, а вслух твёрдо произнёс:

– Господь – Бог над всеми богами и высоты гор во власти Его!

– Да как ты смеешь, ничтожество? Твой Бог там, на Земле, а тут наше место, наша власть! – едва не задохнулись боги от неподдельной ненависти.

«Сказал бы я, где ваша власть...»

– Господня есть вселенная и всё живущее в ней! – продолжил Христо, закидывая рюкзак за плечи.

– Тебе не подняться на нашу гору, мы убьём тебя!

Что это – никак, нотки неуверенности?

– Кто взойдёт на гору Господню? Чьи руки неповинны, кто сердцем чист и клятвою лжи не скреплял! Помоги мне, Господи Иисусе!

Голоса смолкли, как будто и не было их вовсе. Лишь облачное, жёлто-оранжевое теперь уже полуденное небо над головой, хрустящий гематит под ногами и равнина Амазония далеко за спиной.

«Тоже мне, марсиане нашлись. Смуглые и золотоглазые, в Армагеддоне спящие», – рассеянно думал Христо Калоянчев и шагал дальше – к узурпированной бесами вершине.

Один год любви

Мартин сидел на парапете моста Ватерлоо, спрятав одинокие дрожащие руки в просторных карманах серого плаща. Вездесущий декабрьский ветер назойливо подвывал в ушах эхом проносившихся за спиной автомобилей, крутился вокруг и умудрялся забираться даже в рукава пиджака, отчего становилось ещё холоднее.

На обоих берегах Темзы горели огни. Красные, жёлтые, синие... Люди, утомлённые величественным спокойствием большого города, веселились и бравировали, словно напуганные мальчишки, пришедшие на кладбище ночью. Повсюду был праздник. Не тот, что пишется всегда с большой буквы, а тот, что подобно маленькой змейке, затаившись, гнездится внутри человека, нетерпеливо ожидая повода к веселью. Сейчас именно это настроение носилось в сгущённом воздухе. Только здесь, на мосту, было относительно тихо и спокойно. Можно успокоиться и попытаться забыть...

Ровно год назад они с Эмили впервые встречали Рождество вместе. Все необходимые покупки уже были сделаны заранее. В гостинной уютной квартиры на Стэмфорд стрит, в каких-то пяти сотнях ярдов от величественного телевизионного центра, ослепляющего своей белизной по утрам, ждал своего часа сервированный праздничный стол на двоих. Мартин слегка нервничал, опасаясь, что его возлюбленная не захочет садиться за стол в связи с тем, что для неё Рождество наступит в январе, а сейчас был пост. Это всё её странная религиозность...

Эмили ожидал приятный сюрприз. Даже два. Во-первых, Мартин, наконец, решился сделать ей предложение через год знакомства. Во-вторых, он заключил удачный контракт с одной агентской фирмой, и теперь мог позволить себе месячный отпуск. В ящике рабочего стола лежали изящное колечко с небольшим изумрудом под цвет её глаз и куча билетов на воздушные рейсы в салонах первого класса. Две недели в Ницце, неделя в Асуане и еще две недели в Монтрё. Номера в отелях уже были заказаны

заранее во избежание всяких там непредвиденных обстоятельств. Он всё предусмотрел. Это должен был быть великолепный медовый месяц. Просто восхитительный...

Весь тот вечер Эмили пребывала в возбуждённом состоянии. Словно в предчувствии чего-то важного, с горящими щеками, она подбирала пластинки, помечая карандашом на конверте подходящие композиции: «Ты и твой друг», «Кто хочет жить вечно», «Билет на небеса», «Один год любви».

Вскоре, отложив пластинки в сторону, Эмили ослепила его своей милой стеснительной улыбкой и предложила прогуляться. За окном, конечно, было неуютно, но в этот раз возражать Мартин не посмел. Одевшись, они вышли из дома и, держась за руки, отправились в ночную прохладу.

Ярко горели фонари, по набережной гуляла масса народу, отовсюду лился оживлённый смех, с оглушительным грохотом взрывались китайские петарды, танцевальные ритмы неслись со всех сторон. Воздух опьянял своей густотой, заставляя сердце биться сильнее. И Мартин понял, что самые важные слова он должен сказать своей избраннице в обстановке, хотя бы немного приближённой к романтической. Не рядом с уютным камином, а под открытым небом, пусть и не кристальной чистоты.

Украдкой посмотрев на часы, Эмили заволновалась. Мартин вспомнил, что через три с половиной часа наступит среда, и она откажется даже от рыбы. Чрезмерную религиозность своей избранницы он не порицал, но старался и не замечать. Сам он атеистом не был и даже посещал церковь, удобно расположившуюся как раз за его домом. Но меньше всего он понимал желание людей ограничивать себя во всём ради веры. Впрочем, Эмили это понимала и старалась не обременять Мартина своими заботами.

Он предложил девушке прогуляться пешком на северный берег по мосту Ватерлоо. Народу там поменьше: какая-никакая, а всё-таки романтика.

Обогнув Фестивал Холл, они, не спеша, двинулись к кольцевой развязке вдоль Хангерфордского моста, к которому уже второй месяц пристраивали нечто похожее на пешеходные дорожки.

Эмили была младше Мартина всего на год, но часто она вела себя, как девчонка. Вот и сейчас она задумала бежать наперегонки, приведя в недовольство пожилую леди с пекинесом. Сама собака от неожиданности рванула поводок в попытке спрятаться под припаркованным рядом «БМВ». Эмили рассмеялась и припустила бежать. Тогда Мартин, отбросив всё своё занудство, показал бедному псу язык и бросился за ней. Хотя бегун из него был невеликий, но догнать девушку не составляло большого труда, и он позволил ей оторваться ярдов на пятнадцать-двадцать. Время от времени она оборачивалась и заливалась смехом, приводя его в неопишное волнение. И вот тогда, когда до цели оставалось совсем немного, появился этот грузовик. Всё произошло как во сне – медленно и неотвратно. Вот он вывернул с Йорк роуд и завизжал покрывками, пытаясь избежать столкновения с проехавшим на красный свет белым фургоном. Движущийся навстречу грузовику спортивный «Ягуар», отчаянно засигналил, запечатлев грозную громадину ярким светом противотуманных фар. Раздался стук, и посыпалось стекло – это фургон врезался в заднее крыло малолитражки, слегка развернув её. Грузовик же занесло и потащило прямо на тротуар.

Навстречу Эмили.

Что-то стукнуло в мозг, и на мгновение земля и небо куда-то подевались. Затем всё вернулось, но продолжало плыть, оставаясь между тем на месте. Эмили, уже останавливаясь, обернулась на сигнал «Ягуара» и, растерявшись, заметалась. Её каштановые волосы взметнулись радугой, переливаясь в мимолётном потоке электрического света. Мартин рванулся изо всех сил, в попытке добраться до возлюбленной раньше грузовика. Из груди вместо крика вырвался какой-то нелепый хрип. Ещё десять ярдов! Ещё рывок!

Он упал.

Упал, запнувшись о совершенно ровное место, перекатившись через плечо, благодаря выработанной в юности привычке падать со скейтборда. Разбив локоть о мостовую, он замер в глупой позе. Опоздал.

Эмили умерла сразу же. Последнее, что Мартин запомнил, это как огромная железная туша, подпрыгнув на бордюре, ударила с глухим звуком. Закрыв глаза, он услышал звук падения тела, чей-то истерический визг и скрежет металла. Нечто тёплое оросило его лицо и забрызгало одежду. Спустя миг что-то медленно навалилось на правую ногу, с противным хрустом ломая кости. Боли Мартин не ощутил. Он не хотел видеть Эмили, не хотел видеть водителя грузовика, растерянного констебля, медиков и толпу шокированных зевак. Целую неделю никто не мог заставить его открыть глаза. Был ещё внутри какой-то крик – безмолвный и ненужный, как и соблезнования родных.

Выписавшись из клиники, Мартин прожил этот год, как сомнамбула, в полуреальности. Приходило медленное осознание всей серости жизни, с её неполноценными целями и мифическими идеями. И пустота, которую после ухода Эмили ничем не восполнялась.

Каждый день, возвращаясь с работы, он заходил в ресторан «Альберт» и зачастую просиживал там весь вечер, задумчиво уставившись в окошко с золотыми шторами сквозь круглые тёмные очки. За окном туда-сюда ходили люди. Призрачные фигуры – что их объединяет? Суета, забвение смерти?

В Эмили было что-то, чего не было ни в ком из них. Какой-то невероятно богатый внутренний мир, скрывающийся под внешней простотой, чистота восприятия, та лёгкость, какой не увидишь ни в жизни, ни на экране телевизора. Она была естественной там, где любой другой выглядел бы неудачливым клоуном. Мартин любил Эмили всем сердцем, всегда прощая ей любые недостатки.

Русские корни делали его возлюбленную ортодоксальной христианкой русской традиции. Тему религии он всегда старался обходить стороной, считая себя культурным и деликатным. Эмили же свою веру не выставляла напоказ, но и не прятала. Она проходила через всю её жизнь эдакой золотой нитью.

Один раз, просиживая в «Альберте» с нетронутым бокалом красного «Мальбек», он вдруг резко встал, чуть не опрокинув столик, и оставив деньги, стремительно выбежал на улицу под недоумённый взгляд официанта. Ему пришла в голову мысль, что он, не догнав любимую в ту трагическую ночь, тем самым оказался виновником её гибели.

Бросив бокал в урну у фонарного столба, Мартин поймал кэб, который быстро домчал его до ветхой готической церкви на Букингем Пэлэс Роуд, неподалёку от Виктория Стейшн. Вначале ему показалось, что храм совершенно пуст. Снаружи на улице ярко светили огни, но внутри было прохладно и темно, как в пещере. Пока глаза привыкали к полумраку, первое, что привлекло внимание, было именно отсутствие чего-либо. Не было ни скамеек, ни стульев, расставленных аккуратными рядами: перед ним расстилалось пустое пространство гладкого пола. Затем оказалось, что церковь не совсем пуста. В центральном и боковых приделах находилось несколько прихожан. На стенах висели иконы с мерцающими лампадками, а на восточной стороне горели свечи перед иконостасом. Пел хор, которого не было видно. Через некоторое время из алтаря вышел дьякон и обошёл церковь, кадя иконам и людям. Кто-то из прихожан стоял на коленях, кто-то ставил свечи.

Эту ночь он, упросив какого-то убелённого сединами старца в чёрном одеянии, провёл в церкви, стоя на коленях и утирая слёзы рукавом пиджака. Купленная им восковая свеча, горела в руке, отдавая всю себя Богу. Часы показывали, что он находится здесь ещё только три часа, а казалось, что прошёл год. Или вся вечность. Время тут бездействовало. Оно было

бессильно, подобно струям реки, омывающим большую скалу. Река высохнет, а скала останется.

И тогда зазвучала молитва, исходящая не из головы, а откуда-то из сердца. Она изливалась потоками, смывая слезами застарелую накипь.

Дома он как-то неожиданно обнаружил в себе способность любить настоящего, открывая душу, жертвуя себя целиком. Целый год он, впоследствии, мечтал повернуть время вспять и успеть сказать Эмили то, о чём молчал целый год их знакомства. Лелея неугасающую надежду о встрече, он вставал по ночам для того, чтобы дожидаться утра, стоя на коленях перед иконой, подаренной ему митрополитом Энтони в память первого причащения. На иконе был изображён грозного вида ангел. Мартин не умел читать по-славянски, но полагал, что это Михаил, победивший дьявола в небесной битве.

От постоянных переживаний и душевных мук силы его с каждым днём истощались, он стал терять в весе. Близкие советовали забыть обо всём и уехать куда-нибудь развеяться. Но Мартин именно этого и боялся. Благополучное одиночество. Что может быть хуже? Как там поется в песне: «Всего лишь один год любви лучше, чем вся жизнь в одиночестве». Музыкант прав...

Сегодня он украшал свою квартиру еловыми ветками, собранными в парке. Праздничный стол в гостиной был сервирован на двоих. В ящике письменного стола вновь лежали билеты на авиарейсы первого класса. Опять были заказаны номера в отелях. Ницца, Асуан и Монтрё. Эти города Мартин видел во сне целый год. Города и Эмили.

Он положил на стол так и не подаренное колечко, подойдя к камину, взял с него пластинку и заботливо вытер с неё годовую пыль рукавом дорогого пиджака. На обложке была сделана пометка карандашом. «Один год любви».

Третья композиция одиннадцатого альбома группы «Queen». Они танцевали под неё вальс.

Накинув плащ, Мартин, сторбившись под его тяжестью, незаметно выскользнул на улицу. Затемнённые очки защищали от вездесущих взглядов прохожих, режущих глаз фонарей и автомобильных фар. Ветер встретил его колючим ударом в лицо, словно понуждая вернуться обратно к теплему камину, в опасные объятия клетчатого пледа, в столетний плен одиночества.

Весь маршрут Мартин прошёл быстрым шагом, глядя себе под ноги. Люди, все те, что вчера ещё были заняты собой и своими делами, сохраняя деловой вид, сейчас громко смеялись, кричали, смотрели в лицо. Вдруг показалось, что в лицо ему глянул сам дьявол, расхохотался, свирепо защёлкал зубами и ускакал в ночь. На месте гибели Эмили стоял какой-то парень и в пьяной ярости топтал мобильный телефон, сопровождая свои действия бессвязными ругательствами. Мгновением позже его стошнило прямо на тротуар. Не выдержав, Мартин жалобно вскрикнул и бросился бежать, преодолевая яростное сопротивление ветра, упорно не желавшего отдавать ни дюйма своей территории без борьбы. Остановился он лишь на мосту, хромя на разрывшуюся ногу и бормоча под нос невысказанные признания в любви. Спокойствие наступило нескоро...

Чёрная гладь воды.

Сюда праздник ещё не успел просочиться, и Мартин решил остаться здесь, пока не наступит полночь. Устав стоять, он сел на парапет и свесил ноги, повернувшись спиной к Лондонскому Глазу, гадкой статуе слона из ночных кошмаров Дали и ко всему миру. Никуда, кроме приятной темноты внизу, смотреть не хотелось. Потому что везде был праздник. Тот, что с маленькой буквы. И ещё эти яркие огни, словно бритвой, режущие глаза. Больно.

Возмущённо пропел Биг Бен. Вот и полночь.

Сзади раздался гудок. Пронесся Дабл Дэккер – двухэтажный автобус. Красный такой, с огромной рекламой какого-нибудь джемпера из шерсти ламы за пятнадцать фунтов.

Истошно завывал ветер, в кровь раздирая своё тело о металлическое решето парапета. Мартину показалось, что он слышит какие-то звуки просьб о помощи, исходящие снизу, и он наклонился, пытаясь разглядеть что-то неясное во тьме.

Внезапно налетевший сильный порыв ветра подтолкнул его в спину, сбрасывая вниз, навстречу смерти...

В самый последний момент Мартин инстинктивно, на подсознательном уровне, выбросил руку и судорожно ухватился за орнамент на парапете. Очки, соскользнув с переносицы, ловко нырнули в бездну. Подтянувшись, он легко перебросил молодое тело из бездны обратно на мост. В висках бешено стучала кровь. Перед глазами парила красная дымка. Дрожали руки, тщетно пытавшиеся найти в карманах сигареты. Он жадно глотал густой воздух, не в силах оторвать взгляда от чёрной толщи воды, где, щёлкая зубами, бессильно метался недавний знакомый. Морда льва с кольцом в бронзовой пасти спасла ему жизнь. Нужно покинуть парапет, так будет спокойнее.

– Мартин, – позвал его кто-то мягким нежным голосом. Обернувшись, он увидел красивую девушку, смотревшую на него ровным ласковым взглядом. Она сразу же понравилась ему тем, что её изумрудные глаза светились спокойствием, а не тем праздником-с-маленькой-буквы. Не сказав больше ни слова, девушка взяла его под руку и повлекла по мосту на северный берег.

Казалось странным, что ей известно его имя, но сомнения тут же исчезли, стёрлись из памяти. Всё было хорошо, вот только какая-то малозначительная деталь все крутилась в голове, путая мысли, что текли сейчас, подобно самым медленным рекам мира. Что-то казалось упущенным из виду.

Однако, переведя взгляд на девушку, Мартин поспешил выбросить всё из головы и предоставил событиям развиваться самим по себе.

Они миновали мост и теперь, не спеша, шли по улице Стрэнд, мысленно беседуя, не обращая никакого внимания на отсутствие людей, машин и ярких огней. Должно быть, все разошлись по домам. Да и без них было как-то лучше.

Вскоре они дошли до Трафальгарской площади, где обычно громоздилась колонна Нельсона (скорей всего её наконец-то сняли с пьедестала французы). Величавые бронзовые львы, лениво расположившиеся вокруг, равнодушно смотрели куда-то вдаль. Им было всё равно. Облепившие их голуби, сидели, нахохлившись, и угрюмо созерцали серые лужи, лишённые отражений. Лишь Рождественская ель из снежной Норвегии разбавляла затянувшееся молчание своим торжественным присутствием. Площадь лениво спускалась к сонному царству, господствовавшему сейчас в парке святого Джеймса. Парк был пуст. Ведь люди разошлись по домам.

Мартин мучительно пытался что-то вспомнить. Это было очень важно. Но попытки вновь и вновь оканчивались неудачей. Вдыхая сказочно чистый, опьяняющий своей небывалой лёгкостью воздух, он разом отбросил все переживания. В самой его душе рождались стихи. Даже песня, которую он боялся, а может, стеснялся сочинить.

*Снилось мне, что я был влюблён
В бесконечно мудрую ночь,
В лунный бледно-палевый луч,
Упавший в пропасть
Древних незапамятных дней.
Пламенем судьбы опалён,
Голос мой уносится прочь,
Разбивая занавес тьмы,
Накрывшей город,*

Пробуждает слёзы дождей.

Однако строки, упорно не желая рифмоваться за просто так, ускользали от него и терялись из памяти, и в том было их особое очарование и преимущество.

Они остановились у чёрного круглого пруда, пытавшегося спрятаться за вычурными, словно из какой-то сказки вышедшими, деревьями. Был ли здесь пруд? Мартин не мог сказать с уверенностью. Но вот на воде появились лебеди и успокоили одним лишь своим присутствием. Всё вокруг было прекрасно и не требовало никакого анализа. Девушка молча стояла рядом. Молчал пруд. Молчали деревья и лебеди. Молчал и Мартин. Зачем слова, когда всё ясно и без них.

Чёрная гладь воды. Тихое место. Спокойное. Мартин уверенно подошел к стойке павильона. Здесь всегда был павильон. Заметив на камине стопку пластинок, он снял одну, вытер годовую пыль рукавом плаща и, отыскав карандашную пометку, зарядил виниловый диск в проигрыватель.

Это была его любимая песня. Она называлась «Один год любви». Павильон вдруг куда-то поплыл, и появилась музыка. Она была живая и вполне осязаемая. Девушка подошла сзади и ласково обняла его, прижавшись горячее, как жар, щекой к его плащу. Это был вальс, и они закружились в танце. Сейчас они жили в ином мире. Вокруг был густой тягучий туман. С появлением каждого нового звука, его цвет менялся, никогда не повторяясь дважды. Из ниоткуда появлялись самые разные оттенки, они были горячие и мягкие на ощупь. Всё вокруг кружилось и звало за собой.

«Я жду твоего прикосновения; столько ещё осталось недосказанным», – это были его мысли или, всё же, слова из песни? Вот пришёл новый поток звуков и понёс их дальше. Мартин узнал его – это саксофон. А те маленькие ручейки, что пронизывали время насквозь, оплетая взор мелодичной феерией красок, оказались звуками скрипки.

Повсюду было небо. Оно плавно надвигалось со всех сторон, разбавляя своим присутствием густоту музыки.

Мощный вихрь, поднимаясь фонтаном животворящего тепла изнутри самого себя, взметнул высоко вверх зыбкие потоки реальности и расплескал их в бесконечно далёком, но близком небе. Мартин очнулся. Песня окончилась. Как прекрасна может быть жизнь! Обернувшись к девушке, он понял, что давным-давно любит её. А ведь всё могло оказаться иначе. Не ухватись он за кольцо в львиной морде, не было бы всего этого. Девушка нежно смотрела ему в глаза, внимая мыслям. Этот знакомый взгляд.

– Эмили.

– Что, дорогой? – откликнулась она.

Слёзы, обжигая душу, полились ручьями из его больных глаз. Он задыхался, как астматик, будучи не в силах вымолвить и слова. Он хотел рассказать, как любит её, поведать, что в тот самый день он не успел сделать ей предложение и подарить колечко. А ведь в ящике его стола лежат билеты. Несбывшийся медовый месяц. Как плохо ему было в той ужасной клинике... все эти психотропные... Как он страдал целый год. Как больно резал глаза красный свет на улицах. Как он заново обрёл веру. Как он чуть было не упал в голодную реку. Как ему сейчас холодно и страшно.

– Я всё знаю, мой милый. Мы скоро встретимся.

Как ясная молния, прорезающая бархат звёздного неба, вспыхнуло что-то в мозгу. Он вспомнил.

Вспомнил ту важную деталь, которую его подсознание инстинктивно прятало в самую глубину забытого, где хранились воспоминания о неудачных падениях и давних страхах. Всё было предельно просто. Парапет на мосту Ватерлоо давным-давно уже был бетонный и не имел никаких орнаментов. Не за что ухватиться. Львиная морда хитро подмигнула, расплылась в улыбке и рассмеялась, было диким хохотом, но оказалась

рассеяна светом, исходящим от появившегося рядом ангела с огненным мечом. Кольцо выпало и медленно уплыло куда-то вдаль. Мартин перевёл доверчивый взгляд на ясное небо.

Чёрная гладь воды.

Биг Бен пробил полночь.

Всплеск.

Чудесный улов

Ярко-лимонный диск солнца поднимался с верховья Ангары, заливая тёмную её поверхность мириадами золотых мотыльков. Трепеща крылышками, они принялись перекрашивать широкую, едва колеблющуюся гладь кобальтовой синью. С каждым мгновением река всё больше напоминала необмерзшую молнию, вытекшую из самого лона небосвода. Живую, но ещё сонную, искрящуюся колючими статическими разрядами. Октябрьские янтарные всполохи обрамляли оба берега. Влажный, неповторимый аромат осени наполнял собой всё пространство от безоблачных высот до жидкого шёлка ставшей уже лазурной воды.

Между высоким каменистым мысом, врезавшимся в безмятежную глубину, и могучим валуном, что сушил свою плоскую спину в полусотне метров от берега, покачивалась небольшая заякоренная лодка. Борта, разрисованные белым и зелёным, были совсем невысокими, но пенопластовая прокладка между двумя дюралевыми листами обшивки делала это судёнышко практически непотопляемым.

С хрустом потянувшись, Каменчук мотнул головой в сторону маленького пластикового контейнера со свежесоленной икрой. Первов хмуро кивнул в знак согласия. Стоило подкрепиться, прежде чем менять место ловли. За всю ночь в двустенной лесковой режи – ни единой рыбки! А в ресторан нужно сдать порядком, чтобы принести домой хоть немного денег. Андрей

нарезал хлеб и сначала соорудил пару бутербродов для товарища, а потом уже стал угощаться сам. Выпили для сугреву по чуть-чуть. Больше по привычке, чем имело смысл, покидали спиннингом кораблик с мушками. Глухо.

– Слышь, Сём, надо сворачиваться, – нарушил тишину Первов и стал вытягивать снасти, аккуратно укладывая их на транце.

– Наверное, вчерашний таймень спугнул всю рыбу, когда охотился, – предположил Каменчук, снимаясь с якоря.

Почесав рыжую щетину, Первов на мгновение перестал возиться с сетью, затем несогласно помотал головой.

– Да ладно, Андрюха, он же был почти метровый. Не таймень, а натуральный бирюк! – Мозолистые ладони широким жестом показали предполагаемые размеры виновника впустую потраченной ночи.

– Он мог спугнуть только мирную рыбу. А куда тогда подевалась вся щука?

В ответ Каменчук невнятно замычал и налёг на вёсла, разворачивая моторку вниз по течению – туда, где Ангара сливается с Енисеем в одно целое. Заводить восьмую сузуку не стоило – вдруг ещё повезёт с клёвом.

Не проплыв и трёх сотен метров, рыбаки увидели странного человека. Стоял на пологом участочке каменного побережья, у самого устья безымянного ручья. Стоял и глядел на них, как будто ждал чего-то. Но как он сюда попал? Ширина реки в этом месте – более километра. Берег очень крутой, а у него ни лодки, ни крыльев...

– Есть ли у вас что съедобное? – будничным голосом спросил незнакомец. Словно сосед по лестничной клетке зашёл за солью.

Первов уже хотел было сознаться, что помимо хлеба у них есть целое ведро слабосоленого хариуса, но тут Каменчук еле слышно зашептал:

– Вдруг маньяк какой, а? Пришвартуемся, а он нам пику в бок...

И, работая вёслами против течения, держась на безопасном расстоянии, вслух громко сказал:

– Нету ничего. Всю ночь ловили и ни одной рыбки не поймали.

– Вот тут самое рыбное место. Бросьте свою сеть с той стороны и увидите.

– Слышь, Сём, нехорошо. Надо накормить его да подбросить, – насупившись, пробурчал хлебосольный Первов.

Каменчук и сам это понимал, но идти на попятную не хотелось. Не зная, что сказать, он молча бросил якорь и дал знак кидать сеть. «Сделаем, как предложил блаженный, затем я картинно рассержусь, да и ходу отседова», – думалось ему.

Поплавки резко ушли под воду.

«Поймали топляк!» – испугался Семён.

Но водная гладь тут же вскипела от рыбы. Играя на солнце блестящей разноцветной чешуёй, она, казалось, насмехалась над двумя матёрыми рыбаками.

– Андрюха, тяни!

Лодка угрожающе качнулась, и Каменчук бросился на помощь другу. Подтянув переполненный редель к борту, он судорожно закрепил его и завёл японский мотор.

– Якорь, Сёма, якорь!

– Да чтоб!

Позабыв о мнимой опасности, пристали к берегу. Камни гулко застучали по днищу, но ничего плохого лодке сделать не могли – пара-тройка небольших вмятин, не более. Рыба билась за бортом в сетях, но деваться ей было некуда.

– Это, а где тот мужик, а?

Первов молчал, глядя на дымящийся котёл на костре. Незнакомец как сквозь землю провалился. Впрочем, ближайший посёлок не более чем в семи километрах отсюда. Ну ведь как-то же он сюда попал!

Спустя несколько неловких мгновений друзья заглянули в котелок – там оказалась самая настоящая уха из двух ленков. С потрошками и жирком, картошкой, нарезанной соломкой, и даже целой луковицей. Затушив кусочек уголька в душистом вареве и вылив в него стопочку водки, рыбаки с удовольствием позавтракали, после чего принялись осматривать улов. Множество, множество рыб! Тут был и хариус, и красавец ленок, и щука, уйма окуней, серебристых язей...

И таймень. Тот самый, вчерашний, что весь вечер бил мелочь у камня. Огромный, чуть более метра в длину, он играл тогда на поверхности воды, озаряемый закатом. И вот он здесь, на берегу.

– Слышь, Сём, сколько всего поймали?

Посопев пару минут над чудесным уловом, Каменчук ответил:

– Сто пятьдесят три. Сказочное везение.

Тигр, тигр

Пылающей молнией могучий зверь резко вылетел из-за молодых стволов деревьев, гулко приземлился на мягкую траву, метнулся из стороны в сторону, словно бы в растерянности, затем остановился, хлестнул себя тугим хвостом по пушистым бокам и зарычал, разгорячённый. Другие животные ходили поодаль, не выпуская из поля зрения человека. Тот стоял посреди лужайки, улыбался и смотрел, как большой полосатый зверь ходит кругами, явно сдерживаясь, чтобы, превратившись в огненный всполох, не умчаться вмиг за горизонт. Мускулы зверя перекачивались под великолепным мехом,

словно волны. Казалось, он сам был подобен воде. То игривой, податливой, а то и грозной, стремительной, неудержимой, и потому, непостоянной. Человек наблюдал, как зверь нетерпеливо царапает тёплую почву, затем приблизился, взял в руки его лапу и рассмеялся, когда когти втянулись в подушечки.

– Острые, – сказал он.

Зверь повёл ушами, прислушиваясь.

– Как вода, – добавил человек, проведя рукой по спине зверя. Тот прищурился, довольный.

– Стремительный, быстрый, как река, – подвёл итог человек. – Имя тебе будет Тигр.

Тигр, закрыв глаза, издал глухой рёв, вложив в него восторг и ликование. Остальные звери присоединились к нему, трубя, рыча, воя и лая. Тигр, тигр!

Человек нравился тигру. Часто зверь, не осмеливаясь обозначить своё присутствие, сквозь листву наблюдал, как тот вникает в законы деревьев и трав. Тигр многое знал о растениях, различая их по внешнему виду и запаху, но не в силах был, к примеру, сделать яблоки слаще. А человеку, кажется, удавалось всё. Увидев, что тигру пришлось по вкусу финики, он также заметил, что лазить по деревьям крупному зверю не по нраву. Хорошо ещё, когда слон пошатает дерево, и спелые жёлтые плоды в изобилии осыпятся на землю, а то ведь приходится подбирать понемножку.

И тогда человек придумал выход. Тигр когтями расплосовывал гладкий ствол, после чего в ход шёл каменный нож, которым непокрытые шерстью человеческие руки отрезали длинные полоски коры. Одну за другой, пока пальма не оставалась почти голой. Вскоре после этого начинался рост воздушных корней, которые свисали наподобие львиной гривы. Затем аккуратно срезалась верхушка вместе с корнями и пересаживалась рядом. Это, конечно, стоило немалых усилий со стороны человека. Высота такого

чуда обычно не превышала роста слона, который старался обходить её стороной, чтобы случайно не повредить. Насадив несколько "тигровых пальм", как в шутку назвал их человек, он отдал их тигру. А из срезанной коры потом плёл корзины и верёвки, которые использовал для возделывания земли и разведения растений.

Тигр любил одиночество и жил у одной из рек, той, что побыстрее. Ночами, прежде чем уснуть, он подолгу смотрел на струящееся серебро воды и прислушивался к плеску рыб. Днём же тигр неизменно приходил к человеку, чтобы понаблюдать за его делами, получить порцию ласки и послушать его голос. Когда человек говорил, это будоражило всё звериное естество, наполняло радостью и силами. Хотелось бежать, плыть, царапать древесную кору, хлестать хвостом и прыгать. Голоса других зверей тигр научился копировать довольно похоже, но человеческий голос был особенным. Он как будто скрывал некую важную тайну, которая способна была наполнить тигриную жизнь новым, совершенным смыслом.

Однажды утром тигр проснулся от сильного возбуждения. Сам не свой, он встрепенулся, вскочил на прибрежный холм, покрытый ароматной сочной травой. Огляделся, приняхался. Казалось, всё было, как всегда, но чувство тревоги не отпускало. Позавтракав финиками, тигр почему-то не ощутил сытости. Опавшие груши как будто потеряли всю свою сладость и вкусом больше напоминали побеги тамариска, нежели нечто по-настоящему съедобное.

Из-за куста можжевельника вышла газель и уставилась на тигра. Тот собирался, было, приветственно рыкнуть и уйти прочь, но вдруг обратил внимание, как бьётся на её шее артерия. Ещё миг, и глухое шипение крови, толчками проходящей по сосудам, полностью завладело вниманием тигра. Газель мелко задрожала и отступила на шаг назад. Ноздри тигра расширились, и он, не отдавая отчёта своим действиям, фыркнул, топорща длинные усы. Мгновение – и газель, в ужасе отпрянув, длинными прыжками

умчалась прочь. Остаток дня тигр провёл, забившись в небольшую пещерку у реки, пытаясь успокоиться, а уже ближе к вечеру пошёл повидать человека.

Тот зачем-то опоясался смоковной листвой, и теперь немного смахивал на павлина. Пах человек сегодня как-то по-другому. Наверное, из-за листьев. Заметив тигра, человек скривился в улыбке и сказал неожиданно резким и неприятным голосом:

– Иди сюда!

Шерсть на загривке вздыбилась сама собой, сотня невидимых колючек словно впились от шеи до самого кончика хвоста, и тигр, прижав уши, зашипел, одновременно пятясь назад.

– Ну, вот, и ты тоже, – недовольно буркнул человек чужим голосом. Казалось, он просто открывал рот, а вещал кто-то другой. Вглядевшись в лицо, тигр понял, что перед ним совсем не тот, кто некогда нарёк ему имя. Не тот, кто обустроивает мир, не хозяин и не старший брат. Этот самозванец лишь немножко похож на того человека, которого некогда знали животные. Тигру стало страшно, и он, продолжая пятиться, зашёл за дерево, чьих плодов никто никогда не ел, повторяя за человеком. Как только его не стало видно, тигр стремглав бросился к своему логову, ловко огибая кустарники и встречавшихся ему обескураженных зверей. Прежнее жилище уже не казалось тигру безопасным, и он с разбегу прыгнул в быстрые воды реки. Выйдя на другом берегу, тигр нервно отряхнулся, бросил последний взгляд назад и ушёл навсегда.

Задымлённое небо пересекали белые полосы – следы от птиц, на которых летали люди, убивая друг друга. Животным доставалось совершенно случайно, ведь люди атаквали только сами себя, но легче от этого не становилось. Есть было нечего, ведь леса были полупустыми, а местами и вовсе выжжены. Тигр шёл осторожно, обходя стороной металлические

предметы – некоторые из них имели свойство издавать оглушительные звуки, сея смерть кругом. Так от камышового кота, неосторожно задевшего тонкую прозрачную верёвку, не осталось ничего, кроме брызг крови на ветках. Уж лучше бы он погиб во время охоты!

Тигр принюхался. Где-то неподалеку пахло кровью. Это не кровь зверя или птицы. Это был человек! Надо разведать. Всё выяснить. Мягко ступая по некогда плодородной земле, тигр напрягал все свои органы чувств. Где-то вдали грохотали звуки человеческой охоты друг на друга, перебивая шум быстрой реки. К запаху крови подмешивался запах уцелевших фиников.

Там, к одной из низкорослых пальм, выращенных, очевидно из-за того, что люди не любили лазать по деревьям, был привязан раздетый, сильно израненный человек. На его лбу была вырезана кожа в виде креста, а руки были раскинуты в стороны и примотаны к толстой доске, которая крепилась к пальме железом. Тигр недовольно фыркнул. Опять железо! Над головой человека крепился кусок картона. Тигр знал картон по запаху. В него люди часто помещали разные вещи. Чаще всего, съедобные. Но на этот раз едой не пахло. На картонке кровью самого человека были нарисованы какие-то закорючки. Тигр помнил, что таким образом люди общаются, когда не хотят говорить. Человек открыл глаза, с трудом разлепил пересохшие губы и промолвил:

– Здравствуй, тигр.

Странное чувство охватило лесного жителя. Слова будто бы проникли куда-то внутрь, как проникает свежее мясо, вызывая приятное тёплое ощущение сытости. В нерешительности, он остановился и принюхался. От человека пахло... тигриным логовом. Тем самым, которое когда-то сгорело в лесном пожаре. Он был непохож ни на тех, которые убивают друг друга громкими железными палками. Да и с теми охотниками, что надевают на затылки второе лицо из страха перед другими тиграми, у этого человека не

было ничего общего. Он не боялся. Не источал и угрозы. Его лицо не имело печати убийства ни людей, ни животных.

– Не бойся, подойди, – сказал человек.

Тигр приблизился прежде, чем сообразил, что делает. Этот голос хотелось слушать. Усталость от долгого дневного перехода куда-то исчезла. Человек страдал, и ему было неудобно находиться в неподвижном положении. Поэтому тигр обошёл его со спины и когтями разодрал верёвки, обмотанные вокруг ствола. То же самое он проделал и с руками человека. Тот упал лицом на землю и больше не шевелился.

Тогда тигр лёг на брюхо и подполз к нему, как обычно он делал с жертвой удачной охоты, и осторожно перевернул своей мордой.

Человек был без сознания. Шершавым языком тигр принялся вылизывать его раны, как он обычно поступал с самим собой. Когда, облизав лицо человека, он принялся за его волосы, тот очнулся и, посмотрев тигру в глаза, приподнял ослабевшую руку и коснулся шерсти на загривке. Тигр зажмурился, испытывая давно забытые чувства, когда его вылизывала мать. Человек погладил полосатую спину и прошептал:

– Как вода.

Тигр перевернулся на бок и подставил человеку мягкое пустое брюхо.

– Пить хочется, – пожаловался человек.

Вода была недалеко, но ни принести её сюда, ни отнести человека туда тигр не мог. Обычно люди носили на себе несколько шкур, и при их наличии, было бы, за что ухватиться зубами, но человек был раздет. Немного поразмыслив, зверь отломал ветку спелых фиников, рассыпав половину из них на тёплую землю, и аккуратно положил человеку на грудь. Тот сжал ветку в руке, с улыбкой взглянул на тигра и промолвил:

– Тигр, тигр...

Закрыв глаза, человек более не говорил ничего. Вскоре дыхание его стало прерывистым, и он умер.

Тигр какое-то время растерянно ходил вокруг человека, затем, повинуясь внезапному наитию, стал рыть когтями землю. Трудился он до самой темноты, ископав яму достаточную для того, чтоб человек смог в ней уместиться. Упираясь в покойного мордой, тигр столкнул его туда, после чего присыпал, работая задними лапами. Получилось не очень, и тигр решил пометить пальму, к которой был привязан человек. Для верности он также расцарапал несколько деревьев. Теперь каждый зверь будет знать, что тут тигриное логово, и обойдёт это место стороной.

Выбившись из сил, тигр с недоверием посмотрел на финики, но они пахли достаточно вкусно. Косточки легко крошились под мощными зубами, сладкая мякоть на удивление быстро насытила его.

Теперь тигру не хотелось охотиться, и он решил поплавать в прохладной реке с быстрым течением, которую люди почему-то называли Тигром. У самого берега плавал небольшой сом, уставившийся на грозного зверя. Тигр вошёл в реку и понюхал любопытную рыбу. Странно, но рассматривать сома как пищу не хотелось. Осторожно коснувшись его лапой, тигр прошествовал дальше и поплыл. Ласковая вода приносила умиротворение и покой. Луна серебрила мелкую речную рябь, и отдалённая стихающая канонада больше не тревожила тигра, нашедшего себе новый дом.

Иерусалим, Иерусалим...

– Мир тебе, добрый человек, – эти слова я обратил к невысокому старику, восседавшему на осёдланной верблюдице с богато украшенной сбруей. Несмотря на тщедушный вид, он явно был главным. Остальные скорее всего рабы, особенно вон тот исполин, похожий на кинейнина. Он напряжённо всматривался в меня, пытаясь понять, большую ли опасность я собой

представляю. Остальные спокойно взирали со своих верблюдов. Видимо, считали, что путешествующего в одиночку, которого они встретили у пастушьего колодца, бояться не стоит.

– Да пребудет мир и с тобой, – наконец промолвил старик. – Я охотно назвал бы и тебя добрым человеком, не будь ты разбойником.

Эти слова повергли в смятение всех его спутников. Кинянин, озираясь по сторонам, потащил откуда-то из-под одежд пращу, накинув её петлю на большой палец правой руки. Четверо обнажили узкие короткие мечи, ещё один направил было своего верблюда прямо на меня.

Мой насмешливый взгляд обескуражил рабов, и те вопросительно уставились на своего господина. Тот поднял руку вверх, предостерегая остальных от поспешных действий.

– Похоже, ты не один, и число твоих товарищей достаточно велико. Не станем проливать кровь. Земля и так настолько пропитана ею, что вместо хлеба производит одни только тернии на корм верблюдам. Я отдам всё, что принадлежит лично мне, но оставлю то, что предназначено Храму. Я должен исполнить волю своего господина, который послал меня с благодарственными подношениями в Иерусалим. В противном случае тебя ждёт достойный отпор. Бетрехав управляется с пращой не хуже благословенного Давида, и первой его жертвой станешь ты. Возможно, я погибну здесь, но зато избегну проклятья за нарушение обета, данного Всевышнему и моему господину.

Облокотившись на посох, я впери́л взор в старика.

– В твоих словах есть смысл, но как ты узнал о моём ремесле, мудрец?

Он пригладил свою редкую седую бородку.

– Как в воде отражается лицо человека, так в лице человека отражается его сердце. Ты злодей, но в глазах твоих светится разум. Думаю, мы придём к согласию.

– Ты смел и мудр. Откуда у тебя такое знание?

– Я не обладаю знанием, я лишь сливаюсь с ним, как капля дождя сливается с другой каплей. Знание также не обладает мной. Мы становимся одной большой каплей. Разделить нас невозможно.

Я задумчиво тронул бубенчик из дорогой коринфской меди на сбруе верблюдицы, равнодушно жующей фиолетовые цветы ежовника.

– Скажи, что за дар ты везёшь и почему он столь важен для твоего господина?

– Это драгоценные камни. Создатель благословил моего славного господина наследником в преклонных годах. Это великое чудо, за которое он хочет принять участие в благоукрашении Храма, которое, как он верно слышал, продолжается поныне. Итак, разойдёмся же!

Я задумчиво переводил взгляд с одного на другого. Бетрехав вызывал у меня самые большие опасения. Похоже, что мудрец прав. Этот великан успеет умертвить двоих-троих, прежде чем сам отправится к праотцам. Да и остальные, видимо, не впервые держат в руках мечи.

Тут я заметил движение за холмом. Беседа затянулась, и мои люди могли неверно истолковать заминку. Подняв руку вверх в условленном жесте ожидания, я издал резкий гортанный звук.

К сожалению, у одного из рабов не хватило выдержки. Видимо, он счёл, что я призвал подмогу. Направив на меня верблюда, несчастный, свесившись, сделал прямой выпад мечом. Чуть качнувшись в сторону, я резко ударил посохом по тыльной стороне его ладони. Оружие вылетело из руки нападавшего, я же, выхватив из ножен, скрытых за пазухой, персидский

клинок, ударил им прямо в грудь глупца. Раб обмяк и выпал из седла, притянутый моей рукой за одежды. Я продолжал следить за кинейнином. Тому потребовалось лишь мгновение, чтобы зарядить пращу. Не желая попасть под камень Бетрехава, я воспользовался телом поверженного врага, как щитом. В этот момент несколько стрел, пропев в воздухе, поразили ещё двоих из небольшого каравана.

Поднявшись из-за холма, мои люди напали на тех, кто оставался в живых. Выхватив из-за пояса тонкую искривлённую саблю, старик резво спешил и бросился на Бунима. Бывалый мечник отпрянул ровно настолько, чтобы, позволив лезвию рассечь воздух прямо перед ним, ответным выпадом пронзить противника насквозь. Но в следующий миг Буним уже пал, убитый страшной пращей Бетрехава. Следующий камень кинейнин пустил в голову Мелега, стоявшего на вершине холма. Всего только одним скупым взмахом могучей руки был смертельно ранен мой лучник, не ведавший промаха...

Возможно, пращнику удалось бы сделать много больше, не надейся он поразить меня. Я же продолжал прикрываться телом его мёртвого спутника до тех пор, пока он не был сражён двумя стрелами – в спину и шею.

Тотчас бросив труп, я извлёк из него свой кинжал и метнул его в бок последнего раба, оборонявшегося против мечника Газеза.

Проклятье! Потерять двоих – слишком уж большая роскошь!

Увидев, что мудрец ещё шевелится, я приблизился к нему. Он угасал.

– Благословен Судья Праведный, – прошептал он, озирая убитых.

Я молчал, задумчиво созерцая его пульсирующую рану. Тут бессильны даже египетские лекари.

Взор умирающего остановился на мне. Губы беззвучно шевельнулись, и он затих.

Практичные биньяминитяне уже отвязывали льняные тетивы с недешёвых луков, снимали нарукавники и напальчники. Ко мне подошел Горион – мой давний друг и помощник.

– Как сегодня делим добычу, господин? – его глаза улыбались.

– Друг, ты ли называешь меня господином? Не тебе ли обязан я жизнью? – я обнял Гориона за плечи.

– Но и моя жизнь продолжается лишь благодаря тебе, – осклабился он, понижая голос. – Ты долго беседовал о чём-то с этим стариком. Правильно ли я полагаю, что все его вещи следует оставить для тебя?

– Да, Горион, ты правильно рассуждаешь, впрочем, как и всегда.

Верблюдов уже держали под уздцы, оружие и поклажу собирали в отдельную кучу. Я встрепенулся:

– Оставьте убитым ровно, сколько пеший путник может нести на себе. Кроме дорогих вещей. Они не должны выглядеть так, будто их ограбили. Оставьте им какое-нибудь оружие поплоше. И пусть Малах принесёт сюда свой гладиус.

Когда моё приказание было выполнено, я бросил короткий римский меч на россыпь придорожных камней и наступил на рукоять. Жестом я указал Малаху на меч, выпавший из руки одного из рабов.

– Руби!

Тот досадливо почесал грязную шею, но выбора не было. Взревев, он широко размахнулся и одним ударом сломал свой любимый клинок. Зазубрившийся от такого испытания меч раба был теперь брошен рядом с его телом. Под дружный хохот товарищей Малах хмуро вернулся к прерванному занятию – обыску мертвецов.

Сломанный гладиус я швырнул к телам. Первое впечатление того, кто наткнётся на них: дело рук римских воинов. Богобоязненный иудей ни за что

не осквернит себя ношением оружия язычника, а мнимая сохранность имущества не даст заподозрить разбойничьего нападения. Люди разбираться не станут – поднимут шум, что римляне вновь обижают народ. Лишняя смута будет нам только на руку. Горион одобрительно хмыкнул – видимо, понял мой замысел.

Разделив добычу, мы с верблюдами отправились за пересохший поток Хораф, где погребли несчастных Мелега и Бунима под грудой камней, сотворив несколько положенных на этот случай молитв. Меч Бунима я отдал недовольному Малаху.

– Лучшим было то оружие, что я держал в руках, – бурчал он. – А это просто никчёмная ковырялка. Сойдёт разве что овец стричь! Газезу будет в самый раз.

Громкий хохот заглушил протесты самого Газеза. Имя мечника означало, что он был рождён во время стрижки.

Налетевший пыльный ветер заставил людей замолчать и пригнуть головы. Вскоре, созерцая только пыль под сандалиями, я предался воспоминаниям. Начинал своё ремесло я безусым юнцом. Покинув отчий дом, я примкнул к Элеазару и был верен ему много лет – до самой его кончины. На тот момент я пользовался наибольшим уважением после предводителя, так что место Элеазара занял с всеобщего молчаливого согласия. Уже более десяти лет я был для этих людей всем – и господином, и отцом. Мы никогда не оставались на одном месте более семи дней, меняли одежды, разбивались на группы. Никто из народа не знал никого из нас в лицо. Да что там говорить – о нашем существовании даже и не подозревали. Благодаря этому мы могли беспрепятственно проникать в любой из городов, не таясь и ничего не опасаясь.

Приближался праздник деревьев, и мы пришли к окрестностям Вифании, где и расположились, приняв все меры предосторожности. Я и Горион

отправились в Иерусалим, взяв из оружия только кинжалы, которые скрыли под богатой одеждой. Мечи брать не стали, дабы не привлекать к себе лишнего внимания. Остальные связками по два-три человека в разное время могут по своему желанию подняться в Иерусалим, а собраться вместе уже ближе к ночи в Гефсимании – по эту сторону Кедронского потока.

Путь много времени не занял – каких-то пятнадцать стадий, и вскоре мы пришли в великий город. В глазах пестрело. Что же тогда будет на Пасху? Вот уж где можно будет пожить – одних только чужеземцев хватит, чтобы каждому из нас поправить свои дела.

Почти не разговаривая, мы подошли к Овечьим воротам, осматриваясь и отмечая различные подробности вроде удвоенного против обычного числа римских легионеров. Да и среди простого народа то и дело попадались люди, вроде бы празднично проводящие время, но уж слишком внимательно разглядывающие окружающих. Слуги прокуратора, не иначе. Хотя кто их разберёт теперь – кто чей соглядатай?

Успешно миновав бдительную стражу у ворот, мы подошли к одному из крытых ходов купальни. Тут было безлюдно, если не считать нескольких блудниц, ожидающих путников. Мы уселись на ступенях, изображая усталость. Преломили вымокшую пресную лепёшку, завели неспешную беседу. Вскоре к нам приблизился хромой нищий, закутанный в дырявую шкуру, которая не очень-то спасала его от морозящего дождя.

– Господин, – обратился он ко мне дрожащим голосом, бросив быстрый взгляд на массивный золотой перстень, украшающий мою правую руку. – Не проявишь ли немного милости к несчастному калеке? Всего один кодрант...

За меня отвечал Горион, задумчиво ковыряя посохом дорожную жижу:

– Просить-то всякий может. Но не всякий имеет мудрость заработать.

– Мудрость кроется не в зароботке, а в знаниях, – продолжал хромой.

– А есть ли у тебя знание, нужное нам? – поднял взор мой собрат.

– Нужное вам кроется в доме Шимона-горшечника, – понизив голос, промолвил нищий. – Вас будут ждать после захода солнца.

– Какого ещё солнца? Где ты его видишь? Затянуло тучами всё небо, словно кожей, – буркнул я, бросая калеке ассарий, так как на нас уже обратил внимание один из стражников.

– Да благословит вас рука Господня! – громко запричитал нищий. Он тоже уловил на себе внимательный взгляд римлянина.

– Давай, веди нас, негодный, – важно рявкнул Горион. – Да смотри, чтобы в этой гостинице хорошо кормили, а не то не поздоровится тебе!

– Конечно, господин, – закивал хромой и увёл нас вверх по улице. Завернув за угол, он избавился от хромоты и скрылся в лавке, где торговали благовониями.

Мы проследовали дальше.

– Уж не обманул ли нас этот хромоногий? – хмыкнул Горион. – Что за важность – горшечник?

– Думаю, горшечник здесь ни при чём. Успокойся, друг мой.

Справившись у торговца пряными травами, где живёт горшечник по имени Шимон, мы немного поплутали по городу, прежде чем найти это место, бывшее в некотором удалении от улицы царских горшечников. Горион волновался напрасно. Уже смеркалось. Дождаться самого заката ввиду отсутствия светила на небосклоне можно было ещё дней пять-шесть, и я трижды ударил посохом в дверь. Сказав, что меня прислал хромой, я получил от неведомого собеседника задание – умертвить начальника синагоги по имени Факей.

– При успехе вас будет ждать другое – возможно, более сложное, но щедро оплачиваемое дело, – заверил глухой голос. – Цена жизни Факея – под камнем у двери.

Под камнем оказались две серебряные мины.

– Не так уж и высоко ценится жизнь этого Факея, – недовольно проворчал Горион.

– Не всё так плохо, как тебе кажется, друг мой, – произнёс я вполголоса. – За эти деньги дюжине землекопов придётся работать дней десять.

– Но мы не землекопы, и нас больше дюжины.

Я поморщился, словно хлебнул уксуса, не разведённого маслом.

– Ну что ты как несмышлёное дитя, Горион? Припомни, мудрость не в заработке, а в знаниях. Вот, как мы поступим. Узнаем, где живёт несчастный, убьём его днём перед синагогой, смешавшись с толпой. А в условленный час Омри начнёт кричать у дома этого Факея, что его в синагоге убивают римляне. Домашние его и все слуги побегут туда, а Тиншемет тем временем проникнет в дом и унесёт самое ценное, что найдёт. Малах же и Завад будут у дверей дома, дабы не дать застать Тиншемета врасплох.

– Звучит хорошо, господин мой. Идём же искать этот дом, становится прохладно, на ходу согреемся.

Уже ночью, встретившись с остальными в Гефсиманском саду, мы обсудили детали завтрашнего предприятия и, просушив одежду у костра, легли спать, благо, тут не шёл дождь. Начальник синагоги, значит. Помню я одного...

Некоторое время я не спал, вспоминая события трёхлетней давности. Я тогда был в Иерусалиме, надеясь найти какое-нибудь стоящее дело, которым можно было бы заниматься регулярно, приходя на праздники. Заодно я присмотрел жертву – богато одетого мужчину, который, судя по всему, был

вне себя от горя. Он шёл быстрым шагом по направлению к конским вратам. «Уж не в Вифанию ли направляется?» – подумалось мне тогда. Решив ограбить его по дороге, я двинулся за ним.

– Вот идет Яир, начальник синагоги, – услышал я, проходя мимо двоих юношей, не обременённых каким-либо занятием. Я остановился чуть поодаль, повернувшись к молодым людям спиной. Догнать жертву труда не составит, а вот узнать побольше об этом Яире стоило.

– Куда это он в такой час?

– Дочка у него умирает. Мой отец сегодня приглашён вместе с другими свирельщиками играть погребальные песни.

– Взрослая?

– Двенадцати лет. Несчастный отец повредился в рассудке. Услышал про какого-то Йешуа – пророка из Назарета, думает, что он поможет ему обмануть смерть. Лекарки говорят, что она не переживёт этот день.

Дальше я не слушал. Мне почему-то расхотелось вредить этому человеку. С досады я ограбил в тот день какого-то мытаря, возвращавшегося в город из Иерихона, пересчитав ему все кости посохом.

Поутру, когда солнце должно было озарить верхушки масличных деревьев, но вместо этого снова спряталось за хмурыми облаками, протянувшими несколько дождевых хвостов к земле, мы разделились и отправились на заранее обговорённые места.

Вот из дома Факея вышел человек, одетый в белый шёлковый плащ с длинными воскрилиями. Степенной походкой направился вверх по улице в сторону синагоги. Я проследовал за ним. В каких-то десяти шагах позади меня вразвалку шествовал Горион. У дома напротив уже сидел Тиншемет. Замотавшись в какие-то тряпки, он уныло кланчил подаяние. Малаха с Завадом я не разглядел, но не обеспокоился. Они должны быть где-то рядом.

На площади перед синагогой было многолюдно. Отлично, это только на руку. Внезапно я заметил впереди вора. Нет, воров, конечно, тут хоть отбавляй, но этот – явно новичок. Юноша бегающим взором оглядывал пояса прохожих. Сунув руку под верхнюю рубашку, я снял с внутреннего пояса кошелёк, оставив в нём несколько ассариев. Остальное ссыпал за пазуху. Задрав голову к храмовой горе, я принялся вертеть кошелёк, держа его за кожаный ремешок. Я надеялся, что золотой перстень на моём пальце привлечет внимание вора, равно как и моё небрежение кошельком.

Так оно и вышло. Выхватив из моей руки мнимое богатство, юноша бросился бежать. Безумец! Кто же так делает?

– Вор! – завопил я что есть мочи, указывая на беглеца.

Люди вокруг встрепнулись, невольно ухватившись за пояса.

– Держи вора! – заорал Горион, делая вид, что преследует юношу. Внимание толпы теперь приковалось к беглецу. Повернулся и тот, кого я преследовал.

– Факей, – потихоньку позвал я, проходя мимо. Рука скользнула к ножнам за пазухой.

– Что? – растерянно отозвался человек, но тут же захлебнулся, пронзённый кинжалом, который вернулся в ножны так же молниеносно, как и покинул их.

– Помогите! – истошно закричал я, обхватив руками обмякшего Факея. – Он убил его! Тот вор!

Мой палец вновь показал на юношу, который всё ещё бежал по прямой. Вот глупец!

– Убийство! – подхватил растрепанный Йишмаэл, один из моих лучников, который вынырнул неведь откуда. – Я всё видел! Убийца побежал в ту сторону!

Два человека, отделившись от общей массы, бросились бежать в указанном направлении.

– Надо позвать стражу! – крикнул я и оставил Факея лежать на мокрых камнях. От него протянулся вниз по улице кровавый ручеек. Я смешался с толпой и свернул в проулок. Теперь надо было идти к дому Факея и проверить, как там Тиншемет.

– Лекаря! – кричал Йишмаэл.

– Нападение на прокуратора! – раздался взволнованный голос Газеза.

– Римляне подожгли синагогу! – старался вовсю Горион.

Да, в такой суматохе можно обвинить даже египетского фараона.

Народ зашумел. К голосам моих людей стали добавляться и другие. Вот уже раздалась первые команды центурионов. Воины начинали наводить порядок.

– Римский воин заколол начальника синагоги! – раздался чей-то голос.

– Святотатство!

– Хула на Израиля!

– Пилату мало нашей крови!

– Он ещё ответит за свой водопровод! – это опять Горион. Надо же, Пилатов акведук помянул. Много тогда погибло иудеев, недовольных тем, что деньги из храмовой сокровищницы идут на оплату его строительства. А ведь пора бы Гориону уже уходить, пока кто-нибудь не запомнил его внешности. С бунтовщиками могут расправиться и на месте.

Дом Факея сторожил Завад. Прислонившись к стене, он сидел у дверей, подобно рабу, ожидающему своего господина. Вот Омри. А где же Малах? А вот и он – спускается по улице, придерживая нечто под одеждой. Мной овладело нехорошее подозрение. Я коротко кивнул Заваду. Тот дважды

стукнул в дверь камнем, который вертел в руках. Вскоре оттуда вышел Тиншемет с двумя глиняными водоносами в руках. Один он отдал Заваду, второй взгромоздил на плечо. Никто из проходивших мимо даже не взглянул на двух рабов, которых отправили за водой.

Когда все вновь собрались в Гефсимании, выяснилось, что Малах отлучался к площади перед синагогой, где, рискуя быть схваченным, напал на замешкавшегося ветерана, охранявшего ворота внутреннего двора синагоги. Ввиду праздника легионеры были расставлены по всему городу. Вонзив в шею несчастного кинжал, он перерезал ремень, на котором держались ножны с мечом, и уже на бегу сунул их под плащ. За то, что нарушил моё повеление и оставил Омри и Завада у дома одних, а также подверг всех опасности, Малах получил от Гориона кулаком в лицо.

– Друг, если тебе безразличны твои друзья, – обратился я к поднимающемуся на ноги Малаху, – ступай к Бар-Аббе или Шалуму. Они принимают всякий сброд.

Малах отвернулся, сплюнул кровавую слюну в сторону, потом, приблизившись, упал на колени.

– Господин, прости меня, старого глупца. Я польстился на римский клинок, ты же знаешь, как я привык к гладиусу. Если хочешь – накажи меня. Только не гони никуда. Я больше никогда тебя не подведу.

– Встань, Малах, – вздохнул я после краткого раздумья, – знаю, что не подведёшь.

К дому горшечника отправился уже я один, несмотря на протесты Гориона. Но я сказал, что убийство римлянина должно вызвать ответные меры со стороны властей. А один человек, к тому же, богато одетый, не вызовет подозрений.

Три удара посохом в дверь. Условные слова. Таинственный незнакомец за дверью был доволен результатом. Теперь он хотел жизнь первосвященника Йосефа Каиафы.

– А не задумал ли ты предать меня в руки прокуратора? Это верная гибель. Первосвященник имеет личную охрану. К тому же, к его жилищу постоянно приставлена римская стража.

– Десять талантов, – был краткий ответ.

У меня пересохло во рту. Тридцать тысяч сиклей. Сто двадцать тысяч динариев. Что за люди хотят души первосвященника? Я огляделся кругом. Если не соглашусь – живым не уйду. Вокруг наверняка засада. И талантами мне тогда уже не воспользоваться. Мёртвые, как известно, не наследуют ничего. Тесно мне! Что же делать? Моё молчание по ту сторону двери было истолковано как сомнение.

– Шестьдесят мин ты получишь прямо сейчас. Если выполнишь то, что тебе сказано, получишь остальные девять талантов.

– Как я могу знать, что ты не обманываешь меня?

– Хорошо, ты получишь три таланта сразу. Это уже целое состояние. Твоё дело стоит этих денег. Потом получишь и оставшуюся часть, если не побоишься вернуться, конечно. Решайся, разбойник. Ты и твои люди хорошо потрудились у синагоги. Уверен, ты справишься. Деньги под камнем.

Что ж? Выходит, эти люди всё просчитали заранее. Но чего я боюсь? Три таланта уже мои. Я взял увесистые золотые монеты.

– Согласен. И за остальными деньгами я вернусь.

Покидая город, я никак не мог отделаться от навязчивого ощущения слежки за собой несмотря на то, что долго поплутал по узким улочкам Иерусалима.

У самого Кедронского ручья на меня напали четыре человека, вооруженных мечами. Разбойники! Как было бы нелепо самому погибнуть от руки другого разбойника. С одним ножом против них мои шансы как у младенца. Я бросился бежать вдоль потока, задрав полы верхней рубашки, надеясь увести их подальше от места возможной засады. Над головой противно свистнула стрела. Плохо дело. Одна надежда – ночью из меня мишень негодная. Обернувшись на бегу, я швырнул посох в ближайшего преследователя. Тот, получив удар по ногам, растянулся во весь рост. Я продолжал бег, когда услышал сзади вопли и звуки сражения. Обернулся ещё раз. Увиденное заставило меня не только остановиться, но и броситься назад, вынимая на бегу кинжал из ножен. Один из разбойников лежал в грязи лицом вниз, получив смертельный удар в спину. Второй уже бился в судорогах, зажимая живот. Малах яростно отбивался от двоих оставшихся в живых противников. Вот он пропустил колющий удар в правый бок. Упал на одно колено. В два прыжка я оказался за спиной одного из врагов. Мой кинжал вошёл как раз под лопатку и пронзил сердце того, кто ранил Малаха. Проклятье! Откуда он здесь взялся? Видимо, следовал за мной всё это время. Его гладиус немедленно вонзился в горло последнего разбойника, не ожидавшего моего возвращения.

Малах быстро терял кровь. Он упал на второе колено. Вонзив меч в землю, Малах тяжело опёрся на него.

– Господин, я не подвёл тебя! – он тяжело дышал.

– Друг мой, какой я тебе господин? Я обязан тебе жизнью, – опустил я в свою очередь перед ним на колени. Послышались крики. К нам стремительно приближалось, по меньшей мере, человек десять.

– Беги, господин, только сперва возьми мою жизнь! – торопливо заговорил Малах. – Не хочу погибать от рук людей Бар-Аббы, да будет труп его пищей свиней. Не медли, они сейчас будут здесь!

Я колебался. Малах крепко ухватил меня за одежды и посмотрел в глаза.

Я ударил точно в сердце. Малах, не издав ни звука, рухнул к моим ногам. Выдернув его меч из земли, я подхватил ещё один и с разбегу бросился в воду. Набрав в грудь побольше воздуха, я погрузился с головой и, используя мечи как груз, перебрался по каменистому дну на другой берег. Впереди меня была ветхая ограда Гефсиманского сада, в глубине которого расположился наш лагерь. Разбойники преследовать меня не решились, лишь выпустили вдогонку несколько стрел, благодаря тьме пролетевших мимо.

Узнав о случившемся, мои люди выразили готовность немедленно выступить и напасть на Бар-Аббу. Я остановил их.

– Кровь Малаха отомщена. Все четверо нападавших мертвы. С рассветом заберём его тело. Остальные не должны помешать нам в нашем деле. Я коротко передал им разговор с заказчиком убийства.

– Это невозможно! – вырвалось у лучника Баши. Горион коротко взглянул на него, и тот осёкся. Остальные молчали, переминаясь, но было видно, что они согласны с Башей.

– Если мы убьём Каиафу, то заработаем ещё семь талантов. А если схватим того, кто ищет его крови, то избежим необходимости рисковать жизнью и возьмём все его деньги.

Моё предложение было встречено всеобщим одобрением.

Оставив всех биньяминитян в нашем временном становище, так как от лучников в городе немного толку, мы в количестве восьми человек прошли немного вниз вдоль непривычно полноводного от обильных дождей чёрного ручья, чтобы не наткнуться на Бар-Аббу и его людей.

Разделившись на две группы, мы успешно миновали стражу, щедро заплатив ей. К дому горшечника подошли, проникнув в сад. Дом оказался пустым. По всей видимости, в нём вообще никто не жил последнее время. Да

и гончарный круг под навесом был совсем сухим. Рядом не было видно ни воды, ни глины.

– Проклятье! – выругался Горион. Остальные озирались, ожидая внезапного нападения. Однако ничего такого не происходило. Возвращались мы другим путём. Было решено не рисковать и тотчас покинуть город.

Тело Малаха было на месте. Как и тела тех, кто напал на меня. Стало быть, так Бар-Абба относится к своим людям. Их мы бросили в мутный ручей. При удаче тела унесёт к Восточному морю. Горион сходил в соседнее селение и привёл какого-то бедняка. Вручив трясущемуся от страха старику шесть сиклей, он указал на тело Малаха:

– Сегодня же погребёшь его, как своего родного отца. Я вернусь через четыре дня и обязательно проверю.

Несчастный закивал, опасаясь даже и глаза поднять на нас.

Оставив его, мы перешли поток, соединились со своими и оставили Иерусалимские пределы, предавшись на время каждый своим собственным делам.

Вскоре сезон дождей окончился, приближалась Пасха – великий праздник. Каждый иудей старался посетить Иерусалим. Отправились и мы, так как к этому времени успели несколько поиздержаться.

В Вифании творилось что-то невообразимое. Народ шумел, как много лет назад, когда стоял всенародный плач о тех, кого Ирод казнил за уничтожение золотого римского орла, висевшего над храмовыми воротами. Сперва я решил, что назревает какой-нибудь бунт. Однако оказалось, что некто воскресил некоего Элезара, вроде как умершего четыре дня назад. Видимо, этот человек был весьма уважаем, иначе не собралось бы столько знати. Потеряв всякий интерес к бабьим басням, я, по обыкновению, отпустил

людей и направился к Иерусалиму в неизменном сопровождении Гориона. На этот раз я решил местом общего сбора назначить гору Гарив – к северу от горы храмовой. В Иерусалиме также было беспокойно. Много говорили про Йешуа из Назарета. Кто-то приписывал Ему великие чудеса, другие уверяли, что Он обольщает народ, чтобы стать царём.

Мы поднялись к Храму. Ещё издали он поражал взор своим великолепием. Блестящий на солнце безукоризненной белизной, он возвышался на сотню локтей. Вблизи он вообще завораживал. Над входом свешивалась массивная золотая виноградная лоза. На дверях красовались пёстрые занавески с цветами. Вокруг всего здания тянулись прибитые к стенам доспехи язычников – знак бывшего могущества Израиля. Великая масса народа толпилась здесь весь день напролёт.

Я запустил руку за пазуху. Мешочек с драгоценными камнями, которые вёз убитый мудрец, был при мне.

– Что ты хочешь делать, господин? – спросил меня Горион.

– Я собираюсь вернуть долг.

– Но кому?

– Богу.

Горион пытливо посмотрел на меня, но, увидев, что я не шучу, более не спрашивал ни о чём. Мы пересекли обширный двор и зашли в Храм. Здесь оказалось не менее шумно, чем снаружи. К людским разговорам примешивались громкие звуки, издаваемые многочисленными жертвенными животными и птицами.

– Народ лишён пророка, на которого можно было бы взвалить своё бремя и возложить надежды, – доказывал какой-то фарисей слушавшим его людям.

– Нет ни заступника, ни посредника между Господом и народом. Моисей ушёл в горы и там умер, и никто не знает, где он погребён, и никто никогда

не молился ему, и не призывал его перекинуть мост через ту пропасть, что разделяет людей и их Создателя, – продолжал он.

– Итак, мы лишены всего, кроме слова Божьего, записанного на священном свитке...

Устав его слушать, я приблизился к корвану и высыпал в него всё содержимое мешочка. Горион молча смотрел, как зев сокровищницы поглощает изумруды, яхонты, топазы, рубины и сапфиры.

– Эти фарисеи подобны собакам, спящим на кормушке быков, – негромко сказал один человек другому, задумчиво почесав бороду, когда мы с Горионом уже пробирались к выходу. Тот также вполголоса согласился со своим собеседником, подозрительно покосившись на нас.

Мы провели в окрестностях Иерусалима несколько дней, грабя, преимущественно, чужеземцев – они имели при себе гораздо больше денег и драгоценностей. В один из этих дней в самом городе случилась смута, произведённая Бар-Аббой и его людьми. Во время беспорядков, вызванных убийством священника, разбойники подожгли хранилище книг записей, напав на надзирателей. Те бежали, так что Бар-Абба смог беспрепятственно предать всё огню. Все долговые расписки обратились в пепел. Само собой, должники встали на сторону поджигателей. Бедняки поднялись против людей состоятельных. Воспользовавшись всеобщим смятением, некоторые обратились против своих врагов, чтобы убить их. Многие начальники и священники были вынуждены скрываться в подземных ходах.

В городе воцарилась паника. Кто мог быть уверен в собственной безопасности в такие дни? Издали опасались врагов, не верили даже друзьям. Каждый ожидал смерти в любую минуту. К царским отрядам, которые оказались не в состоянии противостоять бунтовщикам, вскоре присоединились римские воины, посланные Пилатом.

Мои люди держались в стороне, ничем не выдавая себя, в результате никто из нас не пострадал, кроме несчастного Газеза, которого по ошибке пронзил мечом переодетый легионер, скрывавшийся в толпе. Тот решил, что Газез имеет прямое отношение к мятежу, потому что заметил у него под верхней одеждой очертания меча. Быстро отступив к своим, воин избежал смерти, хотя к нему немедленно двинулись Омри и Завад.

Римляне быстро организовали наступление. Много бунтовщиков было убито, остальные обратились в бегство, устроив смертельную давку на узких улочках города. Сам Бар-Абба был схвачен живым, многих из его людей обезглавили принародно, без суда. Восстание подавили, но люди успокоились нескоро.

До Пасхи оставалось всего три дня. Я хотел дождаться праздника, прежде чем покину пределы Иерусалима. Вдвоём с Горионом мы наведались в дом горшечника, всё ещё надеясь застать там того, кто предлагал целое состояние за жизнь первосвященника. Однако это место по-прежнему пустовало.

Решив, что ищущие крови Каиафы могут наблюдать за его домом, мы ночью отправились туда. У дома размещалась римская стража. Первосвященника охраняли всегда. Внутри было светло. Притаившись за кипарисом, я послал Гориона вниз по улице разведать, нет ли чего подозрительного. Тут я увидел, что из дома вышел человек. Стража пропустила его, и он направился в мою сторону, время от времени озираясь и держа руку за пазухой. Пропустил его и я, но затем потихоньку двинулся за ним. Навстречу поднимался Горион. Он перегородил дорогу незнакомцу. Тот, испугавшись, бросился обратно, но, налетев на меня, остановился. Судя по всему, он собирался закричать на всю округу.

– Не бойся, добрый человек, я не причиню тебе вреда, – сказал я мягко, показывая ему свои раскрытые ладони. Мой спокойный голос, очевидно, подействовал. Мужчина немного успокоился.

– Однако я не смогу поручиться за него, – я кивнул головой в сторону друга, который постарался скорчить самую свирепую гримасу, – если ты не ответишь на мои вопросы. Думаю, мы обойдёмся без крови. Я даже не возьму у тебя те деньги, которые ты прячешь за пазухой.

Человек вздрогнул, отдернул руку от пояса, кивнул и осторожно откашлялся, прочищая не совсем послушное горло:

– Что вам нужно?

– Скажи мне, кто ты, и что за дело у тебя к первосвященнику?

– Мое имя Йехуда. Я любимый ученик Йешуа из Назарета. Первосвященник Йосеф желает пригласить учителя в свой дом, поэтому я здесь.

– Постой, добрый Йехуда. Это не тот ли человек, что три дня тому назад был встречен всем Иерусалимом так, как если бы он был царём?

– Истинно так, – Йехуда то и дело посматривал в ту сторону, откуда пришёл.

Я немного помолчал.

– И давно ты знаешь Его?

– С юных лет, – был ответ.

– Хорошо, ступай. Тебя никто не тронет.

Йехуда повернулся и осторожно пошёл, обойдя Гориона и стараясь не выпускать его из виду.

– Подожди!

Я догнал его и, понизив голос так, чтобы меня не расслышал мой друг, спросил:

– Три года тому назад некий человек по имени Яир, начальник синагоги, хотел звать твоего учителя, чтобы он исцелил его дочь. Так вот, ответь, осталась ли она жива?

Йехуда опустил голову и негромко ответил:

– Да, девица здорова. Я могу... идти?

– Ступай.

– Думаешь, этот человек сказал правду? – задумчиво протянул Горион, глядя вслед Йехуде. – Почему тогда его не проводили рабы Каиафы? Если он – лучший друг желанного гостя. И что за деньги ему дал первосвященник?

– Может, пожертвование? – пожал я плечами. – Хватит об этом. Смотри!

Несколько неясных теней отделились от темноты в начале улицы и скользнули в нашем направлении. Переглянувшись, мы не спеша свернули в проулок, затем кинулись бежать со всех ног. Тут мы хозяевами положения точно не были, и при желании нас могли перебить как перепелов. Почти достигнув Старых ворот, мы перешли на шаг. Погони вроде бы не наблюдалось. Избавившись от слишком уж бдительной стражи в обмен на четыре динария, мы вышли за стены города и направились к горе Гарив. Месяц то и дело прятался за тучи, что вовсе не спрямляло наш путь.

Вскоре мы пришли к нашему становищу. Недавно разведённый костёр трещал и бросался в небо искорками. Каждый, кто сидел у огня, слегка привстал, приветствуя меня. Нам дали наше оружие и поднесли по куску жареной козлятины с хлебом. Спать почти не хотелось. Где-то по городу ходят люди, готовые расстаться с золотом ради жизни Каиафы. И они должны быть недовольны напрасной потерей трёх талантов. Следовательно, надо постараться разыскать их прежде, чем они найдут нас. Лже-хромой знает нас с Горионом в лицо. Кто-то из них наблюдал за Факеем в момент убийства и видел все наши действия. Найти хромого? А если он поднимет шум и сдаст нас властям?

Мой сон был прерван криком Тиншемета, который в утренней дымке заметил приближение римского отряда. Мы оказались в кольце и теперь были атакованы одновременно со всех сторон. Я обнажил гладиус Малаха, левая рука уже сжимала верный персидский нож. Лучники Эшек и Йишмаэл уже успели натянуть тетивы и выпустили каждый по стреле, нашедшей свою цель. Не знающий равных в стрельбе из лука Киш успел убить двоих, прежде чем был поражен в шею дротиком. Затем мир вокруг меня резко сузился. Я увернулся от копья, рубанул его владельца с разворота. Ранил в плечо. Парировал прямой выпад меча, направленного в мою грудь, отскочил в сторону, ударил сражавшегося с юным Шевером ветерана ножом в незащищённый доспехами бок. Биньяминитяне уже лежали мёртвые. В ближнем бою лук – не оружие. А римляне хорошо знали, что такое ближний бой. Вот пал Завад, пронзённый копьём. Рухнул мой дорогой Горион – из его груди торчал дротик. Меня теснили сразу двое римлян, вооружённые мечами. Чуть поодаль уже примеривался метнуть дротик третий. Сзади кто-то захрипел, изрыгая страшное проклятье. Бесстрашный Омри. Размахнувшись, я, что было сил, швырнул свой меч в одного из нападавших. Кубарем бросился под ноги второго. Ударил его снизу ножом. Выхватил из ослабевшей руки щит. Закрылся от брошенного в меня дротика. Тот скользнул по щиту, не причинив мне вреда. Резко обернулся назад, готовый к нападению. По крайней мере, мне казалось, что я был готов. Обезображенный шрамами коротко стриженный воин уже опускал с размаху свой щит на мою голову. Мир вокруг возмущённо загудел и завертелся кружалом.

Очнулся я на холодном каменном полу. Глаза не хотели открываться. В носу стоял приторно-острый запах крови. Казалось, череп развалился на части. С трудом перевернувшись на спину, я попытался открыть глаза. Напрасно. Боль пронзила голову изнутри, и я снова потерял сознание.

Я находился в темнице. Скорее всего, сейчас уже вечер. Способность двигаться я обрёл не сразу. Кроме нижней рубашки на мне ничего не оказалось. Пояс с деньгами и ножнами, конечно же, исчез. Как и перстень с ониксом. Где-то рядом раздавались крики и проклятья. Голос был незнакомым. Ещё один узник.

– Да чтоб тебе подавиться, пустынный шакал! – хрипло рявкнул некто справа от моей решётки. – Завтра вопить будешь – на кресте, а сейчас дай поспать!

Значит, крест? Что же меня не убили тогда – на горе Гарив? Это было бы во сто крат лучше!

– Думаешь, наместник именно тебя выпустит ради Пасхи? – взбесился крикун. – Будешь спокойненько спать всю ночь, а мне, значит, места себе не находить? Не выйдет! Сдохнем вместе! – продолжал надрываться он.

– За меня-то народ заступится. Люди почитают меня как борца против римского владычества. Чего только стоит сожжённый мною архив, доверху набитый пинкасами! Глупец! – усмехнулся в ответ... Бар-Абба! Это был точно он! А самое скверное – он наверняка был прав. Люди забудут, что он уже пятнадцать лет разорял окрестности Иерусалима, притесняя народ. Долговые расписки с лёгкостью могут перевесить всю его вину перед людьми.

Стражи со мной не разговаривали, еду не принесли даже к ночи. Хорошо хоть была вода. Видимо, прав Бар-Абба – завтра казнь. Впрочем, чего ещё мне ожидать? В моем-то положении. Но откуда взялся тот отряд, что напал на нас прошлой ночью? Значит, всё-таки нашли нас те, кто искал смерти Каиафы. Опередили.

Наутро меня заковали в цепи и повели к преторию в сопровождении четверых легионеров. На площадке перед особняком наместника не было свободного места. Казалось, весь Иерусалим собрался здесь, чтобы

посмотреть на казнь. Вот огласили мой приговор. Я обвинялся в смерти начальника синагоги, горшечника, двоих римских воинов, а также в разбое. Хм, Шимона, стало быть, я убил? Ну-ну... Ещё два приговора, вынесенные римским судом, были похожи на мой. А вот последний...

Человека, выведенного на каменный помост перед преторием, обвиняли в развращении народа, хуле на Бога, подстрекательстве людей к мятежу, угрозах разрушить Храм, провозглашении себя царём Израиля и во всём, что только могло прийти на ум. Выходило, что опаснее человека ещё не было на белом свете. Он был сильно избит и с трудом держался на ногах.

– Вот, я исследовал всё, в чём обвиняют этого человека! – обратился к народу вышедший на ту же площадку прокуратор. – Ирод также рассмотрел все обвинения и, подобно мне, не нашёл ничего достойного смерти в этом человеке. Поэтому я отпущу его.

Реакция народа смутила наместника. Сначала из толпы раздались одиночные крики протеста, к ним добавились другие. Вскоре уже вся толпа кричала: «Смерть ему!».

Пилат хмуро покосился на первосвященников, стоявших отдельно внизу, и возвысил голос:

– Что за зло сотворил он? По имеющемуся у вас обычаю, ради праздника, я дам свободу Йешуа, которого вы называете мессией.

Йешуа? Я вострепнулся, не веря своим ушам. Уж не тот ли, кого пять дней назад приветствовал весь Иерусалим? Но как это возможно? Вот и Каиафа стоит перед прокуратором. Наверняка он ходатайствовал об освобождении того, кого звал в свой дом. Почему же он не образумит народ?

– Отпусти лучше Бар-Аббу, прокуратор! – закричали из толпы.

Ага, видимо, кто-то из его уцелевших подручных.

– Бар-Аббу отпусти нам! – подхватили безумные люди.

Пилат растерялся.

– Что же мне сделать с Йешуа, называемым мессией?

– Да будет он распят!

Я в изумлении смотрел то на людей, то на Каиафу. Почему же он молчит?

– Вот ваш царь, которому вы ещё недавно воздавали великие почести, – воскликнул Пилат, указав на Йешуа, который не подавал никаких признаков беспокойства или страха. – Как же я предаю на распятие вашего царя?

– Нет у нас никакого царя кроме Тиверия-кесаря, а этот самозванец – враг кесарю, – отвечал Каиафа. Первосвященник Ханан, стоявший рядом, степенно наклонил голову в знак согласия со своим зятем, после чего сказал, не глядя на наместника:

– Если отпустишь его, ты уже не друг кесарю. Ибо всякий, кто делает себя царём – противник кесарю.

По лицу прокуратора было видно, что он едва сдерживает себя, чтобы не убить Ханана голыми руками.

Подозвав жестом слугу, он взял рукомойник и нервно омыл руки.

– Смотрите, невиновен я в крови этого праведника! Решайте сами!

– Не бойся, прокуратор, его кровь будет на нас! – тот же голос из толпы.

– Кровь его на нас и наших детях! – подхватил безумный народ.

Пилат еле заметно кивнул какому-то сотнику, стоявшему неподалёку. Тот коротко поклонился и скрылся. Найдут крикуна.

Что же получается? Прокуратор и рад бы отпустить Йешуа, но побоялся поклёпа с обвинением в содействии мятежу, а вот первосвященник – наоборот, всячески старался предать его на смерть. Народ, вероятно, подговорили. Иначе как объяснить все эти крики?

Бар-Аббу развязали. Тот, нисколько не удивившись своему освобождению, скользнул куда-то. Миг – и он растворился в толпе. Суд свершился.

Меня отвели в сторону. На плечи взгромоздили поперечную перекладину. Вот и всё. Крупная дрожь начинала бить моё тело. Я никогда не страшился быть убитым в бою, но теперь всё моё естество восставало от мысли о предстоящих муках и скорой смерти. Почему я не римский гражданин? Ведь ещё прошлой зимой мне предлагали купить римское гражданство. Деньги были, но я счёл эту затею пустой тратой богатства. Зато сейчас мог бы требовать суда у кесаря. Меня по закону препроводили бы в Рим. На суд. Даже если не найду способа освободиться, казнят всего лишь мечом.

Другой разбойник попытался было рвануться в сторону, но удар древка копья в грудь быстро усмирил его.

– Проклинаю вас всех! – сорвался он на дикий визг, озираясь кругом, за что получил от другого воина удар кулаком в лицо.

Я был благоразумнее и молча потащил перекладину, стараясь не раздражать и без того озлобленных римлян. Солнце слепило беспощадно, идти с таким грузом становилось всё тяжелее. Вскоре я уже почти ничего не видел, кроме дороги под ногами. И не слышал ничего, кроме своего тяжёлого дыхания и бешеных приливов крови в голове. С каждым ударом сердца она была готова лопнуть. Пот лил с меня сплошным потоком. Перекладина один раз чуть не выскользнула из моих рук. Вот и Судные ворота. Если кто-нибудь оспорит приговор до того, как осуждённый пройдёт сквозь них, его вернут обратно к преторию. Возможно, Йешуа отпустят. Ведь у него много учеников, а среди задержанных я их не заметил. Они даже могли бы попытаться отбить его сейчас. Потом уже будет поздно. Во время сутолоки могу и я попытаться сбежать. Однако ворота позади, а учеников не видно и не слышно.

Меня осенила страшная догадка. Видимо, все ученики перебиты, как и мои люди. Но неужели вся их вина лишь в том, что они следовали за учителем, который исцелял больных и что-то там проповедовал?

Вот и гора Голгофа. Здесь казнят всех преступников. Здесь закончится моя жизнь. Я задышал глубже и чаще. Успокоиться. Надо успокоиться. Но как? Да и зачем? С меня сняли перекладину. Один из римлян обнажил свой меч и стал напротив меня, готовый поразить, если я попробую бежать. Глупец! Умереть от меча много лучше. Может, попробовать напасть на него? Смерть будет быстрой.

Мне поднесли чашу, наполненную какой-то пахучей жидкостью.

– Что это? – спросил я, едва ворочая распухшим от жажды языком, прежде чем попробовать.

– Уксус и смирна. Пей, если не хочешь лишиться разума от боли, – ответил пожилой хмурый сотник, распорядившийся казнью.

Очевидно, он уже давно не мог нести воинскую службу, но домой возвращаться не хотел. Наверное, приставлен сюда не первый год. Я осушил чашу в три глотка. Жидкость будто бы обожгла внутренности. В голове слегка зашумело. С меня сняли одежду. Несколько воинов схватили меня и уложили на крест, к которому уже прикрепили перекладину. Откуда-то слева раздался отчаянный крик боли. Я дернулся, но мою голову крепко держали чьи-то руки. Правое запястье пронзила острая боль от вбитого четырёхгранного гвоздя, моментально распространившаяся по всей руке. Пальцы онемели. Хотелось закричать, но я только стиснул зубы. С левой рукой было ещё хуже. Казалось, что её изнутри грызёт ехидна. Я судорожно втянул в себя воздух. Ступни мне без лишних затрат пробили всего лишь одним гвоздём, поместив правую поверх левой. От ужасной боли я потерял сознание.

Когда я пришёл в себя, то уже висел на кресте. С сознанием вернулась и боль. Казалось, под тяжестью тела руки разорвутся, и я рухну на землю. Вокруг стояло очень много народу, но смотрели не на меня. Я повернул непослушную голову, проследив взгляды сотен людей, после чего вновь уронил её на грудь. Слева от меня был прибит ко кресту Йешуа – пророк из Назарета. Сейчас его тело уже не покрыто хитомом и нижними одеждами, отчего были видны кровавые полосы и глубокие раны, нанесенные римскими плетями. Выходит, его ранее подвергли бичеванию – казни, которая часто заканчивалась смертью. Но казнить дважды, согласно римским законам, нельзя. Как же так?

– Что же, разрушающий Храм и созидающий его в три дня, спаси хотя бы сам себя! – с издёвкой закричал кто-то из толпы. Я вновь поднял голову. Неподалёку стояла большая группа фарисеев. Среди них и Йосеф Каиафа. Он насмешливо посмотрел на Йешуа и важно произнес во всеуслышание:

– Царь всего Израиля, мессия, обетованный Всевышним, да сойдёт с креста, чтобы мы, увидев чудо, уверовали в Него!

Раздался дружный издевательский смех.

– Как же он спасал других, а себя спасти не может? – поддержал Каиафу какой-то законник.

Йешуа молчал, тяжело дыша. На его лице, распухшем от побоев, запеклась кровь.

– Сойди с креста, мессия! – раздались крики из-за оцепления, которое выстроили римские воины вокруг места казни.

– На Бога уповал, что же Бог не избавит его от смерти, если он угоден Ему? Ведь он сам свидетельствовал: «Я – Божий сын»!

Пока раздавались крики, я стал ощущать удушье. С каждым разом делать вдох становилось всё труднее. Вскоре я почувствовал, что вся грудь стала как

деревянная. Я не мог уже вздохнуть. Меня охватила паника. Я с усилием оперся на пробитые длинным гвоздём ступни, чуть не взвыл от боли и выпрямился всем телом. Воздетые кверху руки, от которых уже отлила кровь, опять пронзила резкая боль. В грудь влилось немного живительного воздуха. Выходить обратно он уже не желал, и мне пришлось вновь повиснуть на руках, чтобы выдохнуть. Каждое движение сопровождалось неимоверными муками. Хотелось кричать и плевать на всех, кто собрался поглазеть на казнь. Теперь я уже не висел, а непрерывно двигался на кресте то вверх, то вниз.

Насмешки в сторону Йешуа продолжали раздаваться со всех сторон. Какой-то бред! Все эти люди недавно встречали его, как своего царя. Он исцелял их больных близких, чему-то учил, они слушали его, а сейчас ненавидели больше, чем римлян. Иерусалим, Иерусалим, что же ты делаешь?

Мою голову заполнял туман, но я продолжал слышать и видеть всё, что происходило вокруг.

– Если ты иудейский царь, спаси себя и царствуй! – насмехались уже и римские воины.

Йешуа медленно поднял голову к небу и с трудом разлепил губы:

– Отец, прости им, ведь они не знают, что делают! – в тихом голосе ясно слышались просительные интонации. Этот голос потряс всё мое естество. Я на краткое время перестал страдать от жара. Холод пробежал по всему телу. Я всегда гордился своим умением разбираться в людях и отличать правду от лжи. Этот человек обращался к Богу так, как обращается сын к родному любящему отцу, прося напиться, зная, что отец ни за что не откажет. Я был готов проклинать всё на свете, а Йешуа молился за своих доносчиков и палачей!

До моего слуха донёсся знакомый надрывный голос бывшего соседа по темнице, который висел на втором от меня кресте:

– Разве ты не мессия? Спаси себя и нас! Что же ты молчишь?

Какое-то время он ещё продолжал выкрикивать оскорбления и насмешки, пока не вывел меня из себя.

– Уймись, наконец! Разве ты не боишься Бога? Ведь и ты сам осуждён на то же! Что же ты злословишь его? Мы с тобой справедливо заслужили смерть, а он не сделал ничего!

Я выбился из сил и опустил голову, готовую лопнуть, как переспелая смоква. Движение вверх и вниз по кресту было невыносимо. Я задыхался. Меня начинал бить озноб. Хотелось пить. Когда всем надоест, какой-нибудь воин мечом перебьёт мои голени, и я задохнусь. В глазах потемнело. Что это? Разве уже ночь? В ушах появился шум. Я закрыл глаза, но почему-то ясно увидел своего отца, который очень скорбел после моего ухода из родного дома. Я видел мать, братьев. Видел мудреца, который вёз драгоценные камни своего господина в Храм. Он уже не лежал в придорожной пыли, зажимая страшную рану в животе, а стоял передо мной, что-то поясняя. Я напряг свой слух:

– Твоя жизнь вся украдена, добрый человек, а украденное время слишком мимолётно. Им не насытятся никогда. Всего какой-то миг – и вот уже вся жизнь позади, а ты так и не успел ничего ощутить, познать.

– Мне конец, мой добрый мудрец, да будет благословенной твоя память, – обратился я к нему. Тот улыбнулся мне:

– Открыл ли ты начало, чтобы искать конец?

– Начало? – переспросил я, но тот уже пропал куда-то. Затем перед моим взором поочерёдно появлялись те, кого я лишил жизни, а также мои друзья. Вот Горион, вот Малах, Завад, Тиншемет, Буним, Газез, Йишмаэл, Мелег, Омри, Киш, Эшек и прочие, с кем я делил хлеб и воду, богатство и опасности. Вся моя жизнь, наполненная беззакониями, пронеслась перед мысленным взором. Кровь. Чужая кровь. Жизни. Много жизней. Вдовы и

сироты. Калеки. Деньги. Вино. Блудницы у городских ворот. Богатой ли была моя жизнь, которой теперь лишаюсь? Пустота. Мерзость и скверна. Чему учил своих учеников тот, кто как с родным отцом говорит с Богом? Послушать бы! Почему я не из их числа? Наверное, счастлив был добрый Йехуда, что знал его! Кто же он? Не иначе, как Божий сын. Тогда, в Вифании, когда восстал из мёртвых некто Элеазар, это точно было правдой! И восстал он именно по просьбе Йешуа к своему Отцу. Не иначе. Царь? Только царство его не среди всей этой земной мерзости! Это его собственное Царство.

Я открыл глаза.

Они были полны слёз.

Что мне делать? Я оказался обманут и предан самим собой! Я и не начинал жить. Куда мне идти?

Я повернул голову налево и с надеждой посмотрел на Того, против Которого ополчился весь мир.

– Вспомни обо мне, мой Господин, когда придёшь в Своё Царство!

И мой Господь – Тот, Чей Закон я нарушал всю жизнь, Тот, о Котором помышлял лишь в минуты крайней скорби, поднял Свою окровавленную голову, увенчанную терниями, посмотрел в моё сердце ясным взором и произнёс надо мной Свой собственный суд:

– Истинно говорю тебе, сегодня же будешь со Мной в раю.

Белее снега

Ночь застала меня врасплох, когда я внезапно открыл глаза и понял, что сна больше не будет. Плотнo задёрнутые шторы ровно подсвечивались снаружи белым, словно это и не ночь была вовсе, а театральная постановка. Осторожно выглянув наружу, я понял, что свет шёл отовсюду: с неба, из

фонаря на углу дома и даже пары-тройки горящих окон квартир, чьим хозяевам не спалось, но ярче всего блистал снег, раскинувшийся повсеместно барханами взбитых сливок.

Казалось, сверкает каждая снежинка в отдельности, а небо лишь отражает это сияние. Ветер, трудившийся ещё с вечера, разгладил неровности сугробов и причесал каждый куст под окном, теперь ветки шиповника, усыпанные бордовыми капельками ягод, уже не торчали в беспорядке, а рядились изящными экибанами, окутанными дыханием люков теплотрассы. Раньше я как-то их не замечал, а тут насчитал сразу четыре люка. Пейзаж искрился, словно свадебный десерт, отчего убелённая трансформаторная будка напротив окна казалась сделанной из сладкой глазури, а оставленная открытой на подоконнике Псалтирь будто бы покрылась тонким слоем сахарной пудры – такой эффект давала лёгкая изморозь на стекле. Не подумайте: взбитые сливки и сахарная пудра – это вовсе не пошлые огрехи стилистики. При диабете сладкое мерещится повсюду. Иногда даже снится.

Зима в мой город всегда приходит незваной. Не мной, в любом случае. Так было и на этот раз. Но прежде она никогда не старалась мне понравиться, и я не обращал на неё особого внимания: ни тебе запахов, ни красок, ни звуков примечательных. Ну, вьюга воеет, бывает. Так и волки тоже воют с голодухи. Тоже мне, особенность. Холодно, ветрено, ни сочной листвы, ни разноцветных стрекоз с полосатыми шмелями. Ой, что это? Неподвижность картины внезапно нарушил прошмыгнувший мимо рыжий кот с куцым хвостом: озираясь вороватой мордой с мёрзлой сосиской в зубах, он осторожно тронул лапкой колючий иней вокруг продуха, да и юркнул в подвал: холодно. Удачи тебе, котейка!

Зима в Сибири всегда чувствует себя хозяйкой положения, забирая часть полномочий у весны и осени: в октябре снег уже лёг, а в марте он всё ещё никуда не собирается, порой ожидая середины апреля. И ветер, ветер то и дело. Всякий раз норовит выдуть из моей головы всю лирику.

Эта зима приходит в мой город с достоинством и берет в плен всё, что видит на небе наверху и на земле внизу. Реки сковывает ледяными веригами, на птиц накладывает обет молчания, она также повелевает сосновым бором, улицами и каждым парком, туманом и облаками, утками и собаками. Повсюду анабиоз и безвременье.

В зарослях шиповника спят снегири, уткнувшись лбами в ветки и друг в друга. Напрыгавшись и напевшись за день, они теперь сгрудились в две плотные стайки: восемь в одной и девять в другой. А чего мне тут делать, у жаркого радиатора? Одевшись потеплее, я потихоньку вышел из дома, обмотав нижнюю половину лица шарфом. Понаблюдаю за зимой. Инкогнито, как бы.

Ветер стих, и пошёл крупный снег. Значит, завтра будет оттепель. Судя по ощущениям, его хлопья падали отовсюду. Некоторые валялись отвесно, тяжело и, казалось, бесследно исчезали, едва коснувшись поверхности сугробов. Другие летели по диагонали, щекоча мне брови и ресницы. Уже через пять минут припаркованные во дворе автомобили стало невозможно отличить один от другого. Модель сейчас у всех была одна – сугробная, а цвет – снежный. Нет, не так. Сладко-снежный, вот. Я задрал голову. Ни луны, ни звёзд. Лишь сплошной зефирный туман. Время остановилось, я выдохнул облачко пара и задержал дыхание, закрыв глаза...

Я вспомнил историю, которую некогда поведал мне один англичанин, перебирая струны в задумчивой грусти:

– Когда-то давным-давно по тропинке не то людской, не то звериной, пришёл сюда человек с мешком за спиной. Шёл он долго ли, коротко ли, никто уже и не знает. Может, миль тридцать, а то и более. Выбрав место получше, он скинул свою ношу и сделал эту дикую местность вокруг своим домом. Человек вспахал землю на берегу холодного озера у реки и построил себе хижину, заготовив в ней запасов на всю зиму. И вот, той же тропинкой пришли и другие странники, посмотрели вокруг и тоже остались тут. Затем

возникли церкви и школы, пришли юристы и принесли законы. Люди построили шахты, и оттуда пошла угольная руда. Позднее здесь появились поезда и грузовики со своими грузами, а взамен той грязной старой тропинки проложили дорогу с телеграфной линией. Потом настали трудные времена, а затем случилась война. А телеграф всё пел и пел свою песню о мире. И та дорога с телеграфной линией со временем углублялась и расширялась, подобно бегущей реке, и вот, теперь это уже не тропинка, а шестиполосная магистраль с затруднённым движением по трём полосам в одну сторону. Кто-то едет домой с работы, а кто-то лишь рыщет в её поисках. И вроде бы право на труд есть у каждого, но далеко не всем хватает места под солнцем, даже птицам. Вот они, глянь – расселись на проводах и телеграфных столбах, я слышу их щебет, похожий на телеграфный код, но птицы-то всегда могут улететь от всего этого холода и потоков шахтёрских огней, а нам, людям, приходится пожинать урожай, что мы сами когда-то посеяли... Правильно говорится: долги приходится возвращать. Радиосводки сулят, что ночные морозы будут крепчать и крепчать. И я, пожалуй, не хочу видеть этого снова...

Что он тогда хотел этим сказать? Что может, обиделась мать-земля, крепко обиделась на человека, бесцеремонно вторгшегося в её тайные пределы и выжавшего из неё все соки, и призвала на помощь зиму, которой, поди, и не было отродясь? Что, живя вместе с землёй и небом, человек мог бы составить единое целое со всей этой незыблемостью первозданного бытия? Но для этого надо было идти по жизни, вооружившись одной лишь любовью. Не взятая силой, земля могла бы безраздельно принадлежать сынам Адама, рождая им хлеб и без пролития пота. Зачем сражаться, состязаться и соперничать, если можно просто воздавать друг другу должное уважение, следуя друг за другом? И мы увязли в суете дорог без помощи скорой. Скованы цепью огней ночных городов, мы обречены проживать за зимой зиму.

И я долго шёл по пустынному проспекту, вслушиваясь в эти слова, всматриваясь в сокрытый от меня лик зимы, изучая её призрачный абрис в жёлтом свете фонарей. И меня осенило: чтобы увидеть саму сущность зимы, а не обманываться макияжем, нужно представить себе, что я вижу её последний раз в своей жизни. Вот сейчас я живу, а завтра уже не наступит. Когда ведёшь себя таким же образом с людьми, с ними не хочется ссориться. Даже если человек ведёт себя возмутительно. А с любимыми и вовселовишь каждый момент и радуешься, «слагаешь его в своём сердце». Я зажмурился и сказал себе, что это последняя ночь для меня. Последний снегопад. Последняя ночная прогулка. Открыв глаза, я увидел слишком много. То, чего не замечал каждую зиму, теперь обрушилось на меня потоком впечатлений. И запах. Это был особенный зимний запах – запах холодного воздуха и замёрзшей воды.

Я понял, что зимы и правда не было изначально, равно как и весны с осенью. На заре времён было одно только вечное лето, и это не было скучно. Зима была рождена намного позднее – из-за человека и для человека. Рождена прятать все его ошибки под толстым слоем снега и льда. Рождена убелить все те мазки на полотне жизни, что человек наносит впопыхах. Стирать, чтобы дать ему возможность передумать, переписать всю картину наново. Да и земле требовалось отдыхать от хаотичной деятельности человека и обновляться. Мир взывал к Богу, и Бог дал ему зиму.

Мне открылось все её разнообразие, я влюбился в неё без памяти. И мог различать более сорока основных типов снежинок вплоть до алмазной пыли. Каждая из них, если приглядеться, переливалась всеми цветами радуги. Ветви деревьев потрескивали под косматой тяжестью кучты. Вроде бы я даже слышал звук, с которым потоки снега рассекали загустевший воздух. Хотя, возможно, это шумела кровь, разгоняясь по венам в ночной тишине, ведь город молчал, и мой слух, привыкший к фоновым шумам, успел

отдохнуть, и теперь мог распознавать то, что раньше проходило мимо сознания. Как тиканье часов, когда о них вспоминаешь.

Я не заметил, как дошёл до общежития, где прошло моё раннее детство. Ещё несколько метров мимо полузаброшенных погребов, и вот – ряд толстоствольных тополей, под которыми когда-то, более шестидесяти лет назад стояла простенькая Знаменская церковь, переоборудованная из обычного частного домика. Я не застал её, само собой, лишь, спустя двадцать лет после её разрушения городскими властями, играл с приятелями на том самом месте, где когда-то в алтаре приносилась бескровная Жертва.

Сибирская зимняя ночь. Город ещё спит, и колкая свежесть наполняет пространство вокруг. Виляя хвостом, ко мне подходит заснеженный барбос – я разбудил его, и он надеется, что это неслучайно.

– Здравствуй, собака, – говорю я, – никакой еды у меня для тебя нет.

И глажу умную морду.

«Ничего, – отвечает пёс, – зато ты не злой и даже не дерёшься. Это уже хорошо». И, потянувшись, беззвучно уходит по своим собачьим делам куда-то за детскую площадку. Как это у него получается? Вот под моими ногами снег ещё как скрипит. Белые хлопья всё не кончаются, и я начинаю напоминать снеговика.

Уловить бы момент, когда снежинка, замеченная в снопе фонарного огня, пролетает свой путь до самой земли, но мне это долго не удаётся. Каждая из них уникальна, но лишь тогда, когда смотришь через увеличительное стекло. На расстоянии же все они одинаковы, и топтать их ногами совсем не жалко. Думаю, именно так и выглядит личность в глазах гоббсовского Левиафана. Издалека это просто масса. А приглядываться ведь некогда, да и неохота опять же. Мельче будешь – дольше протянешь. Возможно ли договориться с самой жизнью, поступившись суверенным правом на смерть?

Где-то наверху звёзды переплетались причудливыми соцветиями, я их не видел, но знал, что далеко отсюда, там, где облака забыли выйти на работу, эти небесные огоньки зябко дрожали в отражении холодных морей и вдохновляли влюблённых забывать о времени.

Млечный Путь, сияя миллиардами космических искр, простирался на сотню тысяч световых лет, увлекая мой город вместе со всей планетой в полёт, длиною в жизнь, и запуская в межгалактическое пространство горячие брызги звёздных систем. Рёв солнечного ветра, теряющийся в безвоздушном пространстве, медленно растворялся в хрусте снега под моими ногами и смешивался с отдалённым запахом печных труб, прилетевшим с правого берега Томи.

Я надел наушники, закрыл глаза, и с расстояния в пять тысяч километров увидел своего приятеля Марка, того самого англичанина. Вот он, седой, семидесятилетний, обритый почти что налысо. Лицо пропитано спокойствием и неторопливостью. Я знаю его почти тридцать лет, но ни разу с ним не встречался. Он даже не догадывается о моём существовании, оставаясь при этом моим другом и умным собеседником. Как старший брат по оружию. Когда слушаю его, ловлю себя на мысли, что ему должно быть лет сто, не меньше.

Открыв глаза, я проснулся. Ночь разбудила меня своей тишиной. Подойдя к окну и выглянув из-за штор, я долго смотрел, как снежинки ложатся на спящих в шиповнике снегирей. Фонарь на углу дома затмевал свет луны, едва пробивавшийся сквозь мешанину смога и облаков, каждая звезда знала свою дырочку в далёком полотне небосвода, и даже не претендовала на право быть увиденной тут, в зимнем Кемерове, а ветер, не прощаясь, отправился спать до самого рассвета.

Рассказ

Ветер за открытым окном задумчиво гонял по террасе россыпи желтых песчинок, словно шепелявя имена позабытых всеми богов.

«Как тростниковый сахар на поверхности чайного столика», – рассеянно подумал старик, набивая грушевую трубку с треснувшим мундштуком.

То ли табак был слегка пересушен, то ли уже начинало подводить обоняние, но вместо привычного пряного аромата, ему почудилась свежескошенная трава родительского луга. И почему-то запах поленницы осиновых дров в сарае, построенного отцом.

Старик крякнул и с усилием поднялся из-за стола, чтобы взять спички. От трения серная головка с шумом рождала пламя, которое сперва забилося, словно в панике, затем, оценив ситуацию, занялось прямыми обязанностями – преобразовать все, чего коснется. Поднеся спичку к чаше трубки, старик дважды осторожно втянул воздух, добившись густого сладковатого дыма и с сожалением задул колеблющийся огонек.

Потревоженная муха взлетела с лопасти стального вентилятора, стоявшего на столе, и перебазировалась на гладь оконного стекла, раздраженно жужжа.

«Фа-мажор», – машинально отметило сознание. Поставить, что ли, Венгерский вальс? Или достаточно того, что мелодия уже звучала в голове, воспроизводя ноту за нотой в стройном порядке? Поистине идеальная музыка!

Выпустив струйку дыма по направлению к почти новой пишущей машинке, старик залюбовался сизыми потоками, проникающими между безупречными кнопками Ундервуда.

О да, эта машинка была произведением искусства! Лист дорогой бумаги был уже заправлен и ждал, когда мысли, уже давно оформившиеся в голове старика в цельное повествование, начнут проявляться на белизне бескрайнего художественного полотна с чеканными ударами металлических

литер. Щёлк, щёлк-щёлк, щёлк... И в конце каждой строки: дзынь! Словно колокольчик из музыкальной шкатулки дорогой почившей Лауры.

Старик вытер слезу и осторожно провел кончиками тонких пальцев по кнопкам. Он помнил точное положение каждой буквы наизусть – так долго он готовился к сегодняшнему действию. Думал, курил, разглядывая каждую деталь машинки, за которую пришлось отдать свой велосипед. Ну и пусть. Все равно координация теперь уже не та, что прежде.

Это будет один-единственный рассказ в его жизни. Зато какой! Сам старина Хемингуэй, будь он в живых, захлебнулся бы желчью зависти и ушёл в затяжной запой. Лучшие газеты будут бороться за исключительные права, когда прочитают ознакомительный отрывок. Потом, после публикации, естественно, все захотят интервью. Но опоздают. Будет интрига. Как? Кто он такой? Откуда ему все это известно в мельчайших подробностях? Что за стиль? Автора!

Но автор уже ничего никому не сможет рассказать, да.

Выбив выгоревший табак из стаммеля о решетку камина, старик положил трубку отдыхать на полке рядом с Вальтером, с наслаждением отпил кукурузного лагера из бокала и уселся перед Ундервудом поудобнее. Вытянув руки над кнопками, как некогда в молодости над роялем в Венской опере, старик зажмурился и ясно представил себе, как бежит по склону альпийского холма на зов милой матушки:

– Фабиан!

– Фабиан? Фабиан Пафф?

Старик открыл глаза. В комнате толпились какие-то люди, испытующе глядя на него.

– Кто вы такие? – выдавил Фабиан, растерянно озираясь.

И тогда старший из них заговорил на самом ненавистном из всех языков планеты. Словно разряд электрического тока пронзил его изнутри, выворачивая все нутро наизнанку. Дикая ярость вскипела в глазах, лицо старика исказила гримаса отвращения, смутившая пришельцев, ворвавшихся в его дом прямо в обуви.

– Фабиан Пафф, за свои преступления Вы приговариваетесь к смерти.

Все четверо извлекли из карманов по пистолету и быстро навинтили глушители. У одного из них тряслись руки.

Выстрелов старик не расслышал из-за вальса. Боли тоже не было, просто ощутил, что поперхнулся. Рефлекторно закашлявшись, он забрызгал белоснежный лист кровью.

Брызги расплывались и складывались в причудливый узор букв и звуков величайшего рассказа двадцатого столетия.

«А так даже лучше получилось», – успел подумать старик прежде, чем доиграл Штраус, и во всем мире погас свет.

Бука

Нужный Никите дом находился на южном склоне невысокой горы, протянувшейся вдоль объездной трассы.

В этом доме его ожидала работа. Маленький сын хозяев утверждал, что в его шкафу живёт Бука, и боялся спать один. Его родители обратились в центр психологической помощи, и теперь Никита, выйдя из такси, не спеша поднимался по извилистой грунтовой дорожке. Он остановился отдышаться и прислушался к гулу пронсящих автомобилей. Он сливался с шумом злобного ветра, который силился оторвать чёрный кованый флюгер с крыши двухэтажного коттеджа напротив.

– Ну, рассказывай. Что там у тебя? – спросил Никита, усевшись на застеленную кровать.

– По ночам, когда луна, к нашему дому подбираются чудовища, их очень много. Они барабанят когтями по стеклу и страшно хохочут. А мама с папой спят и не слышат этого, потому что папа громко храпит. А у меня голова начинает болеть от их смеха, и я прячусь под одеялом. А в шкафу у меня заперт Бука. Это я его там закрыл, – мальчишка, часто и смешно моргая, показал подрагивающим пальцем на красную ниточку мулине, которая была завязана на бантик вокруг ручек.

– Он стучится изнутри, но выйти не может. Я боюсь, и у меня даже ноги замерзают. А ещё чудовища днём воруют моего Ван Хельсинга.

– Кого-кого? – поднял брови Никита.

В ответ малец снял с полки крупную коллекционную фигурку киногероя с лицом Хью Джекмана. Никита с большим интересом разглядывал чёрную скульптурку с арбалетом, вполуха слушая рассказ о том, как мальчик вынужден каждый вечер откапывать своего Ван Хельсинга у колодца за домом. Игрушка была дорогая. Каждая деталь была исполнена с особой тщательностью. Под рукавами плаща обнаружился песок. Видимо, шкет действительно закапывает фигурку на участке. И ведь не жалко ему родительских денег! Стоит, вот, мнётся, губы искусаны. Явный невротик.

Когда за пацаном приехала его бабушка, Никита сказал матери – симпатичной молодой женщине в лёгком парчовом халатике, что ему нужно проанализировать рисунки Владика. Благо, таковые имелись в наличии – у мальчишки не было ни компьютера, ни своего телефона. Зато было полно развивающих наборов для детей.

Женщина показала, что где лежит, и спустилась вниз, на кухню, откуда доносился запах готовящейся солянки. Никита проглотил слюну и принялся раскладывать рисунки на тёплом полу. Выглянувшее из-за туч солнце, озарило заляпанное стекло. Странно. Мать – аккуратистка, в доме ни пылинки, а тут такое безобразие. Никита встал, подошёл к окну и пригляделся. На стекле было полно отпечатков крупных ладоней, явно не детских. Хмыкнув, Никита хотел уже, было, вернуться к рисункам, но тут до

него дошло, что окно испачкано снаружи. Для верности он даже потёр стекло рукавом. А ведь второй этаж, вашу ж!

По всему выходило, что чудовища были не такой уж и выдумкой. Кто-то пугал несчастного Владика, скорее всего, приставляя лестницу к стене дома. Ещё и стук из шкафа. Возможно, спрятанный кем-то динамик. Ну не скотство разве? Только вот, кто это делал? Отбитый на всю башку сосед? А ежедневные пропажи игрушечного вигиланта? Неужели, кто-то из своих? Но у мальчика нет ни братьев, ни сестёр. Отец? Никита как-то сталкивался с одним таким «воспитателем», который специально пугал детей, для забавы. Жаль, что он не набил ему харю тогда. Но малой упоминал про отцовский храп. Блин, ну не мать же занимается всей этой мерзостью, в конце-то концов! Но кто же тогда?

Никита решил, что самое время всё прояснить и вышел из комнаты. Подойдя к лестнице, он услышал, как женщина негромко напевает странную песенку:

*В доме весь огонь погас
В полночь. Раз.
Дверцы скрипнули едва.
В детской. Два.
Кто-то прячется в тени –
Страшно? Три.*

Что за долбанная дичь? Никита потихоньку преодолел несколько ступенек вниз и увидел странную картину: мать Владика, почему-то непричёсанная, беспорядочно машет по полу куцом веником. Песенка продолжалась:

*Этот кто-то хочет есть?
Верно. Шесть.
Будет он обедать кем?
Мною? Семь.*

Никита решил не дожидаться цифры десять и так же тихо вернулся назад, в детскую. Так. Ясненько. Мамочка больна на всю голову. Тут точно требуется ювеналка. Иначе ребёнок свихнётся или ещё чего похуже произойдёт. Стоп. А почему дверцы шкафа приоткрыты? Так не было.

Какой-то механизм, стало быть. Никита потянул за ниточки, развязывая бантик, и открыл шкаф. В следующую секунду он резко отпрыгнул назад, почувствовав тяжёлый удар крови в голову. Стены качнулись и поплыли.

Из шкафа вышло человекообразное существо с большим ртом и длинным языком, не помещающемся внутри него. Его глаза ощупали Никиту, и тот моментально вспотел, чувствуя, как кожа немеет и вспухает под цепким взглядом существа. В глотке пересохло так, что тянуло зайти в приступе кашля. Пот потёк по бровям, заливая глаза. Голова непроизвольно вжалась в плечи. На душе стало очень-очень погано. Неужели всё закончится вот так вот?

Чудище сделало шаг к Никите, но остановилось, глядя на солнечную полосу поперёк комнаты. Раздалось недовольное ворчание.

Солнечный свет! Оно боится света! Метнув взгляд в окно, Никита увидел, что просвет в облаках уменьшается. Ещё минута – и спасительный барьер исчезнет! И тогда всё, смерть... Взыв неожиданно тихим голосом, Никита вдруг бросился на тварь из шкафа и резко потянул на себя. Ноги предательски подкосились, и он рухнул на пол. Существо упало сверху и забилося в конвульсиях, озаряемое слепящим солнцем. Не помня себя от ужаса, Никита сбросил тварь с себя и попытался откатиться в сторону, но не смог – чудище цепко ухватило его плечо холодными, как ледышка, пальцами.

Солнце скрылось за облаком, но существо, похоже, уже подыhalo. Оно с усилием повернуло страшную голову и сказало:

– Родители ни при чём. Просто они сходят с ума. Из-за *них*... *Они* приходят с вершины горы. Каждую ночь. А я, я просто хотел защитить мальчика от *них*, но он запер меня...

Никита дрожал, не веря, что всё это происходит с ним на самом деле. Может быть, он просто свихнулся? Внезапно всё его тело сковало болезненной судорогой, руки сами собой вытянулись в стороны, и на них чётко обозначились чёрные жилы. Рот растягивался в нелепой гримасе всё

шире и шире, а синий язык, извиваясь, вывалился далеко наружу. Никита забился и в панике пытался подняться, но ноги его не слушались.

– Теперь Бука – ты, – прохрипело чудище, съёживаясь на глазах, – не будь сволочью, защити ребёнка. И опасайся солнечного...

Когда к Никите вернулась способность владеть собственным телом, он медленно встал и подошёл к зеркалу. Оттуда на него смотрела та самая тварь из шкафа. Постояв минут пять, он, пошатываясь, подошёл к окну, распахнул его и, обдаваемый ужасным жаром, забрался на широкий подоконник, свесив чёрные ноги наружу. Никита посмотрел вниз и понял, что ему ничего не стоит спрыгнуть с высоты даже пятого этажа. Он был практически неуязвим.

Никита посмотрел на вершину горы и почувствовал на себе опасливые взгляды. Это *они*. Ему стало невыразимо горько, и он с тоской перевёл взгляд на небо. Ветер усиленно гнал полыхающие острой болью облака по небу, словно торопился в какое-то другое место. Никита закрыл глаза и стал ждать, когда снова покажется солнце.

Незванный гость

Тучи нависали над лесом сплошной серой массой. Казалось, неподвижные столбы сосен взвалили на себя всю тяжесть небес. Промозглый туман становился все плотнее, нахально пробираясь в рукава и за шиворот. Брезентовый рюкзак за спиной тянул домой, но путник настолько разочаровался в мирской суете, что упрямо вытер мокрый нос и, сверившись с топографической картой, двинулся напролом через заросли папоротника.

Время от времени из постылой хмари выныривала очередная колючая ветка, целя прямо в лицо. Куртка окончательно промокла, спрей от комаров не действовал. Сосало под ложечкой, но сухари были уже все съедены. Время сыровяленой колбасы ещё не настало: понедельник – день монашеского поста, а Алексей как раз искал отшельнического жития. Где-то в этих местах, по рассказам бабы Фёклы, распорядительницы всех церковных

подсвечников, жил самый настоящий пустынный старец. Не чета тем, что живут в богатых монастырях и окружены толпами восторженных мирносоиц. Этих Алексей навидался сполна. Некоторые из них даже путешествуют по европам на деньги доверчивых жертвователей, называя свои покатушки паломничеством.

Нет, он найдёт настоящего анахорета. Не изнеженного фессалийским солнцем каливита, а сурового аскета из таёжной землянки. Найдёт и поселится рядом, чтобы постигать тайны пустынножительства, имея дело лишь с лисицами и бурундуками. Может, когда-нибудь удастся покормить медведя.

Алексей снял рюкзак, уселся на поваленное с корнями дерево и перевёл дух. На него с ветки внимательно смотрел дрозд чёрными глазками-ягодками. Внезапно он затрепал и сорвался прочь, нарушив бессвязные мысли человека. Алексей громко чихнул, отмахиваясь от назойливых кровососов. Мечталось о жаркой бане. Разжечь бы костёр, да сухой ветки сейчас не сыщешь.

– Ты ещё кто? – неожиданно раздался за спиной утробный голос, похожий на клич выпи.

Алексей съёжился, словно котёнок и резко обернулся на звук.

Никого.

Затаив дыхание, Алексей ящеркой пригнулся к земле. Вытянув шею, он изо всех сил вглядывался в туманную пелену, робко пытаясь разглядеть хоть что-то. Любопытство обжигало его сильнее страха, поднимаясь волнами изнутри до самых кончиков волос.

– Кто здесь? – осмелился он, наконец.

Мга слегка колыхнулась, уступая очертаниям человеческой фигуры. Это был заросший дядька, лет за пятьдесят на вид. Его крупные узловатые пальцы крепко сжимали самодельный посох.

«Лесник», – догадался Алексей, но затем пригляделся к дырявому плащу с капюшоном, цвета болота. Нет, не похоже. Отмахнувшись от назойливых комаров, он чуть приподнялся из-за ствола.

– А Вы случайно не...

– Живу я здесь, – прогудел дядька, приблизившись. – Заблудился?

Только теперь Алексей разглядел маленькие верёвочные чётки вокруг указательного пальца лесного незнакомца. Он стоял в нескольких шагах, величественный, будто сошедший со страниц Патерика. Его глубокие глаза с покрасневшими веками внимательно изучали юношу. Острый кадык двигался с каждым словом вверх-вниз.

«Да это же...», – сверкнуло у него в мозгу. А ноги уже несли Алексея навстречу его судьбе. Отшельник! Старец!

Но едва правый берц коснулся склизкой поверхности гнилой коряги, как мир перевернулся и наступила ночь.

Придя в себя, Алексей увидел, как кроны сосен качаются от ветра. Серая муть рассеялась. Начал накрапывать дождь. Холодные капли попадали прямо на ресницы. Алексей поморщился. Попытка сесть не принесла ничего, кроме острой боли в затылке. Повернув голову, он увидел, как отшельник роется в его рюкзаке. Заметив, что парнишка пришёл в себя, тот выпрямился, держа в руке потрёпанный молитвослов. Поймав на себе вопросительный взгляд, Алексей промолвил:

– А я Вас искал.

– К чему? – ухнул пустынный.

– Хочу в духовные чада. Как Вы чтоб. Калимбу... каливу смастерить...

Мысли путались.

– Некоторые уходят от людей не просто так, – сообщил анахорет. – Зря ты меня нашёл. Ну, с Богом!

Он сунул молитвенник на место, подошёл к Алексею, уселся на него верхом, аккуратно обхватил его шею руками и начал душить.

Говорят, что у людей, находящихся на пороге смерти, либо вся жизнь проносится перед глазами, либо в голову лезет всякая чепуха. Но когда глаза Алексея буквально лезли из орбит, а сердце беспорядочно трепетало, он ясно увидел лицо Леры в свой последний приход в роддом. Она не могла нормально дышать и лишь судорожно хватала воздух ртом, услышав, что её будущий муж решил «порвать с миром» и спастись в иноческом чине.

Затем Лера исчезла, а на её месте оказался отшельник. Он, стиснув губы, ласково смотрел, как жизнь покидает незваного гостя.

– Душегуб я. Серийник, – пропыхтел он.

Перед глазами у Алексея вспыхнули разноцветные молнии, ему стало тепло и радостно. А потом всё закончилось.

Зарница

Низкое солнце слепило глаза, назойливо заглядывая прямо под козырёк шлема. Сержант махнул рукой: короткий привал. Андрей Клюев повернулся лицом к ржавой узкоколейке, упёрся спиной в кряжистый ствол сосны и медленно осел, зажмуриваясь. С другой стороны дерева шлёпнулся на опавшие листья Мишка Тенишев – закадычный друг Андрея. Холодало, и чтоб отвлечься от опасений простыть, Клюев последний час вёл подсчёт звукам миномётных очередей, что становились всё громче по мере продвижения их небольшого отряда. Враг отступил, но было ясно, что они приближаются к серьёзным оборонительным позициям.

В паре километров к северу штормила Балтика, качая резкими порывами ветра вечнозелёные кроны.

– Скоро уже Висла? – хмыкнул Змей, пулемётчик, устраиваясь неподалёку с тубиком белкового концентрата в зубах.

– Остановка Бирюзай. Кушать хочешь – вылезай, – осклабился Тенишев, подмигнув Андрею.

Когда догорела вечерняя зарница, и небо померкло, стрельба уже стихла. Отряд достиг реки чуть ниже паромной переправы, оказавшись в затруднительном положении: это место могло легко простреливаться с того берега. Сержант знаками приказал бойцам залечь в пределах лесополосы и не снимать теплокамуфляж, а сам запустил протокол рекогносцировки местности. Со стороны залива появилась крылатая ракета. Она двигалась зигзагами, и спустя пару мгновений пронеслась над рекой, спровоцировав вражескую систему ПВО. Отстрелив несколько ловушек, ракета-обманка позволила себя сбить. Сотни пылающих осколков были самоуничтожающимися ультразвуковыми сканерами. Спустя минуту сержантский планшет обновил данные, отметив биологическую активность левого берега. Теоретически, какие-то из красных точек могли оказаться крупными животными, но характер их расположения говорил в пользу живой силы противника.

До начала операции было целых три часа, но Клюеву не спалось. Он тербил заусенец, и всё никак не мог расслабиться.

– Поступил приказ осуществить боевую вылазку за реку, – сообщил им вчера майор. У него были мохнатые сросшиеся брови, сплюснутый нос и грустные карие глаза.

– Детали операции узнаете непосредственно на месте, – продолжил он. – Нужен доброволец, умеющий хорошо плавать. На него ляжет основная задача. Риски предельно высокие.

И Тенишев тогда, конечно же, поднял руку. Ключев поднял свою, не думая, по привычке. Куда Мишка, туда и он.

Майор коротко кивнул сержанту и ушёл. Тот встал перед группой, чтобы огласить порядок подготовки. При звуке своего позывного Андрей встрепенулся и последовал со всеми к складу.

Ключев взвесил на ладони выданный ему вчера ГШ-18. Это было странное успокаивающее чувство, и он понял, что впервые держит в руках пистолет со времён их с Мишкой службы в армии.

– Ни звука, и чтоб без самодеятельности. Ползёшь по-пластунски, башку не задираешь. Дашь себя убить – всей операции кирдык, – шептал сержант, проверяя его экипировку, пока Тенишев валялся на спине, мечтательно глядя на редкие звёзды.

Теперь они молча ползли к реке, лишь отчасти полагаясь на теплокамуфляж. Их номинальной задачей было – выяснить, какого рода техника была замаскирована на том берегу: то, что было скрыто от средств радиолокации, вполне оставалось доступным человеческому взгляду. Правда, Мишка с чего-то взял, что их отряд должен был симитировать попытку наземной поддержки прорыва 71-й бригады десантных кораблей с целью отвлечения внимания от настоящего контрнаступления. Ключев никогда не спорил с другом, поскольку он всегда оказывался прав.

Когда берег приблизился, Андрей нервно сглотнул, ожидая, что в любую секунду начнётся стрельба, что их насквозь изрешетит пулями. Но ничего такого не происходило: лишь лесные звуки, плеск набегающей волны и собственное дыхание.

«Я уже умер заочно. Смерть махала мне рукой, сказав, что я живу взаймы. Этой ночью я не дрогну», – подумал он, надвигая на лицо дыхательную маску.

Левый берег был почти такой же пологий. От пристани и вплоть до самого моря вдоль реки рос негустой сосняк с редкими островками лиственных деревьев. Друзья старались двигаться бесшумно, но плеска воды избежать не удалось. Когда они попытались выползти на сушу, из подлеска раздался грохот пулемёта. Пули засвистели над ними, поднимая смертоносные столбики брызг чуть позади.

Они вжались в камни, оставаясь частично в холодной воде. Пулемёт стрелял взад-вперёд, и Клюев чувствовал, как капли падают ему на спину. Он едва смел дышать, и психовал, что не может пошевелиться, чтобы почесать нос.

Стрельба прекратилась только для того, чтобы возобновиться через несколько секунд. Когда она снова прекратилась, Клюев догадался, что их никто не видел. Он также понял, что пулемётная точка расположена не очень далеко от берега и, скорее всего, наполовину роботизирована.

Внезапно, без видимой причины, заработали ещё два пулемёта, находившиеся на равном удалении от ближайшего к ним. Неприятель методично расстреливал реку в течении пяти минут, и Клюев начал молиться, чтобы туда не прилетели мины. Получить гидроудар по ногам совсем не хотелось.

– Хоть бы сделали вид, что целятся, а то я так и не смогу обделаться от страха, – шепнул Тенишев, и мотнул головой в сторону подлеска: пора было вылезать из воды и занимать позицию. На этот раз они были особенно осторожны, стараясь не издать ни звука.

Он прислонился к поросшему травой склону, ощущая в ноздрях запах влажной земли, потянул рукоять пистолета из кобуры и осторожно огляделся. Небо позади начинало сереть. С северо-востока донёсся глухой рокот, и Мишка насторожился. Он прижал свой пистолет к груди и посмотрел налево и направо.

Несмотря на то, что они лежали на защищённых позициях, первый контакт с неприятелем заставил Клюева вздрогнуть. Ему пришлось приложить усилие, чтобы ослабить хватку на пистолетной рукоятки, когда он увидел, как среди деревьев появился человек в форме вермахта. Андрей моргнул. Форма сменилась на обычный камуфляж. Чудится.

– Не стреляй, – одними губами сказал Тенишев.

Клюев кивнул. Подождём, пока не увидим всех.

К одинокому бойцу вскоре присоединился ещё один, а затем и весь отряд. Солдаты побежали вниз по небольшому склону так, как могут бежать только поглощённые жаждой смерти.

– Твой ход, Андрюха – сказал Мишка. Он нажал на спусковой крючок своего пистолета, заряжённого бронебойными патронами, и сразил первого штурмовика, который упал в траву, раскинув руки и ноги, словно какая-то кукла. Клюев услышал, как далеко позади в руках Змея тихо защебетал пулемёт «Барсук», и увидел, как вражеские солдаты валяются, словно мешки с мукой.

Остальные бойцы упали на землю, беспорядочно стреляя из автоматических винтовок, поскольку их тепловизоры не давали им абсолютно никакой информации.

Клюев любовался, как Тенишев методично прицеливался и стрелял по шлемам. Каждый такой выстрел не требовал повтора. Внезапно один из отряда них приподнялся, держа в руке оборонительную гранату. Андрей потратил на него целых две пули. Наверняка чтоб. Спустя минуту вся неприятельская группа была уничтожена.

Бушевал шквальный огонь, казалось, сотнями тысячами снарядов через реку и по берегу непосредственно за ними. С восточного берега ответили грохотом двух крупнокалиберных пулемётов, срезая сосновые ветки с

крепких стволов. Услышав за собой взрывы, Клюев понял, что их отряд на том берегу начали обстреливать из миномётов.

Со стороны моря раздалась оглушительная канонада, которая продолжалась чуть больше минуты: по выстрелу в секунду. Это работала русская спаренная корабельная артустановка калибра семьдесят шесть и два. Каждый из шестикилограммовых снарядов доставлял врагу по четыреста граммов взрывчатки, разнося в клочья то, что пряталось в лесополосе далеко вдали.

Водная гладь позади внезапно вздыбилась от одиночного взрыва, за которым последовал непрерывный грохот, от которого затряслась земля. Это заговорила дальняя артиллерия неприятеля. Огонь усилился, превратившись в непрерывную дробь адских барабанов, от которой дрожала каждая травинка на берегу.

Барабанный бой продолжался в течение четверти часа, а затем внезапно прекратилась. Клюев услышал жужжание и, задрвав голову, увидел низколетающие дроны. Он не мог видеть, откуда они взялись, зато почувствовал, как их бомбы ударили в землю под ним.

Над головой вновь запылали миномётные вспышки. С востока с диким свистом пронеслась дюжина фугасных ракет, а оранжевая зарница крутилась вокруг их дымовых следов в воздушном танце погибели.

Небольшой снаряд ухнул метрах в шести слева от Клюева. Взрыв подбросил землю высоко в воздух и присыпал их с Мишкой.

– Зато нас теперь не видно, – сказал Тенишев.

Когда Клюев вставлял в пистолет новый магазин, берег снова сотряс взрыв. Он на мгновение закрыл глаза. Грохот, запах пороха, дыма и грязи под носом, дрожание земли под его телом – всё это вернуло его мыслями в начальную школу.

Когда родители развелись, они с матерью переехали в другой город, где Андрей никого не знал. Четвёртый год обучения стал нескончаемой пыткой для него, потому что били его каждый день всем классом. Андрей никогда не плакал и никому не жаловался, но и не пытался сопротивляться, надеясь, что когда-нибудь его просто оставят в покое. Но одноклассники останавливаться не собирались.

В тот день его вывели в школьный двор на большой перемене и сперва тыкали в него палкой с тряпкой, которую предварительно макнули в унитаз, и кидались в него комьями земли. Потом Жека, один из зачинщиков, широко размахнувшись, отвесил ему такую пощёчину, что в голове зазвенело, а мочевого пузыря его постыдно подвёл. Слёзы покатались по щекам Андрея, и он понял, что это конец. Конец всей его мальчишеской жизни. И тогда из ниоткуда появился он – Мишка Тенишев.

Первым делом он со всей дури пнул Жеку в пах. Тот завизжал, как девчонка, и рухнул на пустую клумбу, дёргаясь и воя. Затем Мишка выхватил палку из руки замешкавшегося Юрки и ловко, будто д'Артаньян, ткнул его этой палкой в глаз. Пока Юрка убежал с диким рёвом, зовя маму, Тенишев подал палку Андрею и сказал:

– Твой ход. Я подстрахую.

С того дня Андрей получил прозвище Бешеный и постановку на учёт. Так началась его дружба с Мишкой. Он всегда был рядом в трудных ситуациях: действовал первым и прикрывал Андрея в его дальнейших действиях.

– Твой ход, Андрюха, – говорил он.

Ещё один взрыв и новая порция земли вернула Клюева к реальности. Открыв глаза, он с удивлением обнаружил в руке пистолет вместо палки. Стало сравнительно тихо. Беспилотники, подавленные, наконец, Шаманом, уносило к морю течением реки.

Рассвет окрасил золотом видимый друзьям ландшафт. Дрожа, Андрей был благодарен восходящему октябрьскому солнцу, которое могло хоть немного согреть его, но, в то же время, сожалел о темноте, которая до сих пор скрывала их от врага.

Тенишев вставил последний магазин в пистолет, защёлкнул его жёстким ударом ладони, после чего осторожно выглянул через край насыпи. По всему изувеченному подлеску лежали трупы. Бой был окончен. Лишь дальняя артиллерия продолжала методично отрабатывать по всей линии вражеских укреплений.

– Всё, Андрюха, – подвёл итог Мишка, – возвращаемся, пока нас не накрыло ответкой. Прямой приказ мы хоть и не исполнили, но основная цель достигнута – вся эта перестрелка демаскировала их орудия.

Клюев кивнул. Он встал, стряхнул с себя землю и повернулся к реке.

– Андрюха, – позвал Тенишев.

Клюев обернулся. В тот же миг на Мишкиной груди появилось маленькое отверстие, из которого небольшим толчком плеснула кровь. Сам Мишка упал на колени, удивлённо хмыкнув.

– Не-не-не, – сказал Андрей.

Он нашёл глазами стрелявшего раненного солдата и выпустил в него всю обойму. Ком подкатил к горлу, и его вырвало с кровью. Запрокинув голову, Клюев подышал холодным воздухом, поднял Мишку на плечо и понёс его на юг, в сторону паромной пристани, сосредоточенно пыхтя. Он ожидал найти там лодку, и она нашлась. Мотор завёлся с полуоборота.

Четыреста метров водной глади остались за спиной. Андрей осторожно вытащил друга на берег и лёг рядом, потому что силы покидали его с каждой каплей крови.

– Остановка Бирюзай, – сказал он. – Мишка, ты не умирай...

Мишка повернул голову:

– Твой ход, Андрюха. Теперь всегда будет только твой ход.

Клюев потрогал рану на своей груди, на секунду прикрыл отяжелевшие веки, обдумывая, как остроумно он сейчас возразит Мишке, но внезапно услышал требовательный окрик сержанта:

– Вставай и сражайся!

– Дайте же спокойно сдохнуть, – попросил Клюев, открывая глаза.

За окном кадетского лазарета ярко светило солнце. На соседней кровати сидели Змей и Шаман, болтая босыми ногами.

– О, Миха Бешеный говорить научился, – удивился Федька Змиев.

– Фига́ его контузило, – поддакнул Лёха Шамин, – говорят, там старый снаряд сдетонировал. Фашистский ещё.

– Да, бахнуло, аж у меня очки слетели! Короче, теперь «Зарницу» запретят по всей России!

– Ой, да чё ты гонишь?

Мальчишки спорили, а кадет Михаил Клюев отвернулся к стене, пряча слёзы.

– Мишка, – беззвучно шевельнулись его губы.

Сказки

Созвездие Большого Ежа

Глава первая

Лес погружался в темноту. Последние отблески заката слегка касались верхушек деревьев. Лёгкий ветер едва доносил до пролеска журчание

далёкого ручья. По сухим прошлогодним листьям и осыпавшимся сосновым иголкам бежал по своим делам недавно проснувшийся Ёж. Чуткие уши ловили каждый травяной шорох, каждый древесный скрип, а влажный нос чувствовал тонкий аромат наивкуснейших дождевых червяков, трусливо спрятавшихся от него под корнями.

– Я бы даже сказал, подло спрятавшихся, – заметил Ёж вслух.

Конечно же, понятие подлости трудно применять к червякам, ведь они были совсем безмозглыми, но Ёж принимал всё это слишком близко к сердцу, и потому всякий раз сердился на них. Почувствовав грозный топот, червяки затаились глубоко под землёй и даже перестали шевелиться.

– И снова завтрак будет вегетарианским, – печально пропыхтел Ёж и отправился к ручью за опавшей рябиной, надеясь всё же по пути наткнуться на какого-нибудь зазевавшегося жука.

Впрочем, жуки большой отвагой тоже не отличались, а потому забрались повыше на стволы деревьев ещё с вечера. Зубы у Ежа отличались остротой, а характер у него был сложный. Пробегая мимо, Ёж подозрительно покосился наверх. Жуки же стыдливо отвели свои мелкие глазки в сторону.

– Вот днём – зверь-зверем – спит себе да спит. Просто чудо! Но стоит проснуться – всё! На пути не попадайся! – мудро заметил старый Долгоносик, глядя вслед Ежу.

– Я всё слышу! – донеслось недовольное из качающейся травы.

Долгоносик только грустно вздохнул.

По своему обыкновению Ёж сделал небольшой крюк, чтобы проведать Человека. Тот поселился в лесу прошлым летом, выкопав себе большую нору в холме. Нора была знатная, сухая, усиленная внутри палками и прутьями, выстланная хворостом и сухой соломой. И пахла сушёными грибочками и ягодами. Человек не причинял обитателям леса особого беспокойства, и явно

обладал признаками ума. Ну, разве что, не говорил. Вернее, какие-то звуки он издавал, но никто не был в силах его понять.

Вот и сейчас он стоял на коленях у входа в нору и что-то бубукал вполголоса, перебирая в руках связку каких-то зёрнышек. Кедровых, что ли.

«Странный всё-таки этот Человек!» – подумал Ёж и поспешил дальше.

У берега ручья сидел Лягушонок, смотрел на звёзды и задумчиво жевал ручейника – личинку луговой бабочки. Ёж сглотнул слюну и бросил тревожный взгляд наверх.

– Вот-вот проснутся совы, – сказал он вместо приветствия.

– Здвафствуйте, дядя Ёф, – ответил Лягушонок с набитым ртом, – я увэ фкоро иду фпать. Скажите, – продолжил он вскоре, – а зачем нужны звёзды?

– Очень сложно рассуждать о высоком, когда ты голоден, а под ногами болтаются легкомысленные, вкусно пахнущие лягушата, знаешь ли.

– Ой, простите, я же совсем забыл, у меня для Вас есть целых две подёнки! Вот, возьмите, пожалуйста! – воскликнул вежливый Лягушонок, протягивая пару прозрачнокрылых мотыльков.

– Не то, чтобы это было много, но всё равно спасибо, – ответил Ёж, расправляясь с нечаянным завтраком. На Лягушонка он старался не смотреть, и всю сосредоточился на запахе жуков-плавунцов, что предусмотрительно отплыли к другому берегу и теперь недоумённо переглядывались там.

– Звёзды очень полезны, ведь они позволяют совам знать, куда лететь за сочными лягушатами.

– Ну, дядя Ёж, ну, правда! – запротестовал Лягушонок.

– Лично мне они, конечно, ни к чему. И я никогда раньше не задумывался об их предназначении. Но глядя на тебя, я подумал о том, что дело не только

в пользе для голодных сов. Звёзды нужны для того, чтобы уметь видеть дальше собственного обеда.

– Звёзды красивые, – сказал Лягушонок.

– Кому как. Каждый может сделать красивым или некрасивым всё, что угодно. Смотря как на это посмотреть. А теперь живо иди спать, иначе я сам тебя съем!

– Не съедите! – храбро воскликнул Лягушонок.

– Лучше уж я, чем старый Филин, который давно проснулся и летит в нашем направлении, – заметил Ёж. – Шум его крыльев не спутаешь ни с чьим другим.

Лягушонок ойкнул и прыгнул в ручей. Затем его голова появилась из воды.

– До свидания, дядя Ёж!

– Кыш! – шикнул Ёж, и Лягушонок снова нырнул.

– Кому это ты сказал: «Кыш»? – поинтересовался старый Филин, тяжело шлёпнувшись на толстую ветку лиственницы.

– Вон той голубой звезде.

– Очень смешно, – промолвил Филин и потоптался на ветке, усаживаясь поудобнее. – В последнее время эти треклятые огоньки стали раздражать меня своим ярким светом. Спасает облачная погода, да... А сон стал беспокойным. Полдня ворочаюсь, слушаю треск глупых дроздов. Иногда мне кажется, что они делают это нарочно.

– Так съешь одного, остальные уберутся подальше от твоего дома.

– Знаешь, в молодости я так и сделал бы. А сейчас, брат, годы уже не те. Не смогу тогда уснуть до самых сумерек.

– Затыкай на день уши улитками, – посоветовал Ёж, наблюдая за расслабившимися плавунцами.

– А что? Это ведь мысль, Ежище, ты меня очень выручил. Хочешь, я перенесу тебя на ту сторону ручья?

Плавунцы вздрогнули и поспешили нырнуть поглубже.

– Уже не надо, спасибо, – вздохнул Ёж. – Пойду жевать рябину.

– Удачи, – тряхнул головой Филин, – а я полетел искать улиток.

Выяснилось, что рябина не такая уж и скучная, если есть её, валяясь на спине в куче опавших прошлогодних листьев, и смотреть на крохотные звёздочки вдали. Казалось, это сочные ягодки поспели на небесных полях. Особенно старалась одна, ярко-красная. Словно созревающая ежевика с дальних оврагов, она приветливо мерцала, маня к себе.

– А вон те ягодки вокруг, то есть, звёздочки, похожи на большого важного Ежа. Возвращается домой после удачной охоты на большую злую гадюку.

Несколько дождевых червяков осторожно высунули головы, озадаченно глядя на своего грозного врага.

– Отныне нарекаю эти ягоды созвездием Большого Ежа! – торжественно изрёк он, указывая мохнатой лапкой в небо.

Червяки дружно посмотрели вверх.

– А ту ягоду, что цветёт в самом сердце Большого Ежа, я назову Вечерней Ежевикой, – размечтался Ёж, откусывая кусочек рябины. – Она сторожит западные ворота небосвода от скользких коварных змей.

Окончательно сбитые с толку, червяки стали смущённо переглядываться.

– Кстати, один мой знакомый ёж по имени Фестер Винкл, как-то писал, что у них в Англии ежевику в октябре никто не ест. То ли примета плохая, то

ли ягоду кто-то специально отравил. Уже и не помню точно. У нас-то уже в сентябре всё съедено бывает, – сообщил Ёж, обращаясь к червякам.

Последние, услышав слово «съедено», тотчас поспешили зарыться обратно в землю.

Ближе к утру с опавшей рябиной было покончено, и Ёж, тщательно вылизав шёрстку на сытом брюшке, отправился домой, захватив сухих листьев для подстилки, наколов их, по своему обыкновению, на колючки. По дороге он нашёл-таки крупную улитку под корягой, но есть её не стал.

– Подарю завтра Филину, – решил он, – если, конечно, до вечера от меня не сбежит.

По дороге домой Ёж снова ненадолго завернул к Человеку, чтоб перед сном послушать как тот бубукает, перебирая зёрнышки.

Глава вторая

Эта ночь принесла Ежу одного лишь зазевавшегося слизняка. Да и тот был, надо сказать, какой-то хилый. А ведь до зимы нужно обязательно набрать побольше жира. Иначе спячку не пережить. А спят ежи аж до самого апреля! И пока температура не поднимется градусов до пятнадцати, носа из норы ни за что не кажут. Иголки-то – не шуба. Не согреют. Так что наедаться положено сейчас до отвалу. Чтоб потом с трудом в нору пролезать.

Кстати, её ещё предстоит углубить на полметра, а то и целый метр. Это, смотря, сколько снега ожидается. Надо будет уточнить у Филина, тот никогда ни в чём не ошибался. Ну, кроме того случая, когда он сослепу принял Волка за одного из зайцев. Едва не лишившись хвоста, старый Филин потом целую неделю клевал боярышник, успокаивая сердце.

– Вот кто бы знал, что у Волка лихорадка? Трясся, брат ты мой, точь-в-точь, как заяц, сидя в высокой траве! – ворчал тогда Филин. – А характер, скажу тебе, наисквернейший. Как-то это не по-зверски, всё-таки.

– Так ведь ты сам говоришь, что лихорадило Волка. С чего ему быть добрым? Сидишь, болеешь, никого не трогаешь. А тут ещё тебя когтями, – рассуждал Ёж.

– Твоя правда, – сопел Филин, смущённо карябая лапой ветку. – Извиниться, что ли, перед ним? Как-то нехорошо вышло.

Путь к ручью всегда казался недолгим, благодаря мягкой замшелой тропинке, весьма приятной для лапок. Не то, что у оврагов, где каждый мелкий камешек буквально норовит уколоть, да побольнее!

– Дядя Ёж! – уже издали замахал лапкой Лягушонок. – А я сегодня стихотворение сочинил про Солнышко! Вот, послушайте!

И Лягушонок радостно продекламировал:

Солнце – красный апельсин,

Золотая корка.

Из-за крохотных осин

Светит нам с пригорка.

Ёж посмотрел на далёкий пригорок, куда стоило бы вскоре наведаться за грибами. Осины действительно были крохотными.

«Удивительный малыш, – подумалось ему. – Как же ловко у него получилось сложить стих о простом закате!»

Лягушонок, наклонив голову, смотрел на Ежа.

– Вы не торопитесь с ответом. Со стихами нужно обращаться как с голубикой. Сперва покатасть во рту. Потом осторожно раскусить. Почувствовать, как мякоть попадает на язык. И уж затем проглотить.

– С голубикой понятно, – поразмыслив, сказал Ёж, – а как быть со стихотворением?

– А Вы повторите его вслух. Только негромко, для самого себя, – посоветовал Лягушонок.

Ёж последовал совету и вдруг ощутил на языке вкус апельсина.

«А вот старый Филин с тобой не согласился бы. У него-то даже от звёзд глаза болят», – подумал он, но вслух вместо этого сказал, что стих очень хороший, просто деликатесный. Лягушонок обрадовался и пообещал как-нибудь сочинить поэму про Вечернюю Ежевику, о которой во всех подробностях узнал от Ежа.

Тогда, доедая традиционных подёнок – подарок Лягушонка, Ёж твёрдо решил, что завтра встанет пораньше и обязательно полюбуется на садящееся солнце, катая оранжевый стих во рту.

«А что, если мне позаботиться о Человеке? – подумалось Ежу под утро, когда он, послушав перед сном человеческое бубуканье, бежал домой. – Вот взять Лягушонка... Он мал, но пытается заботиться обо мне. И я доволен, и малыш счастлив. Человеку тоже будет приятно, если я принесу ему жирного червяка. Ну, или хотя бы кисточку рябины».

Уже у самой норы Ёж наткнулся на сверчка, который в ту же секунду был съеден. Старый, наученный жизнью, Долгоносик, взиравший на эту сцену с высоты, лишь тяжело вздохнул, и ничего не сказал.

Глава третья

Принести Человеку свежепойманного червяка не удалось. Каким-то непостижимым образом он проглотился прежде, чем Ёж успел понять, что произошло.

– М-м-м, это было, несомненно, вкусно, хоть и очень быстро, – сконфуженно пробормотал Ёж. – Прежде, чем я смогу донести свой подарок, придётся съесть с добрый десяток червей, а они-то уж точно не доставят мне такого удовольствия.

Но с пустыми лапами идти к Человеку было неловко. Пришлось сбегать к старым соснам за парочкой молодых каштановых моховиков. Сеточек на ножках у них не было, но для верности Ёж царапнул каждую у самой земли. Принюхался: запах приятный, не луковый – добрый знак. Царапины не покраснели, значит, всё в порядке, можно смело есть. С первого раза наколоть грибы на иголки не удалось. Всё-таки он был не сказочным, а настоящим ежом, а настоящие ежи обычно не носят людям грибов на спине.

По дороге Ёж утешал себя мыслями, что это только почин, а настоящее угощение он как-нибудь всё же принесёт. В другой раз.

Человек был занят своим обычным делом. Бубукал, время от времени взмахивал правой лапой и неспешно перебирал пальцами левой лапы связку зёрнышек. Давно уже стало понятным, что обоняние у Человека начисто отсутствует, и держаться подветренной стороны совершенно бессмысленно. Поэтому Ёж просто подобрался к нему со спины и снял моховики с иголок. А в этом ему помогла сухая ветка пихты с раздвоенным концом. Пролазишь под ней, выгнув спинку, и рогатинка снимает гриб легко и аккуратно. Подкатив дары поближе к Норе-В-Холме (так звучит намного интереснее, ведь правда?), Ёж отошёл в сторонку, чтоб не быть случайно застигнутым врасплох. Всё ещё было стыдно за проглоченного червяка.

– Бу бу-бу бу-бу бу-бу бу. Аминь, – сказал Человек, в последний раз взмахнув лапой.

От неожиданности лапки Ежа разъехались в разные стороны, и он плюхнулся на брюшко, вытаращив глаза. Между тем Человек заметил грибы,

нагнулся, подобрал их, тщательно осмотрел, понюхал, слегка надломил шляпку у одного и довольным голосом сказал:

– Бу-бу бу-бу, бу-бу-бу!

После чего, нанизав моховики на нитку, повесил их сушиться под козырьком небольшого навеса и ушёл спать.

– Морок, наверное, – сказал Ёж вслух. – Слыханное ли дело – говорящий Человек? Мерещится уже с голодухи. Пора перекусить подёнками, а потом и поесть по-настоящему не мешало бы. Главное, не рассказывать никому – засмеют.

И Ёж поспешил на встречу с Лягушонком, отметив про себя, что грибы, оказывается – не самый худший вариант для подарка. Возможно, стоит подумать и о рябине – её удобно носить кисточками прямо в зубах.

Лягушонок сидел на камне, закрыв глаза, и слушал журчание ручья. Перепончатой лапкой он размахивал в такт невидимому оркестру. Ёж присел рядом.

– Слышите, дядя Ёж? – спросил Лягушонок, не открывая глаз. – Музыка!

– Нет, – честно признался Ёж.

– Это ничего. Вы просто не знаете, что именно нужно слушать, – сказал Лягушонок. – Для начала закройте глаза.

Ёж послушался.

– Ручей. Он журчит. Слышите? А теперь вспомните о листьях на деревьях. Они шелестят. Прислушайтесь: у осиновых голос пониже, чем у берёзовых, но выше ольховых. А ясеневые крылатки звучат как трещотки. Но всё это – лишь фон для настоящей музыки, – продолжал Лягушонок. – Настоящая музыка внутри Вас. Она зазвучит, как только Вы этого захотите!

– Я попробую, – сказал Ёж, – хоть это и непросто. Ведь я знаю, что скрывается за каждым звуком. Как будто я и не закрывал глаза. Слышу, где еда, а где враги.

– Так не пойдёт, – возразил Лягушонок.

– Почему, – спросил Ёж.

– Нужно услышать то, что не связано ни с пищей, ни с опасностью. Попробуйте ещё раз, – воскликнул Лягушонок, – что Вы слышите?

Ёж задумался на какое-то время, после чего неуверенно заговорил:

– Слышу, как остывает земля после дневного жара. Как дышит трава, радуясь прохладе. Как скрипит липа: её корням тесно между двумя валунами. Слышу, как хлопает крыльями сорока... Стоп! Нормальные сороки ночами спят!

Ёж вскочил, открыл глаза и резко развернулся, ощеряясь во все свои мелкие острые зубки.

Лиса, вспугнувшая спящую сороку, была уже совсем рядом. Её глаза были прикованы к Лягушонку. Ёж крупнее, его мясо вкуснее, но нападать на него со спины нельзя – там иглы. К тому же, он наверняка успеет свернуться клубком. А вот небольшой тёмно-зелёный комочек – верный перекус. Времени размышлять, почему Ёж сам не напал на Лягушонка, не было. Мало ли, болен или сыт. Ещё пара осторожных шажков – и можно делать прыжок.

Внезапно свершилось то, чего Лиса совсем никак не ожидала. Ёж, вместо того, чтоб превратиться в колючий шар, бросился на неё и больно цапнул прямо за верхнюю губу! Это хорошо ещё, что не попал в нос. Но об этом Лиса подумала уже потом. А в этот момент она с пронзительным визгом отпрыгнула в сторону. Бешеный Ёж снова бежал прямо на неё!

В ужасе Лиса мчалась сквозь бурелом, не помня себя. Так не бывает! Ежи не охотятся на лис! Или всё же охотятся, когда безумные? Этот уж точно был

не прочь полакомиться свежей лисятиной. Лягушонка, значит, не съел, а вот её пытался загрызть. Заманивал! Ловил на живца! Какой кошмар! Куда смотрит Медведь? Нет, надо больше высыпаться, нервы и так ни к лешему, а тут ещё такое!

Когда Лягушонок перестал трястись от страха, он спросил:

– Дядя Ёж, Вы что, меня защищали? Лиса же могла Вас съесть. Вам бы свернуться в клубок, но вместо этого Вы меня спасли!

Ёж, которого всё ещё продолжало колотить, глубоко вздохнул и промолвил:

– Больно надо было спасать разных глупых лягушат, которые вовремя спать не ложатся. Да я просто шерсти с неё надёргать хотел. Себе в нору, на подстилку. Филин говорит, зима холодная будет. А у лис мех тёплый. Давай-ка ты дуй домой, в ручей, а?

– Так точно! – отчеканил Лягушонок, приложив лапку к голове. – Спасибо Вам, дядя Ёж, до свидания, – добавил он чуть тише и нырнул в воду, оставив после себя быстро разошедшиеся круги.

– Пожалуйста, – прошептал Ёж, пытаясь успокоиться.

– Такая вот музыка, – добавил он, посмотрев на созвездие Большого Ежа – победителя гадюк.

Глава четвёртая

– Медведь – довольно примитивный зверь с узким кругозором, дурным вкусом, злопамятный и мстительный, – поучал молодых жуков мудрый Долгоносик. – Он немножко для нашего леса мелковат. Управленец из него очень посредственный, ему бы небольшой пасекой заведовать или грядкой...

Тут, едва завидев заспанного Ежа краем фасеточного глаза, Долгоносик осёкся. Пень, служивший ему трибуной, был, всё-таки, недостаточно высоким.

– Вот, то ли дело – Ёж! – продолжил старый жук-слоник, делая вид, что не замечает ничего вокруг.

Слушатели, сидевшие на стволах сосен и берёз, молча зыркнули глазками-бусинками на своего всеядного врага, и незаметно забрались чуть выше.

Чувствуя, что ему становится жарко, Долгоносик заставил себя не смотреть на Ежа и принялся вдохновенно перечислять всевозможные достоинства колючего венца творения. Да так, что глупые червяки, чуть было не вылезли из земли, дабы засвидетельствовать тому своё почтение.

Ёж покачал головой и скрылся в зарослях горькой жимолости. Грустный Долгоносик медленно выдохнул и полез под корягу, позабыв о своей аудитории.

– Видит небо, это был самый трудный момент всей моей нелёгкой жизни, – пожаловался он неизвестно кому, затыкая круглое оконце своего жилища сосновой чешуйкой.

Человек ночь за ночью проявлял настоящие чудеса овладения членораздельными звуками. Его бубуканье временами перемежалось чёткими, хоть и непонятными Ежу словами. Скорее всего, это были именно слова. Возможно, всё дело было в хорошем питании, ведь Ёж всякий раз приносил различные деликатесы к Норе-В-Холме. Правда, наблюдение за реакцией Человека на гостинцы показало, что он не ест ни насекомых, ни даже червей. Странно, конечно...

– Просвети ум мой, – однажды удалось выговорить Человеку, после чего снова сбился на обычное «бу-бу-бу».

«А вот это точно не мешало бы, – подумал Ёж, подкатывая к входу Норы крупный подосиновик. – Свет в уме пока никому ещё не помешал в нашем лесу. В следующий раз принесу красный мухомор. Не зря же им лакомятся сам Медведь».

– Говорят, недели две назад на Лису напала целая стая бродячих ежей, – сообщил Филин, найдя за полночь своего приятеля под рябиной у ручья.

– Не может быть! – с полунабитым ртом откликнулся Ёж, продолжая лежать на спине и рассматривать ночное небо.

– Ну, это со слов самой Лисы. Мне одна знакомая сова рассказывала третьего дня. Что-то, брат, не сходится в этой истории, понимаешь? – задумчиво сказал Филин и почесал клюв о нарост на стволе рябины.

– Наверное, то, что бродячим ежам свойственно загонять гораздо более крупного зверя. Кабана, к примеру. Или лося. Но уж точно не лис. Как-то мелко это, – без тени улыбки сказал Ёж.

– В бродячих ежах я не очень хорошо разбираюсь, – признался Филин, – но я ни разу не встречал целую стаю. Да что там – стаю! Я и троих-то ежей одновременно не видывал, да... А вот Лисе доверять нельзя. Та соврёт – недорого возьмёт. Как ловко она меня прошлым летом обманула! Выклянчила мышь под предлогом, что знает способ, как с её помощью привести целый выводок. А я, старый дурак, поверил! Лиса у меня мышь-то взяла, посиди, говорит, тут, а я скоро, мол, обернусь.

– А ты? – повернулся Ёж, перестав жевать.

– А что – я? Сидел, брат, до утра, все глаза просмотрел, а потом спать полетел, несолоно хлебавши. Вот тебе и Лиса! Были бы ежи, ты уж точно что-то знал об этом, ведь так? – спросил Филин.

– Ясно, как лунный свет, – кивнул Ёж. – А ты чего так ежами обеспокоился?

– Ты это... не подумай, – смутился Филин, – Я вашего брата не трогаю. Ну, с того раза, как мы с тобой... То есть, когда я... Ну, в общем с тех пор, как ты не дал мне сгинуть в том болоте...

Старая птица нервно зацарапала лапами по ветке. Ёж машинально погладил старый шрам через всю грудь и вздохнул:

– Мы же договорились. Забудь уже. Расскажи лучше, что ещё в нашем лесу делается.

– Форменный бардак кругом! Порядку-то нет никакого! – взъерошил перья Филин. – А полёвка та, скажу тебе, знатная была, крупная... Эх! А эта рыжая меня вокруг когтя обвела! Никакого уважения к возрасту!

Утром Ёж ненадолго задержался у своей норы, обдумывая двухнедельной давности слова Лягушонка о музыке, глядя, как пробуждается солнце, слушая, как с ним приходят новые звуки, каждый из которых хотелось сравнить с разноцветными нитями. Казалось, можно протянуть лапку и сплести из них хитроумный мелодический узор.

Поймав себя на рассуждениях вслух, Ёж открыл глаза, прекратил тянуть лапки к восходу, подозрительно покосился на притворившегося слепоглухонемым Долгоносика, после чего отправился спать.

Глава пятая

Пока солнце, зацепившись за верхушки деревьев первыми лучами, боролось со сном, у входа в барсучью нору, что прятался в покрытом кустарником суходоле, вынашивалась самая настоящая месть. Нет, сам Барсук, конечно же, не был на такое способен. Выселенный обманом, он погоревал немного, затем перешёл через ручей и построил себе новый дом. А вот новая хозяйка норы сейчас нервно ходила взад и вперёд, оцетинив рыжий хвост.

В байку о стае бешеных ежей верили далеко не все. Мыши, к примеру, уже начинали в открытую высказывать свои сомнения. А перестанут бояться – начнут объединяться друг с другом. Полёвки с лесными, мыши-малютки с желтогорлыми мышами. И тогда конец охоте, всему конец. А если остальные ежи узнают? Вдруг захотят выселить её на окраину леса?

Ну, уж нет! Надо действовать решительно, и отомстить Ежу так, чтоб другим было неповадно. Только вот этот бешеный Ёж... Кто знает, на что ещё он способен? Без хитрости никак не обойтись.

Найти Волка было несложно. Слонялся вокруг опушки, подстерегая длиннохвостых сусликов. Начинать разговор с голодным зверем было глупо, поэтому Лиса принесла в зубах упитанного вальдшнепа, которого словила у самого гнезда под молодой ёлочкой. Птенцов, конечно же, съела сама.

– Здравствуй, Волчок! – дружелюбно сказала Лиса, положив перед ним птицу. – Угощайся, будь добр. Специально для тебя выслеживала.

Волк подозрительно посмотрел на подношение:

– Чего это вдруг? Ага, понял. Нужно тебе что-то от меня. Вот ты и пришла. С жалким паршивым бекасом.

– Да ты что? – замахала Лиса лапами, усевшись напротив. – Я же от чистого сердца! Как узнала я, что Ёж на тебя Филина напустил, так месяц успокоиться не могла! Ни спать, ни есть не в силах, всё за тебя переживала!

– Что? Какой Ёж? – опешил Волк.

– Ну, Филин ещё на тебя напал, не помнишь, что ли? – удивилась Лиса.

– Так это... за Зайца он меня принял. Прилетал, извинялся. Сослепу, говорит, – поглядывая в сторону опушки, ответил Волк.

Лиса всплеснула лапами.

– Какая наглая ложь! То ли какой-то дрожащий комок шерсти, то ли благородный зверь с гордой осанкой. Неказистый Заяц или красавец Волк! – возмутилась она, стараясь не глядеть на свалывшиеся комки шерсти на впалых волчьих боках. – Да вас же просто невозможно перепутать! Говорю тебе: Ёж Филина подослал.

– С чего ты взяла? Да и почему я тебе верить должен? – прищурился Волк.

– Мне не веришь – сам проверь, – вильнула хвостом Лиса. – Поймала я как-то Лягушонка. Съесть хотела, да пожалела. Мал ещё. Так он в благодарность и рассказал мне всё. Про Ежа, про Филина.

– Ему-то откуда известно? Бред какой-то, – зевнул Волк.

Лиса придвинулась ближе:

– Да у них там целая банда! Что ни вечер – Лягушонок с Ежом планы строят у ручья. А потом прилетает Филин и получает от Ежа инструкции. Хвост даю на отсечение – Лягушонок правду сказал, затевают они что-то подлое. А нападение на тебя – это только начало. Власть они собираются менять в лесу. Мне-то что? Я зверь маленький. Изгонят из леса, я в горы уйду. А вот за тебя, Волчок, обидно до слёз.

И Лиса смахнула две крупные слезинки, горько потупив взор.

– Вот, ты доверился Филину, – продолжала Лиса, – как будто не знаешь выражения «врёт, как сивый Филин».

– Э-э-э. Не, не знаю, – смущённо признался Волк.

– Вот на то и расчёт. За первым покушением последуют и другие. Слыхал, как на меня наслали целую бригаду наёмных ежей? – продолжала Лиса.

Волк помедлил:

– Было что-то, ага.

– Еле ноги унесла! – пожаловалась Лиса. – А ежи те после тайной операции как сквозь землю провалились. И никто их больше не видел. Ведь так?

– Верно, – задумался Волк.

– Ты кушай, кушай, Волчок, тебе сейчас силы нужны, – заботливо подтолкнула Лиса вальдшнепа лапой.

Волк, молча, сглотнул слюну.

– Не сегодня-завтра за тобой ежей пришлют. Или филинов. Не удивлюсь, они уже и с гадюками в сговор вступили. Опустеет лес без Волка, опустеет... Конечно, если никто не разберётся с Ежом. Нет главаря – нет и банды. Но о чём это я? Всё равно мне никто не поверит. Пойду-ка я мышей сушить на дальнюю дорогу.

И Лиса, сокрушённо покачав головой, тяжело вздохнула.

– Покажешь того Ежа, – мрачно сказал Волк. – Завтра вечером. А птицу свою забирай.

Довольная Лиса ушла восвояси, а Волк ещё долго сидел на краю опушки. Вот из норы высунулся суслик, огляделся и серовато-палевой молнией метнулся грызть овсюг. Волк равнодушно проводил его взглядом. Есть ему расхотелось.

Глава шестая

– Я думаю, что звёзды – это специальные дырки в ткани небосвода, – решил однажды Ёж, когда они с Лягушонком слушали ночь. – А там, за ними горит яркий огонь.

– А днём дырки закрываются? – спросил Лягушонок. – Днём звёзд не видно. Ну, кроме одной, Утренней Квакши, её иногда видно бывает утром.

– Нет, – помедлив, ответил Ёж, – не думаю. Скорее всего, они никуда не деваются. Видимо, Солнце светит настолько ярко, что свет звёзд нам не виден.

– Выходит, что и Солнце – это дырка в небе? – задумался Лягушонок. – Только большая. Тогда почему она движется?

Ёж почесал ухо:

– Если Солнце – это тоже дырка, это может означать только одно – движемся мы.

– Мы никуда не движемся! – возразил Лягушонок. – Мы лежим на месте, и никуда не деваемся.

– Ручей, вроде, тоже никуда не девается, но он бежит, притом, достаточно резво, – заметил Ёж. – А может весь лес движется? Или даже все леса в мире?!

– Лес вообще на месте стоит. А мы лежим, – не согласился Лягушонок.

– А вот я тебе сейчас фокус один покажу, – придумал Ёж. – Полезай ко мне на спину.

– Там иголки же! – пискнул Лягушонок.

– Я их прижму. А ты будь аккуратней, – сказал Ёж. – Забрался? Держись за уши, да покрепче!

Словно цирковая лошадь мчался Ёж по кругу вокруг старого пня, пока не устал. Лягушонок свалился прямо под стебель объеденной водяники. Его глаза смотрели в небо и не переставали вращаться.

– Ну, как? – отдышавшись, спросил Ёж. – Что сейчас двигалось?

– Сейчас вообще всё движется, – пробормотал Лягушонок. – Весь мир вместе со мной падает прямо на звёзды.

Ёж на всякий случай опасно покосился на небо:

– Лес двигался?

– Двигался.

– А я?

– И Вы, дядя Ёж.

– А ты?

– Я тоже.

– Ты неподвижно сидел на мне, – назидательно сказал Ёж. – Лес стоял. Я двигался. А тебе казалось, что кружится лес. Так дело было?

– Так, – окончательно приходя в себя, промолвил Лягушонок. – Получается, мы все сидим на спине гигантского Ежа?

Ёж наморщил нос:

– Э-э-э, ну, что-то вроде того. Мы как будто на корабле, который плывёт по своему пути. А огонь, что позади небесного полотна, освещает нам дорогу.

– Но кто зажжёт этот огонь? И зачем? – воскликнул Лягушонок, вглядываясь в звёзды.

Ёж хотел, было, ответить, что нужно бы спросить об этом Филина, как замер. Филин уже был тут. Он сидел на ветке сосны с разинутым клювом. А его и без того круглые глаза были теперь похожи на две луны. Лягушонок, заметив Филина, ойкнул и спрятался за колючей спиной.

Ёж замялся:

– Это...

– Не то, что я подумал? – выдавил Филин. – Да я, брат, способность мыслить потерял, увидев... Не знаю даже, как назвать. Очень надеюсь, что

этот хищный кровожадный Лягушонок напал на тебя, а ты пытался его сбросить, спасая свою жизнь.

Ёж почесал лапой ухо:

– Тут у нас весёлая карусель. Хочешь, я и тебя прокачу?

Не успел Филин ответить, как из-за сосны появился ощерившийся Волк:

– Я смотрю, вся шайка в сборе. А прокати-ка лучше меня!

И с этими словами он бросился на Ежа, сильным ударом лапы отправив того прямо в ручей.

– Помогите! – слабым голосом квакнул Лягушонок. От страха его лапки совсем не слушались, и он, застыв на месте, только и мог, что смотреть.

Волк не обратил на него никакого внимания, и в два прыжка оказался на мелководье ниже по течению.

Попав в воду, Ёж тут же перевернулся на спину, и теперь его брюшко было абсолютно беззащитно. В голове помутилось от удара, и он не мог ничего сделать. Течение сносило его прямо на Волка.

Филин опомнился, зашумел, захлопал крыльями и спикировал прямо на волчью спину. Волк завыл от боли и упустил момент, когда Ёж, приходя в себя, проплывал между его серыми лапами.

«Странно, а почему вместо Большого Ежа на небе большое волчье брюхо?» – рассеянно подумал он, кружась в холодной воде.

Извернувшись, Волк цапнул Филина за хвост, выдрал несколько перьев. Тот осерчал, да и клюнул Волка, что было сил. Серый подскочил, да и плюхнулся в самую середину ручья, обрызгав наглую птицу. Затем изловчился и схватил Филина за крыло.

«Сейчас утону», – понял Филин, и судорожно забил по воде свободным крылом.

Лиса с самого начала наблюдала за схваткой из-за куста бузины, рассудив, что лучше в пекло не лезть. Однако увидев застывшего Лягушонка, она решила съесть его, пока представилась такая возможность. Тем более что он её даже не видел. Пригибаясь к земле, Лиса двинулась к добыче. Шаг за шагом. Всё ближе и ближе. И тут, когда оставалось лишь прыгнуть и схватить жертву, появился Человек.

Глава седьмая

Человек проснулся среди ночи от шума. Что-то происходило неподалеку от землянки. Сообразив, что это могут быть дикие звери, Человек спросонья решил установить границы своей территории. Для этого он прихватил крепкую палку, с которой обычно ходил к болоту.

Уже подходя к ручью, Человек начал осознавать необдуманность своей вылазки. Светила полная луна, и его взору предстала следующая картина: довольно крупный волк полоскал в ручье то ли сову, то ли филина, а на сверкающих серебром волнах покачивался и кружился какой-то свёрток.

– Что за искушение, – пробормотал Человек, протирая глаза и подходя поближе.

Буквально из-под ног шарахнулась лиса и скрылась в кустах. Сама сбежала, а добычу свою бросила. Человек нагнулся, поднял из травы небольшую лягушку. Скорее, лягушонка. Вид у него был какой-то пришибленный. Оно и понятно, ведь им только что чуть было, не пообедали.

Ещё несколько быстрых шагов, и стало ясно, что волк и сова сошлись в схватке из-за... ежа, причём, сова явно проигрывала бой. По ручью от дерущихся уплывал ёж. И, между прочим, тот самый, что подкармливал его последнее время. Человека умиляла эта забота лесного обитателя о нём. Правда, сперва ёж приносил, порой, несъедобные вещи. Это было забавно.

Человек успел привязаться к ежу. Нужно было его спасать. Хотя, видимо, сова тоже нуждалась в помощи, поскольку водоплавающей она быть не могла, а купание в ручье вкупе с пребыванием в волчьих зубах вряд ли шло ей на пользу. Сунув дрожавшего от страха лягушонка в карман старой куртки, Человек вбежал на середину ручья, промочив себе ноги, и громким командным голосом сказал:

– Прекратить!

Волк подпрыгнул всеми четырьмя лапами и выпустил из пасти птицу. Чем Человек и воспользовался, буквально выхватив у него из-под носа филина. Теперь точно было ясно, что это филин. Волк отскочил на берег, оскалился и глухо зарычал.

Филин был полуживой – ему досталось от волка, да ещё и воды нахлебался. Палку пришлось бросить. С шумом плескаясь водой, по скользким ручейным камням Человек догнал оглушённого ежа и, подхватив его свободной рукой, извлёк из воды и, прижав к себе, стал пятиться от волка на противоположный берег. Из исколотой ежовыми иголками ладони капала кровь.

От пыла драки, обиды и запаха крови Волк рассвирепел. Шерсть на его холке стала дыбом, бока часто вздымались. Из-за Филина болели спина и хвост. Этот Человек, видимо, тоже в банде, раз отбил Ежа и Филина, а судя по запаху, у него был и Лягушонок. От Человека можно ожидать любой гадости, ведь он не зверь. Волк всякое слышал про людей. Но сейчас у него не было палки. Напасть или с позором уйти? Подлая Лиса наверняка сидит где-то рядом, не шелохнётся. Ждёт, чем всё закончится. На поддержку рассчитывать не приходится...

Итак, напасть или уйти? Ожидание затягивалось.

Лягушонок устал бояться. Сначала он ни о чём не мог думать, кроме ужасных волчьих зубов. Потом вспомнил о Еже и о звёздах.

«Я должен спасти дядю Ежа! – решил он. – Даже если меня съедят! Ну и пусть! Наверняка есть вещи дороже. Не зря ведь горит огонь за небом. А если есть огонь, должен быть и тот, кто его зажёт. Да и дырки в небе прорезать, две больших и множество маленьких – явно было непросто. Такое не под силу ни одному зверю. И сделано это с явной заботой о зверях. Возможно тот, кто возжёт небесное пламя, мог бы помочь спасти дядю Ежа. Впрочем, пора вылезать. Нельзя же всё время бояться». И Лягушонок полез из кармана наружу.

Филин чувствовал себя хуже некуда. Болело всё тело, да ещё и Человек прижимал его к себе слишком крепко. Пока неясно, с какой целью. Впрочем, судя по всему, Человек есть его не собирался. Наверное, не собирался.

В другой руке у Человека был Ёж. Рука была исколота колючками, но выпускать Ежа он, вроде бы не намеревался. Стало быть, опасность миновала. Конечно, неподалёку стоял Волк и глухо рычал, но атаковать Человека явно не решался. Вкусно пахло Лягушонком. Он точно был где-то совсем близко. Внезапно складки человеческой шкуры зашуршали, и появилась голова Лягушонка.

– А ты что? – удивился Филин, который догадался уже об их с Ежом странной дружбе. Впрочем, если подумать, не более странной, чем дружба Филина и Ежа.

– Дядю Ежа спасти! – отозвался Лягушонок.

– А ну, спрятался обратно! Спаситель нашёлся, – щёлкнул Филин на него клювом.

Лягушонок зажмурился, но не пошевелился.

«Вот беда ещё на мою старую голову», – подумал Филин.

Ёж окончательно пришёл в себя, но не мог даже шелохнуться и пригладить иголки, которые впились в Человека. Тот спасал его с друзьями, и Ёж был очень благодарен за это, но страх за Лягушонка и Филина не проходил. Что, если Человек окажется слабее Волка? Что, если все, кто дорог Ежу, включая Человека, погибнут? Этого Ёж допустить никак не мог и приготовился защищать своих друзей до последней капли ежовой крови. Хоть от Волка, хоть от всех волков мира.

Голова звенела, лес качался, словно море... Ёж потерял сознание.

Лиса не стала дожидаться, чем закончится противостояние Волка и Человека, предпочтя узнать об этом завтра из сорочьих новостей. Словно тень, неслышно скользила она среди деревьев, увлечённая мыслями, пока не налетела на Медведя.

– Куда прёшь? Глаза твои где, рыжая? – недовольно пробасил он.

Лиса растерялась и по-собачьи завиляла хвостом.

– И что там за шум у ручья? Опять натворила чего? – строго спросил Медведь.

– Беда, Ваша Медвежесть! Там Человек! На зверей нападает! Я еле ноги унесла! За подмогой спешу! – сбивчиво пролаяла Лиса.

– Что? А ну, показывай, пока я из тебя пугало не смастерил! – рявкнул Медведь.

– Конечно, конечно! – припала к земле Лиса. – Да я же из самых лучших побужде...

– Бегом! – перебил Медведь, и они поспешили к ручью.

Медведь не доверял Лисе ни на гнилую шишку, но её слова всё равно стоило проверить. А вдруг и правда зверям в его лесу грозила опасность? Если что – с неё всегда можно будет спросить за обман. И никуда она не денется.

Кстати, надо будет потом разузнать у рыжей плутовки про нору Барсука. Сам-то он уверял, будто подарил её Лисе, но сороки трещали, что в данном случае имело место самое настоящее мошенничество. А этого в своём лесу Медведь терпеть уж точно не собирался.

Выбежав вслед за Лисой к ручью, Медведь увидел Человека, схватившего Филина и Ежа. Филин был сильно потрёпан, Еж вообще не двигался. Напротив него стоял взъерошенный Волк.

– Вот он, этот человеческий звероубийца! Филина погрыз, а Ежа и вовсе замучил насмерть! – горестно завывала Лиса, всплеснув лапами. – А Лягушонка, Лягушонка-то за что? Только жить начинал...

Волк резко обернулся и зыркнул на Лису совершенно диким взглядом. Медведь взревел и медленно двинулся на Человека. Разбираться времени не было.

Если противостояние одинокому волку ещё виделось Человеку наподобие шахматной ничьи, ведь он буквально чувствовал волчью нерешительность, то появление медведя свело шансы выжить к нулю. Иллюзий Человек не питал. Встань зверь на задние лапы, это означало бы любопытство или неуверенность. Но прижатые уши, вздыбленная на загривке шерсть и прямой немигающий взгляд говорили о том, что, приблизившись, медведь бросится.

Стоит ли умирать из-за филина, ежа и лягушки? Если бросить в медведя птицей и ежом, можно успеть добежать до землянки и запереться в ней. Только вот по-человечески ли это?

«Я ведь вручил свою жизнь Богу, став отшельником. Если пришло моё время, умру человеком. Жаль только невинных зверушек. Сгинут ведь вместе со мной», – мелькнули мысли.

– Прими, Господи, дух мой! – сказал Человек в небо, преклоняя колени. – И не оставь братьев моих меньших!

Никто из лесных обитателей не понял, что именно произошло. Внешне Человек, вроде бы, не изменился, но внутри него словно разгорелся огонь. Казалось, что он видит своими глазами насквозь каждого. Видит и узнаёт.

Медведь остановился у самой воды и сел, глядя на своего старшего брата, о котором что-то смутно помнил, словно из раннего детства. Кто же он? Повелитель? Нет, не то... Хранитель леса – вот, кто.

Волк сделал шаг назад. Перед ним был миротворец.

Лиса пятилась в бузину, ведь там, за ручьём был судья.

Филин, успокаиваясь, почувствовал, что его тело перестаёт болеть. Это было неудивительно, ведь он был в руках врача.

Лягушонок оставил попытки выбраться из кармана, ведь теперь с ними был защитник. К тому же, защитник лично знал того, кто зажёт в небе великий огонь.

Старый Долгоносик, наблюдавший за всем этим со ствола лиственницы, понял, что теперь лес не пропадёт, ведь в нём есть хозяин.

Ёж очнулся и, первым делом, вскричал, увидев рядом с Волком Медведя:

– Не троньте моих друзей!

– Всё в порядке, Ёж, – сказал Человек, поднимаясь с колен, – никто больше не будет угрожать ни тебе, ни твоим друзьям.

Ёж хотел, было, удивиться, что Человек его понимает, но взглядевшись в его глаза-звёзды, в которых пылал самый настоящий небесный огонь, прошептал:

– Хорошо, учитель.

Иришкины книжки

Иришка

Была в одном русском селении семья, благочестивая и трудолюбивая: отец, мать да дочь двенадцати лет, все её звали Иришкой. Случилась как-то беда, и отец с матерью в бане угорели. Отпела Иришка родителей в местной церквушке и похоронила. Погоревала, покручинилась, да делать нечего, пришлось самой всё хозяйство вести. Иришка была девицей толковой, всё у неё спорилось, всё ладилось. Поглядели на неё иные хуторяне: Пёс, Кошка, Гусь, Корова, Баран, Индюк, и прочие, да и рассудили между собой стоять за Иришку горой и пособлять ей во всём.

Тут шли мимо лихие люди, пригляделись, да и поняли, что взрослых на хуторе нет никого, а есть только девица малая. Украдём, говорят, этой же ночью корову с кобылой. А ежели пигалица та шум поднимет, тут ей и конец придёт. Услыхал тот разговор Воробей, что жил под овином, да и пересказал всё Псу. Тотчас звери и птицы совет держали, судили да рядили долго. Наконец решили открыться Иришке. Так, мол, и так, не принято у нас, Божьих тварей, с людьми разговаривать, но тут случай особый. Девица поначалу испугалась, но Кошка – прыг к Иришке на коленки и ну, мурлыкать да приговаривать:

– Хозяюшка ты наша разлюбезная, мы тебя так любим, так любим!

А сама так и ластится. И Пёс тут подоспел. В глаза заглядывает, хвостом машет да скулит жалобно так, словно виноват в чём-то. Погладила Иришка Кошку, почесала Пса за ухом, да и говорит:

– Что же? Так тому и быть. Будет теперь с кем и словом перемолвиться.

И условились тогда хуторяне встретить разбойников хитростью.

Когда Прошка и Фомка, как звали тех лиходеев, прокрались под покровом ночи к хлеву, то увидели, что сквозь щели дверей пробивается свет от зажжённой лучины.

– Что такое? – сказал Фомка. – Давай-ка, брат, подойдём поближе, да выясним.

Воробей, карауливший на крыше, чирикнул, дав знать притаившимся в хлеву друзьям, что разбойники уже тут как тут.

– Сдаётся мне, что зря мы убили хозяйку дома, – хриплым голосом промолвил Пёс. – Она могла бы послужить хорошей приманкой для тех двоих, которых мы видели у плетня.

– Твоя правда, – подхватил Гусь. – Мы бы их тогда прирезали, дабы свалить на них убийство сельского головы.

– Что сделано, то сделано, – глухо отозвался Баран. – Теперь давайте думу думать, как нам изловить этих торопыг да отправить на тот свет поскорее.

– А чего тут думать? – забормотал Индюк. – Дождёмся их прямо здесь, прямо здесь дождёмся, головы им отрубим топором, да и дело с концом, уж я и топор наточил, ух, какой острый он теперь стал, загляденье просто!

– Решено! – прохрипел Пёс. – Так и поступим, а ты, брат наш Левон, сходи-ка на двор, проверь, что за шум там, никак наши мертвецы пожаловали, тут-то им и могила будет.

«Ну, уж дудки!» – подумали враз Прошка с Фомкой, да как припустят наперегонки по огородам! А звери с птицами со свистом и гиканьем припустили вслед.

– Держи, держи!

– Врешь, не уйдешь!

– Забирайте слева, ребята!

– А натяни-ка лук, да угости их доброй стрелой!

А Гусь-то с Индюком всё крыльями хлопают, шум великий образуют.

Насилу убрались разбойники и бежали ещё долго-долго. Зареклись тогда лиходеи в Иришкино село ходить промышлять.

Вытащили друзья Иришку из подпола, куда схоронили её от беды подальше, да и пустились в пляс от радости. И двор свой отстояли, и хозяйку родную сберегли, и разбойников прогнали вон!

А Иришка тут и говорит:

– Достану-ка я книги амбарные, да буду в них все наши приключения записывать, чай, грамоте я с измальства умею, от батюшки с матушкой научена.

Так и пошли с той поры Иришкины книжки. А мы будем в них заглядывать, да дивиться.

Козёл

Жил да был у Иришки Козёл. Не какой-то там расчудесный, а самый обычный, оренбургской породы. Серый, с бородой, весом в четыре пуда. Пуха с него начёсывалось ни много, ни мало, а на один платок в год хватало. Нравом, правда, не вышел. Хоть бодаться не отваживался, ибо на всякую

силу, как известно, есть сила иная, но голос имел больно уж громкий, чем и пользовался не во благо.

Бывало, подкрадётся к хозяйке, да как взмемекнет самым, что ни на есть, дурным манером! Подскочит Иришка с перепугу, да и хватъ, было, Козла тем, что в руке оказалось, а того уж и след простыл. А в другой раз и среди ночи кричит забавы ради. Хуже горькой редьки надоел. А ещё такую взял привычку, что и ни спросить того ни о чём – всё горланит. Ты ему: «Козёл, а не брал ли ты...», а он перебивает и мемекает. Глаза-то выпучит при этом, бородой трясёт, всю охоту поговорить отшибает начисто.

Надоело это обитателям Иришкиного двора, договорились проучить его. Ходят, молчат, друг с дружкой лишь словечком перекинутся. Козлу-то сперва нипочём было – скачет, то и дело, через ограду в своё удовольствие, жвачку жуёт, да бородой трясёт. А потом случилось Козлу угодить в репейник задними ногами. А Иришка как раз на ярмарку ездила, её в тот день до самого вечера дома не было. А репы-то всё колются да зудят. С передних ног он и сам бы выщипал колючки, а до задних никак не дотянуться.

Стал Козёл искать помощи у своих названных сестёр и братьев. Подошёл к Корове:

– Корова, Корова, оберни с меня колючки, уж очень неловко мне с ними!

А Корова головой кивает, да мычит. Словно не понимает ничего. Как ни пытался Козёл свою просьбу изложить, а в ответ лишь одно «Му!» слышит. Пошёл Козёл к Индюку:

– Индюк, Индюк, помоги!

А тот лишь носом красным машет, кулдыкает да булькает в ответ. «Ну, уж Кошка-то мне поможет», – решил Козёл и отправился её искать. Нашёл её у печки в избе:

– Кошка, Кошка, повыдери у меня из шерсти репей!

Шипит Кошка в ответ, спину выгибает, хвост полосатый трубой торчит, глаза горят, просто жуть!

«Сейчас кинется!», – испугался Козёл, да и выпрыгнул во двор через окошко. Подошёл к собачьей будке, кося одним глазом на открытые ставни: а ну как вдогонку бросится взбесившаяся Кошка! И стал Козёл Псу жаловаться на судьбу свою горькую. А тот знай себе, спит.

– Да ты не слышишь ли меня, Пёс? – возвысил Козёл голос.

Открыл Пёс один глаз, почесал лапой косматое ухо, зевнул во всю свою огромную пасть, вытянув узкий язык черпаком, да как щёлкнет зубами! Отскочил с перепугу Козёл, глядит, а Пёс уже снова спит, да лапами во сне перебирает, будто бежит куда-то.

Опечалился Козёл, встал в середине двора, да как взмолится во весь голос:

– Братцы, да что же это? Неужели вам и дела нет, что я погибаю, колючками уязвлённый?

И заплакал Козёл горячими слезами, печально затряслась его борода. Вышли звери и птицы, обступили Козла, головами качают:

– Ты на себя посмотри наперёд, да припомни своё поведение. Твоя ли правда будет?

Понурился Козёл, вспомнил свои неподобающие поступки, да и зарёкся навсегда озорничать, весь двор смущая. Приехала Иришка с ярмарки, глядит, а Козёл-то всё подлизывается к ней, да норовит каждому услужить. Подивилась она такой перемене, да спать пошла, Богу помолясь. А уж на утро всё узнала, как дело было, да и в книжки свои записала.

Сокровище

Кем-кем, а бездельницей Иришка никогда не была, приучена родителями к труду, всегда всё вовремя делала. И друзья её верные пособляли своей

хозяйке как могли, старались всюю. И когда пришла пора хлеб с поля убирать, отправились на поле все вместе. Иришка серпом острым колоски срезает, да в пучки связывает, Пёс в зубах относит, да в телегу складывает. Козёл с Бараном сперва сами вызвались, да рассудительная Кошка отсоветовала:

– Вам, дорогие мои, что в рот попадёт, то вы сразу и сжуёте сперва, а потом думать будете, что случилось. Уж лучше обмолачивайте снопы копытами, так искушения полакомиться меньше будет.

Так и сделали. Петух песни поёт, да командует, Воробей над полем летает, всё ворон примечает, а Гусь крыльями хлопает, шипит угрожающе, отгоняет, значит, любителей поживиться зёрнами с обмолота. А тут посреди поля пень стоит. Вроде бы трухлявый, а корни крепко-накрепко в землю вцепились, его даже родители Иришкины не могли выкорчевать.

– Не дело это, – говорит Иришка. – Давайте-ка, братцы и сестрицы, вытащим его, да сожжём по зиме в печи.

Сказано – сделано. Обвязали тот пень крепкой пеньковой верёвкой, Кобыла с Коровой впряглись, тянут, что было сил, Пёс с Кошкой корни подкапывают, а Иришка их топором рубит. Да и Баран с Козлом не остались без дела. Разбегаются, да и бодают пень с другой стороны. Так все вместе и победили вековую корягу.

Глядь – а в яме, где пень сидел – горшок с золотом. Собрались все, глядят, думают, что с сокровищем делать.

– Мне бы упряжь новую справить, – говорит задумчиво Кобыла.

– Хлев новый построить можно, – вторит ей Корова.

– Будку, будку утеплить на зиму! – радуется Пёс.

– Червей, муки да крапивы толчёной на зиму купить! – стараются Гусь с Индюком.

– Кур на базаре купить, да побольше! – хлопчет Петух.

И начался спор. Каждый норовит на своём настоять. А вороны, видя такое дело, давай втихаря зёрна клевать. Тут Кошка и говорит:

– Опомнитесь, что вы всё о себе, да о себе? А про Иришку подумал кто из вас? Да это золото надо бы ей на приданное оставить. Будет приданное – найдётся и жених хороший.

Тут все споры-то и закончились. Стыдно стало зверям и птицам. Кивают, соглашаются. Да только Иришка заупрямилась и говорит:

– Золото это не моё и не ваше. Счастья от него не будет, коли мы его на себя потратим. Неспроста Бог открыл это сокровище. Чует моё сердце, что испытывает Он нас. Мы-то с вами, чай, не бедствуем. И крыша над головой есть, и пища со стола не убывает. А сколько в нашем селе есть детей малых, что слаще репы по воскресным дням и не едали ничего! Давайте лучше устроим им праздник настоящий на Рождество Христово, когда кругом метель да вьюга. Кто со мной согласен?

Тут уж все согласились, рассудив, что доброе дело завсегда важней обновок и лакомства. А Пёс, опомнившись, как гавкнет на хитрых ворон! Те, чуть было, все перья не растеряли со страху и разлетелись, возмущённо каркая.

После праздника Покрова отправилась Иришка в город, чтобы закупить всяких сластей для сельских ребятишек, где и заприметили её Фомка с Прошкой – разбойники лихие.

– Смотри, брат, золотом расплачивается, – шепнул Фомка.

– А не та ли это девица, которую, вроде как погубила та шайка, что нас, чуть было, на ножи не подняли по весне? – засомневался Прошка.

– Вряд ли, те душегубы слишком хитры были, чтоб вот так просто оставлять её в живых, – не согласился Фомка.

– Золота, смотрю, много у неё, надо бы проследить за ней, где живёт, а потом и поживимся втихаря, – решил Прошка.

Проследили разбойники за Иришкой до самого дома, и поняли они, что это тот самый двор, где их поджидали другие лиходеи.

– Стало быть, непростая это девица, а самая, что ни на есть, разбойница, – промолвил Прошка.

– Да куда ей? – не согласился Фомка. – Я так думаю, дочь атамана это. Иначе ей золота не доверили бы.

– Твоя правда, – ответил Прошка. – Надо бы отомстить им за наш позор. Только вот, как?

– Тут не сила нужна, а ум. Их вон сколько, а нас только двое с тобой, – задумался Фомка. – Давай-ка, брат, пустим слух, что девица эта при деньгах, да разбойников привечает. А там уж пусть с ней разбираются, кому положено.

– Это ты ловко придумал, – обрадовался Прошка, – чужими-то руками всё сподручнее жар загребать.

Нашли они в городе купца одного, которому краденое сбывали, да заставили письмо подмётное написать, которое затем подбросили на двор сельскому голове.

Тот, однако, дураком не был, и понял, что сиротка в делах воровских принимать участия никак не могла. Но известие о больших деньгах запало ему в самую душу, и стал он думу думать, да справляться в городе, не видал ли кто, как Иришка траты непомерные на базаре несёт. По всему выходило, что клад она нашла, ведь родители её покойные богатством не особо славились. Тут, конечно, закружили его дела разные, с приходом зимы связанные, но забыть о золоте было непросто. И наведалься сельский голова к Иришке, якобы по поводу предстоящей починки церковной колокольни.

– Ты, – говорит, – как живёшь–здравствуешь? – А сам всё глазами смотрит кругом, ищет признаки богатства да роскоши.

– Благодарствую, батюшка Пётр Алексеевич, – отвечает Иришка. – Вашими молитвами да милостью Божьей.

Тот смекнул, что на дворе всё по-старому, да и понял, что золото припрятано где-то. И решил он напрямик всё вызнать:

– Люди добрые бают, что клад ты нашла?

– Верно говорят, не соврали люди, как есть нашла. То Бог послал, – отвечает Иришка, прекратив снег на дворе разгребать.

– Так ежели Бог послал, надо бы и дело Божье совершить – церкву поновить, колокол новый выписать из столицы, да попу ризы новые пошить к Рождеству, – говорит голова. – Ты бы пожертвовала на доброе дело, а я уж прослежу, чтоб ни одного пятака не пропало. Вот те крест!

Смотрит Иришка, а у головы сельского глаза так и горят! Поняла она, что тот хочет всё к рукам прибрать, да и отвечает:

– Божье дело – это хорошо. Не потрачу я на себя ни гроша, всё, что есть, Христу Богу верну на Его светлый праздник. Вы, как обедня закончится, приходите на площадь, там-то я и рассчитаюсь сполна.

А тут Пёс давай ворчать на голову. Да смотрит так нехорошо, как будто вот-вот кинется.

– Ладно, – говорит голова, – так тому и быть. Смотри только, не обмани меня, Иришка, не то я на тебя управу вмиг найду, самому государю пожалуюсь!

– Да что Вы, батюшка, какой обман? Неужто я Христа в самый день Его Рождества без подарка оставлю?

Пробурчал Пётр Алексеевич в ответ нечто неразборчивое, да и пошёл восвояси.

В рождественскую ночь, пока все спали, Иришка со своими друзьями на площадь сельскую отправились, где по указу государёву ель стояла принаряженная, вся в лентах расписных да цветах бумажных. Там они трудились, не покладая рук, лап и копыт – горку строили высокую, а потом водой её поливали, чтоб подмёрзла.

Наутро весь сельский люд отправился в церковь – прославить Младенца Христа. Лишь самые больные да немощные по домам остались. Пошла и Иришка, хоть и не спала совсем, едва успев правило молитвенное совершить к Причастию. Всю службу зыркал на неё сельский голова со своего почётного места у самого амвона. А та, знай, стоит у дальнего подсвечника, Богу молится, да за свечами поглядывает, чтоб не поплыли от жара.

А как крест поцеловали, так и позвала Иришка всех на площадь, особенно же детей зазывала. А кто из них стеснялся да смущался, того чуть не силком поволокла.

«Ну, – думает голова, – тут-то в толчее и суете про золото спрашивать самое и оно. Вроде как при всех, а в то же время, никто не обратит внимания».

Пришли все на площадь и ахнули. Горка высоченная, по краям площади столы стоят деревянные, а на них чего только нет! Калачи румяные, яблоки мочёные, сушки с баранками, хлеб маковый, ягоды всякой не счесть засахаренной, петушки на палочках, халва турецкая, заливные орехи, пастила, мармелад, изюм, молоко миндальное, кисель ванильный, пряники в разноцветной глазури, расстегаи рыбные, пирожки с мясом... И мужики у тех столов стоят всё не местные. Один как грянет на всё село:

– Налетай, детвора, всё сегодня задарма! Каждой девице по платку из ситца! Каждому мальчонке по меховой шапчонке!

Что тут началось! От детских визгов аж уши заложило! Стоит Пётр Алексеевич, глазами хлопает, в толк никак не возьмёт, откуда всё это изобилие взялось:

– Что такое? Как? За чей счёт?

А Иришка улыбается и говорит ему:

– Вот я и выполнила наш уговор!

– Да как это? Ведь ты обещалась на дело Божье золото отдать! – оторопел голова.

– Так я и не обманула. Вот, батюшка, мой подарок Христу-Богу! Уж как Он, верно, радуется сейчас! Помните, как отец Никифор на проповеди говорил, что творящий милостыню даёт Богу займы? Вот я и потратила всё Божье золото на угощение и подарки детям, да подрядила из города людей в помощь себе. Только мне взамен и не нужно ничего! Пусть Христос присмотрит за каждым сиротой в нашем селе – я и рада буду с того.

Стоит Иришка, раздумянилась вся от речи длинной и мороза. Стыдно тут стало сельскому голове, посмотрел на счастливую мелюзгу, облепившую праздничные столы, да со смехом с горки катавшуюся, да и поклонился ей в ноги, шапку сняв:

– Сохрани, тебя, Иришка, – говорит, – Матерь Божья! Всё ты правильно сделала. А на меня, старого дурака, не держи зла, бес попутал.

Приподнялась Иришка на цыпочки, да и поцеловала старика в лохматую бороду.

– Вот ещё чего придумали! Да какое такое зло в день рождения Христов? А Вы лучше на чай с пирогами заходите, как сподручно будет.

И пошла Иришка домой, к своим верным друзьям. Уставшая и счастливая. А праздник на площади продолжался аж до самого вечера. Его потом целый год вспоминали.

Петух

Петух просыпался каждое утро раньше других, вспархивал на крышу овина и красиво пел, приветствуя красное солнышко и новый день. Вот и сегодня, хлопнув крыльями для бодрости, он вытянул шею и, глядя на восток, провозгласил конец ночи.

Едва услышав утренний гимн, Пёс, подняв лохматое ухо, сквозь сон негромко вставил своё: «Гав». После чего зевнул во всю пасть, открыл по очереди глаза, потянулся, скребя когтями дощатый пол будки и сказал голосящему Петуху:

– Ну, будет тебе, никто уже не спит.

– А есть ли у тебя другие песни? – замурлыкала Кошка, выходя из сеней. – А то эта уже приелась за столько лет.

Индюк чуть приподнял голову из-за корыта и негромко забулькал, соглашаясь с Кошкой.

– Какой песне научили, ту и пою, – смутился Петух.

– Чего пристали к Божьей твари? – вступилась Корова. – Вдруг другая песня не разбудит солнышко?

– А что, если солнце встаёт само по себе, а вовсе не от песни Петуха? – заблеял Козёл.

Тут все задумались. Ведь без петушиной песни никто из них рассвета и не видывал никогда в жизни.

– А разве так бывает? – удивилась Лошадь.

– Кто ж теперь рассудит, коли Петух каждое утро поёт? – не унимался Козёл.

– Могу и не петь вовсе, – неслышно пробормотал Петух, слетел с овина и побрёл в амбар, пока остальные судили да рядили о нём.

Распахнулись резные ставни, из окна выглянула Иришка.

– Спасибо тебе за солнышко, Петушок! – сказала она и спряталась внутрь.

Петух, было, встрепенулся, но потом спрятал голову под крыло и горько вздохнул.

– Петух, а Петух? А можно я побуду Петухом немного? – шёпотом спросил у него Гусь.

– А я кем тогда буду?

– Гусём, – ответил Гусь.

– А что мне нужно будет делать? – спросил Петух.

– Ровным счётом ничего! – заверил Гусь. – Спи, сколько влезет, ходи туда-сюда да ворон считай.

– А что? – обрадовался Петух. – Это я смогу.

– Ты мне только гребень с бородкой одолжи, а то я на Петуха не очень-то похожу без них, – попросил Гусь.

– Забирай и шпоры мои! В них ты будешь настоящим Петухом.

Поблагодарил Гусь, да и отправился на двор щеголять обновками. Тут все звери враз позабыли про свой спор, и давай дивиться новому Петуху – белому, с длинной шеей. Вороны, глядя на то, даже каркать перестали и уселись на плетень рядком. Клювы разинули, переглядываются, не знают, что сказать.

А на следующее утро Пса, сладко спавшего в своей будке мордой наружу, разбудило злое шипение. Пёс-то как подскочит! Да как закричит спросонья:

– Змеи! Змеи!

Кошка от того крика спину выгнула, да со страху и сама зашипела. Хвост трубой, глаза горят. Шмыг в сени, а там ведро пустое. Трах! Бабах!

Козёл взмемекнул, закрутился на месте, да на Индюка и наступил. Бедолага с перепугу вспомнил, как летать, пришёл в себя уже на крыше дома, а как спуститься, не знает – крыльями хлопает, ногами топает, головой трясёт да кулдыкает что-то про суп.

А Лошадь с Коровой решили, что разбойники на них напали, мечутся по хлеву, кричат, друг на друга натываются.

Воробей, что мирно спал под крышей амбара, вылетел, весь растрёпанный, а куда податься – и не знает. Кружит вслепую, чирикает:

– Беда, караул, пожар!

А Баран-то как побежит! Да как стукнется рогами о рублёный овин!

А Гусь, который петь не умел отродясь, а только шипел, надеясь солнце разбудить, с того овину как шмякнется на Пса! Пёс от неожиданности Барана и ухватил за бок зубами. Благо, что шерсть у того была густая – так просто не прокусишь.

Все шумят, кричат, и только Петух спит себе сном богатырским в амбаре, в зерно зарылся, ничего не слышит.

Тут и сама Иришка выбежала на крыльцо с ухватом наперевес:

– Что такое? Почему?

А на дворе темно, ничего не видать. Петух не поёт – солнце не встаёт. Пока разобрались, что к чему, стали Петуха искать – насилу нашли.

– Ты уж спой свою песню, Петух, – просит Кошка, – не держи зла, видишь, солнце лишь на твой голос откликается, твою только песню и признаёт.

А Гусь уже снял с себя красные гребешок и бородку, протягивает Петуху вместе со шпорами:

– Не тот настоящий Петух, кто на Петуха похож, а кто Петухом и уродился. Да и песня моя не годится солнцу будить.

– Спой, Петушок, – вторит Кошке Иришка, – а то уже всей деревне вставать пора, а кругом темень одна – дальше носа не видать.

Встрепенулся Петух, крыльями захлопал, взлетел на овин, шею вытянул, да как запоёт утреннюю песню назло ночи тёмной!

Тут-то солнце сразу и выкатилось из-за леса далёкого. Все обрадовались, и только Гусь понурился и говорит:

– А вот от меня пользы никакой и нет. Ни голоса, ни песни, ни умений особенных.

– Да ты что, Гусь, красавец ты наш, да неужто мы друзей будем выбирать для пользы своей? Мы тут все друг за друга горой, все друг другу помощники и советчики, – говорит Иришка.

Настала пора и Гусю радоваться, позабыл он про все свои горести, да голову подставляет Иришке – приласкала чтобы.

Тут Индюк голос подал с крыши, мол, снимите меня отсюда, звери добрые, сам-то я никак не слезу.

Снимали Индюка всем двором. Вот так переполох случился! Всем на вразумление.

Лучшая в мире сказка

Снег всё падал и падал. Мириады крупных снежинок сплошным кружевом усыпали мостовые, тревожимые редким пешеходом, чтобы затем снова восполнить свою целостность. Волшебство этого прекрасного зрелища

усиливалось придорожными огнями, которые отражались в каждой снежинке, посылая привет одинокой фигуре в окне старого четырёхэтажного здания без мансард. Человек неподвижно сидел на потрескавшемся подоконнике и зачарованно смотрел на огромный мир за стеклом, который, казалось, замер сейчас, готовый к настоящей сказке.

Правда, ни пешеходы, ни водители шумных глазастых автомобилей ничего особенного не ощущали, и это было видно по их суетливой торопливости. Но один человек был к сказке готов, и вот сейчас он, освещаемый тусклым светом закрытого потолочного светильника, вздрогнул и радостно обернулся к появившемуся за его спиной человеку.

– Привет! Тебя что – опять заперли?

– Привет! Как видишь. Я тебя совсем заждался. Где ты пропадал всё это время?

– Меня не было всего один день.

– Но это очень долго!

– Я был в мастерской. Сам понимаешь, без ремонта в такую погоду ничего хорошего не жди.

– Понимаю. Погода, кстати, чудесная. Там, за окном. Жаль, что я не могу выйти наружу, слепить снеговика и покидать снежки...

– Пустяки! Это мы ещё посмотрим! Придумали тоже – запереть человека в канун Рождества! Настоящие мучители!

– Говорят, что это для моего же блага.

– Скорее, для их блага. А ведь ты мог бы избежать всего этого. Погляди вокруг: кровать, прикрученная к полу, решётки на окне, просто тюрьма, а не лечебница!

– Не начинай.

– У тебя могла быть собственная семья. Ведь ты был в неё влюблён. Она и вправду была ужасно хорошей, и ещё эти ямочки на её щеках...

– Пожалуйста, не надо... Она давно вышла замуж и, кажется, счастлива.

– А этот её братец-близнец?

– Они не близнецы, а двойняшки.

– А какая разница?

– Не знаю.

– Он мог бы стать тебе другом на всю жизнь.

– Но ведь не стал. Он повзрослел, и у него не стало больше времени на игры.

– А твои глупые брат с сестрой?

– Они перестали меня навещать, ты же знаешь. И вовсе они не глупые.

– Но ведь завтра Рождество! Я думал, они придут поздравить тебя.

– Но ведь на день моего рождения они тоже не смогли прийти. Они наверняка ужасно заняты...

– Всего этого не должно было случиться. Ты же мог попросить меня больше не приходить. Помнишь тот наш разговор?

– Я помню все наши разговоры.

– Уверен, твоя жизнь стала бы намного проще без меня.

– Как я могу предать своего друга? Тебя. Нет, я не хочу!

– Но ведь я существую лишь в твоём воображении. Кстати, спасибо за это. Ведь это так хорошо – просто быть. Жаль, что многие не ценят этого. Вон, погляди в окно! Видишь того угрюмого человека с двумя пакетами продуктов? Ему есть, кому их нести, но в тоже время он считает себя несчастным.

– Взрослые всегда несчастны.

– Ты сам взрослый.

– Мне всего лишь сорок лет, и это ни о чём не говорит, ведь я не захотел отказываться от детства. Для меня всё в этом мире остаётся удивительным и загадочным. Я до сих пор умею радоваться росе, дождю, радуге и снегопаду. Поэтому зима не утратила своего милого очарования. Посмотри на себя, ведь ты сам внутри ребёнок несмотря на то, что выглядел взрослым ещё в первую нашу встречу.

– А ведь в этом ты прав, мой друг! Наверное, поэтому нам всегда с тобой весело вместе!

– Если бы в тот день я отказался от тебя, я отказался бы от умения дружить, отказался бы от самого детства. А что может быть прекраснее детства?

– Вечное детство! Гей-гоп!

– Вот видишь? Ну что, устроим настоящий Новый год?

– Устроим! Чем сегодня займёмся, Малыш?

– Тебе лучше знать, ведь ты самый лучший в мире специалист по веселью, Карлсон!

– А то кто же ещё? Да начнётся истинное веселье!

И там, внутри стен городской психиатрической больницы, в маленькой палате началась самая настоящая сказка, лучшая во всём мире, которая может быть только, если ты так и не потерял своё детство.

– Пусть всё кругом горит огнём, а мы с тобой споём, – разносилось по всему этажу в два по-настоящему счастливых голоса.

Золотая рыбка

Маленькая золотая рыбка жила в небольшом аквариуме, который стоял на старом письменном столе, обитом зелёным сукном. Каждое утро в комнате раздвигались шторы, и лучи солнца, проходя через окошко, обращённое к востоку, озаряли рыбкин дом и красиво переливались на гладкой безупречной чешуе.

Вода слегка нагревалась, и рыбка нежилась, подставляя ласковому солнышку то один бок, то другой. Домик был идеален: чистый белый песок, изумрудные водоросли, колыхающиеся от каждого взмаха плавника, каменная башенка с зубцами, внутри которой рыбка пряталась от большого рыжего кота. Тот никогда не упускал случая подкрасться и запустить внутрь когтистую лапу, делая вид, что проверяет температуру воды.

Вот и сейчас кот был рядом. Ходил кругами, распушив полосатый хвост, и украдкой бросал взгляды на красавицу-рыбку. Ей льстило такое внимание, хотя она догадывалась, что лучшим выбором будет держаться на почтительном расстоянии. Старый хозяин проводил в комнате много времени, сидя за столом. В знак приветствия он проводил скрюченным пальцем по стеклу, и какое-то время просто любовался рыбкой прежде, чем насыпать корм и разложить книги с бумагами для своей очень важной работы. Ему нравилось, когда рыбка начинала кружиться по аквариуму в затайливом танце, и она всякий раз делала это с большим удовольствием. Улыбка озаряла лицо учёного, и он гладил кота, который осторожно укладывался у самой чернильницы и делал вид, как будто совершенно не интересуется ничем другим, кроме порхания пера по бумаге.

Когда большие часы отбивали девять, в комнату, постучавшись, входила юная служанка с чашечкой кофе на медном подносе. Ей разрешалось немного задержаться, чтобы полюбоваться рыбкой и помахать в знак приветствия. Наградой девушке бывал изящный пируэт вокруг башенки, на что кот всякий раз фыркал и демонстративно отворачивался. Служанку он почему-то не любил, хотя она кормила его пять раз в день, и была к нему

ласкова. За аквариумом ухаживал только сам хозяин, никогда не имевший ни жены, ни детей. Он работал до двух часов, а потом куда-то уходил.

В отсутствие старого учёного кот запрыгивал на подоконник и подолгу глазел на проходящих мимо окна людей, помахивая хвостом, удаляясь лишь на время уборки. Вымыв пол и смахнув пыль со всех предметов, служанка становилась на коленки перед резным столом и задумчиво смотрела на рыбку.

– Ах, вот бы и мне быть такой же красивой, как ты! – вздыхала она, откидывая прядь волос с лица. – Я бы тогда вышла замуж за какого-нибудь принца! Впрочем, вполне подошёл бы и музыкант. Или даже башмачник. Но только не учёный! Они все такие суровые и неразговорчивые...

В такие моменты рыбке хотелось сказать девушке, что она несправедлива к себе, ведь у той были такие красивые длинные пальчики и стройные ножки, но говорить она не умела, как и все рыбы на свете. А кот считал, что служанкам не подобает мечтать о принцах, пока они не научились, как следует, чистить окуней и вынимать из них все косточки. От таких речей у рыбки темнело в глазах, и она испуганно пряталась под ракушкой.

Однажды утром шторы остались на своём месте, и солнце не появилось в окне. Никто не зашёл в комнату, никто не насыпал корм, и только под вечер распахнулась дверь, да так и осталась открытой. Были слышны чьи-то шаги и неясные глухие голоса вперемешку с шипением кота. Рыбка встревожено металась по аквариуму, пытаясь понять, куда делись хозяин и его служанка.

Ночью на стол запрыгнул взъерошенный кот. Прошёлся туда-сюда и лапой сбросил чернильницу на пол. От громкого звука рыбка спряталась под ракушку, не выпуская кошачий силуэт из виду. Какое-то время кот нервно царапал бархат, затем успокоился и улёгся мордой к аквариуму.

– Старый хозяин умер, – объявил он, спрятав когти, – и служанка больше не придёт, ведь ей никто не заплатит. Наследников совсем не осталось, а всё

имущество уйдёт с молотка. Меня сдадут в приют, а тебя спустят в канализацию, где тобой поживятся огромные гадкие крысы прежде, чем ты задохнёшься от нечистот.

Рыбка, совсем позабыв об осторожности, заметалась в отчаянии, подняв целое облако песка. Как такое могло случиться? Неужели она больше никогда не увидит солнышко? И кто такие крысы?

– Крысы прожорливы и опасны, – продолжил кот, – у них крепкие зубы, способные прогрызть даже камень. Они собираются в стаи и совершенно не боятся кошек. Я слышал, что эти твари могут сожрать даже младенца в колыбели. Жаль, что такое прекрасное создание как ты погибнет в их отвратительных лапах!

И кот вздохнул, покачав головой. Рыбка смотрела сквозь него и боялась даже представить себе, что станет с ней. Прощай, ласковое солнышко! Прощай, милый хозяин! Прощай, бедная служанка! Вот и всё...

Кот встал, потянулся и собрался, было уходить, но, обернувшись, сказал:

– Владелец дома оставил кухонное окно приоткрытым, и я, пожалуй, пойду искать себе новых хозяев. Приютам я не доверяю. Кто знает, что у их владельцев на уме? Возможно, они захотят продать меня живодёрам. Прощай, красавица, мне будет тебя не хватать!

Кот махнул хвостом и исчез.

Рыбка осталась одна. Ей было холодно, и она хотела есть. Скоро, совсем скоро она сама станет кормом для страшных крыс! Быть может, лучше было бы выброситься наружу и уснуть навсегда, глотая обжигающий воздух! Только не крысы!

Внезапно послышался топот кошачьих лап по дощатому полу. Ещё миг – и вот их владелец стоит на столе, возбуждённо подняв распушённый хвост. Едва отдышавшись, он выпалил:

– Там. За углом. Фонтан. С другими рыбками. Да. Они не такие красивые, как ты. Но выглядят дружелюбными. Их кормит детвора. Хлебными крошками. Каждое утро. Сам видел. Ф-фух! Если хочешь, я отнесу тебя туда в зубах. Ты не успеешь задохнуться, это совсем рядом, а бегаю я быстро. Ну что? Ты согласна?

Рыбка изумлённо смотрела на кота, не веря своему счастью. Как же она ошибалась на его счёт, ведь он оказался таким благородным зверем! Ей вдруг захотелось спросить, будет ли он приходить к фонтану навещать её, но Бог не дал ей речи.

Видя, что рыбка медлит, кот пригнулся, с силой оттолкнулся от суконного покрытия, прыгнул высоко на занавеску и, раздирая её когтями, съехал на пол. В комнату тотчас пролился бледный свет луны. Вскочив обратно на стол, кот кивнул на окно:

– Там, за окном – жизнь и еда. Тут, в аквариуме – голод и ожидание смерти. Идём со мной, моя прекрасная рыбка, я не смогу быть счастливым, зная, что дал тебе погибнуть!

От радости рыбка затрепыхалась, не отводя взгляда от ласковых кошачьих глаз. Какой же он милый! Резким взмахом хвоста она подняла целый песчаный вихрь, а её тельце стрелой взвилось наверх. Воздух мягко принял рыбку в свои объятия, серебристый луч мимолётно блеснул на драгоценной чешуе. Время будто бы замедлилось. Всё вокруг выглядело совсем не так, как через толстое стекло. И комната была не такой просторной, как раньше, да и стол казался вроде бы поменьше. А вот облизывающаяся морда некормленного кота, приближаясь, стремительно увеличивалась, теряя благородство и красоту. Голодная пасть распахнулась, обнажив множество острых зубов, шерсть на загривке вздыбилась. Глаза вспыхнули, словно две большие луны. Они становились всё больше, гипнотизируя и парализуя волю. Две луны – это же хорошо, не правда ли? В каждой из них можно подолгу плавать, не чувствуя холода. Там живут необычайные лунные рыбы.

Они резвятся на просторе, скользя по самому краю песчаной волны. Они поют, да, поют! Ведь там, у самого звездопада все рыбы поют и летают. Летают. И манят к себе, кружась в хороводе. Да вот же их голос: «Иди к нам, чудесная золотая рыбка! Иди к нам!»

– Брысь!

Это слово возникло из ниоткуда, ударив по чешуе, плавникам и лунным морям. Взмякнув тысячей кошек, они задрожали и схлынули. Звёзды рассыпались топотом чьих-то лап и исчезли за входной дверью. Затем всё мироздание перевернулось и больно стукнуло зелёным бархатом, да так, что свет померк на некоторое время.

– Бедняжка моя, дай-ка я тебя положу обратно в воду! Вот так. Хорошо, что у меня был ключ, а то этот противный кот съел бы тебя! Ты ведь не против, если я заберу тебя к себе жить? Правда, солнышка из моей каморки не видно, ведь окошка у меня нет. Но я обещаю выносить тебя на улицу каждый день даже зимой. Ненадолго, конечно. Ведь иначе ты замёрзнешь. Правда, у меня есть рукавички, но вряд ли этого будет достаточно.

Служанка всё щебетала, не умолкая, а золотая рыбка, лёжа на боку, смотрела сквозь стекло на её влажные ладошки, обхватившие аквариум, и видела песчаные волны холодных лунных морей.